

IOANNIS CALVINI
COMMENTARIUS
IN
EPISTOLAM AD TIMOTHEUM I

BRUNSVIGAE,
APUD C. A. SCHWETSCHKE ET FILIUM
(APPELHANS & PFENNINGSTORFF)
1892

ЖАН КАЛЬВИН
ТОЛКОВАНИЕ НА ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ
К ТИМОФЕЮ

Перевод с латинского И.В. Мамсурова
Редактор: В.М. Лоцманов

2011 г.

Предисловие

Думаю, что это послание написано не ради самого Тимофея, а, прежде всего, для пользы других. И со мной согласятся все, кто тщательно взвесит все обстоятельства. Не отрицаю, что Павел преследовал цель научить и наставить также самого Тимофея, но утверждаю, что в послании содержится многое, писать о чем было бы напрасно, если бы апостол имел дело только со своим адресатом. Тимофей был молод и не пользовался авторитетом, достаточным для сдерживания выступавших против него наглецов. Из слов же Павла явствует: в ту пору кое-какие люди держались весьма помпезно. Они не стали бы подчиняться кому угодно и надмевались таким тщеславием, что продолжали бы будоражить церковь до тех пор, пока бы в дело не вмешался кто-нибудь более авторитетный, чем Тимофей. Также ясно, что в Эфесе надлежало обустроить многое, требовавшее совета и авторитета Павла. Поэтому апостол, намереваясь научить Тимофея многому, в его лице хотел наставить и прочих членов церкви.

В первой главе Павел обрушивается на отдельных тщеславных людей, искавших себе славы, задавая пустые и ненужные вопросы. Можно заключить, что это были иудеи, которые, изображая рвение к закону, презрев назидание, предавались только спорам, происходящим от человеческого любопытства. А это – нетерпимая профанация закона Божия. Из подобных споров нельзя извлечь какую-то пользу, можно лишь почерпнуть повод для болтовни и под этим предлогом навязывать церкви нелепые измышления. И такого рода порча процветала в папстве чрезвычайно долго. Ибо чем еще было схоластическое богословие, как не огромным хаосом пустых и никчемных умствований? Да и сегодня кое-кто, желая показать свое остроумие, толкуя Слово Божие, позволяет себе забавляться им как мирской философией. Так что Павел признает, что в исправлении подобного порока он должен руководить действиями Тимофея, и, наставляя, чему прежде всего надо научиться из закона, дает понять, что закон искажают те, кто использует его для какой-либо другой цели.

Далее, дабы никто не презирал его авторитет, апостол, признав собственное недостойнство, тут же вдохновенно проповедует, каким его сделала Божия благодать. Наконец, в конце главы он говорит такое, что могло и утвердить Тимофея в здоровом учении, и утешить при этом других, приводя в пример Именей и Александра.

Во второй главе апостол велит во время общецерковных молитв вверять Богу всех людей, особенно князей и гражданские власти, попутно говоря о том, какую пользу миру доставляет гражданское правление. И приводит причину, по которой молитвы должны возноситься за всех: Бог, предлагая всем Евангелие и Посредника Иисуса Христа, показывает тем самым, что хочет спасти всех. И апостол подтверждает это также своей миссией, коль скоро проповедь язычникам была его прямым предназначением. Поэтому всех, в каком бы месте или стране они ни жили, апостол приглашает молиться Богу и, пользуясь этим поводом, рассуждает о том, какую скромность и повиновение должны вызывать женщины на священных собраниях.

В третьей главе, указав, сколь славно служение епископства, Павел описывает истинного епископа и перечисляет требующиеся в нем качества. Затем, он предписывает, какими должны быть диаконы, а также жены тех и других. И чтобы Тимофей проявлял больше прилежания и благочестия в соблюдении всего этого, апостол напоминает ему, что значит заниматься управлением Церкви, дома Божиего и столпа истины. Наконец, Павел упоминает главный артикул (и как бы опору всего небесного учения) о Сыне Божиим, явленном во плоти, по сравнению с которым все прочее, чем, как он видел, занимались склонные к мишуре люди, должно считаться никчемным.

Что же касается содержания следующих глав, то в начале главы четвертой апостол сурово осуждает как ложные учения о браке и запрещенной пище, так и нелепые басни, несогласные с главным артикулом веры. Затем апостол добавляет: единственные

противники его, и всех благочестивых, держащихся этого артикула, это те, кто не позволяет возлагать надежду на одного лишь Бога. В конце главы апостол снова укрепляет Тимофея посредством увещания.

В пятой же главе, посоветовав ему быть скромным и мягким в порицаниях, апостол рассуждает о вдовах, привлеченных в то время к церковному служению. Павел велит принимать не всех вдов без разбора, но только тех, которые, ведя добродетельную жизнь, достигли шестидесятилетнего возраста и не имеют никакой домашней обузы. Отсюда апостол переходит к пресвитерам, наставляя в отношении их образа жизни и учености. И наставление свое Павел как бы удостоверяет клятвой, снова запрещая необдуманно принимать кого-либо в пресвитерское сословие. Он увещает Тимофея в оздоровительных целях пить вино вместо воды и в конце главы призывает его не быть поспешным в суждении о тайных грехах.

В шестой главе апостол говорит об обязанностях рабов и, пользуясь этим поводом, обрушивается на лжеучителей, которые, споря по поводу праздных умозаключений, стремились больше к выгоде, нежели к назиданию. Одновременно он учит, сколь губительной заразой является алчность. Затем апостол снова прибегает к похожей на предыдущую клятве, дабы вышесказанные предписания Тимофею не оказались напрасными. В конце, попутно упомянув о богатых, апостол снова запрещает Тимофею впутываться в никчемные учения.

Я не согласен с обычным греческим надписанием этого послания, гласящим, что оно было написано в Лаодикии. Ибо, коль скоро Павел, пребывая в узах и составляя послание к колоссянам, свидетельствует, что никогда не видел лаодикийцев, придерживающиеся подобного мнения вынуждены, на мой взгляд неуместно, предположить, что в Малой Азии находились две Лаодикии. Но о второй из них не упоминает никто из древних писателей. Кроме того, Павел сам говорит, что оставил Тимофея в Эфесе по дороге в Македонию. И послание свое он либо написал в пути, еще до нее не добравшись, либо на обратном пути по завершении своего путешествия. Но ясно, что Лаодикия дальше отстоит от Македонии, чем сам Эфес. Кроме того, не похоже на правду, чтобы апостол на обратном пути, пройдя Эфес, прямо пошел в Лаодикию, поскольку находиться в Эфесе ему следовало по многим причинам. Посему, я скорее думаю, что Павел писал из какого-то другого места, хотя это не столь уж важный вопрос, чтобы спорить о нем с теми, кто придерживается иного мнения. Пусть каждый думает, что хочет. Я говорю лишь то, что (на мой взгляд) больше похоже на правду.

Глава 1

1. Павел, Апостол Иисуса Христа по повелению Бога, Спасителя нашего и Господа Иисуса Христа, надежды нашей, 2. Тимофею, истинному сыну в вере: благодать, милость, мир от Бога, Отца нашего, и Христа Иисуса, Господа нашего. 3. Отходя в Македонию, я просил тебя пребыть в Ефесе и увещевать некоторых, чтобы они не учили иному 4. и не занимались баснями и родословиями бесконечными, которые производят больше споры, нежели Божие назидание в вере.

(1. Павел, апостол Иисуса Христа по установлению Бога, Спасителя нашего и Господа Иисуса Христа, надежды нашей, 2. Тимофею, родному сыну в вере: благодать, милость, мир от Бога, Отца нашего, и Христа Иисуса, Господа нашего. 3. Как я просил тебя пребыть в Ефесе, отходя в Македонию, хочу, чтобы ты возвестил некоторым, дабы они не учили иначе 4. и не занимались баснями и родословиями бесконечными, которые больше порождают вопросы, нежели Божие назидание в вере.)

1) Павел, Апостол (апостол). Если бы Павел писал одному Тимофею, ему было бы не нужно надписывать подобный эпитет и говорить в том тоне, в каком он это делает. Ведь Тимофей несомненно довольствовался бы просто именем Павла. Он знал, что Павел –

апостол Христов, и не нуждался в доказательствах, чтобы ему доверять. Он вполне был к этому склонен по собственной воле и в результате длительного опыта вполне к этому привык. Значит, апостол имеет в виду других, которые слушали его не столь охотно и не с такой легкостью доверяли его словам. Из-за подобных людей Павел и свидетельствует, что он апостол Христов, дабы они не посмели легковесно относиться к тому, что он пишет. И свое апостольство Павел подтверждает установлением, или декретом Божиим, коль скоро никто не может сам себя сделать апостолом, и истинный, достойный чести апостол только тот, кого поставил в этой должности Сам Бог. Причем Павел делает автором своего апостольства не только Бога Отца, но и Иисуса Христа. Действительно, управляя Церковью, Отец все делает через Сына и сообща с Сыном.

Апостол называет Бога *Спасителем*, титулом, который обычно приписывается Сыну. Но он подобает и Отцу вследствие того, что именно Отец дал нам Своего Сына. Итак, Отцу и Сыну заслуженно приписывается слава за наше спасение. Ведь почему мы спасены? Потому что Отец возлюбил нас так, что захотел искупить и спасти через Сына.

Называя же Христа *нашей надеждой* Павел приписывает Ему вполне подходящее имя. Ибо мы начинаем обоснованно надеяться лишь тогда, когда взираем на Иисуса Христа, поскольку только в Нем заключена вся суть нашего спасения.

2) *Тимофею, истинному сыну (родному сыну)*. Весьма весомая похвала, которой Павел хочет сказать: он признает Тимофея истинным сыном, а не вырожденцем, и желает, чтобы таким его признавали и другие. Больше того, апостол расхваливает Тимофея так, словно он – его другое «я».

Но как совместить со сказанным речением Христово: не называйте себе никого отцом на земле (Мф.23:9)? А также со следующим свидетельством апостола (1Кор.4:15): если и многих имеете отцов по плоти, все же есть лишь один Отец духов? Отвечаю: Павел так присваивает себе имя «отца», что при этом ни в чем не умаляет и не оскорбляет Божию славу. Известно высказывание: подчиненное другому не может ему противоречить. И таким по отношению к Богу является именование Павла отцом. Единственный Отец всех пребывающих в вере есть Бог, поскольку именно Он возрождает всех Своим Словом и силой Своего Духа, и только Он подает веру. Но служителей, которых Он соизволил использовать в этом деле, Бог допускает к соучастию в Собственных почестях, ни в чем не ущемляя при этом Самого Себя. Итак, духовным Отцом Тимофея был Бог и, в собственном смысле, только Он. Но Павел, будучи служителем Божиим в деле возрождения Тимофея, присваивает себя этот титул как бы по вторичному и подчиненному праву.

Благодать, милость. Апостол против своей привычки вставляет здесь второе слово, то есть «милость», возможно, побужденный к этому особой любовью к Тимофею. Далее, Павел не соблюдает здесь точного порядка, ибо последующее, то есть благодать, происходящую из милости, он помещает на первое место. Ведь Бог потому принимает нас в Свою благодать, а затем выказывает к нам любовь, что Он милостив. Однако вполне привычно ради пояснения присоединять причину к ее следствию. О словах же «благодать» и «мир» сказано в другом месте.

3) *Я просил тебя*. Здесь – либо неполное предложение, либо излишне поставлен союз *ὅτι*. И в том, и в другом случае смысл ясен. Во-первых, Павел напоминает Тимофею о причине, по которой он попросил его остаться в Эфесе.¹ Поскольку Павел отпустил от себя столь дорогого и верного помощника и сделал это лишь с болью и ради нужды, дабы тот мужественно замещал апостола в этом городе (на что был способен далеко не каждый), эта мысль должна была сильно встряхнуть Тимофея, дабы он не только не тратил попусту время, но и вел себя с великим достоинством. Поэтому Павел, как бы

¹ Ибо он не напрасно отпустил его от себя, но для того, чтобы он исполнял там за него его работу.

делая вывод, увещевает его противостоять лжеучителям, искажавшим чистое вероучение. В том же, что Павел ранее заповедал Тимофею оставаться в Эфесе, надо отметить его благочестивое попечение. Ибо он усердно насаждал различные церкви, но при этом не оставлял созданные им ранее без пастырей. Действительно, как говорится, сохранять достигнутое — не меньшая добродетель, чем искать новое. Глагол «возвещать» говорит здесь о власти. Ведь Павел хочет наделить Тимофея властью обуздывать других.

Не учили иному. Греческое слово, использованное здесь Павлом, сложносоставное. Поэтому его можно перевести или «учить отдельно», или «учить по-новому», или «передавать иное учение». Перевод же Эразма «следовали» меня не устраивает, поскольку в этом случае сказанное можно отнести и к слушателям. Но Павел подразумевает тех, кто из-за тщеславия вводил в Церковь новые учения. И если прочесть «учили иначе», это станет еще яснее. Ибо этой фразой апостол запрещает Тимофею терпеть новые формы научения, не согласующиеся с ранее переданной истинной и подлинной его формой. Так и во втором послании апостол расхваливает гипотипозис, то есть, живой образ своего учения. Ибо подобно тому, как истина Божия одна, так и способ ее передачи весьма прост, а именно: он лишен всяких прикрас и больше благоухает величиим Духа, нежели человеческим красноречием. И если кто-то отходит от этого способа, он искажает и разлагает также само учение. Значит, фразу «учить иначе» надо относить к форме научения. Если же прочесть «учили иному», то фраза станет относиться к самому его содержанию.

Но следует отметить: иным зовется не только то учение, которое открыто противоречит чистой евангельской доктрине, но и все, что либо искажает чистоту Евангелия новыми придуманными измышлениями, либо затуманивает его мирскими умствованиями. Ибо сколько людских измышлений, столько и искажений Евангелия. Да и те, кто по мирскому обычаю играет с Писаниями, превращая христианство в искусство показухи, тем самым покрывает благовестие мраком. Итак, подобный способ научения чужд Слову Божию и той чистоте учения, в которой Павел велит пребывать эфесянам.

4) *И не занимались баснями.* Баснями (на мой взгляд) Павел называет не столько умышленный обман, сколько вздорные и нелепые рассказы, не имеющие под собой никакого основания. Ведь вполне может быть, что нечто неложное тем не менее будет баснословным. В этом смысле говорит о баснословной истории Транквилл², да и Ливий³ под баснословием понимает глупую и необоснованную болтовню. Также нет сомнения, что **μῦθος** (именно этим словом воспользовался здесь Павел) для греков означает **φλυαρίαν**, то есть, вздорную болтовню. И апостол, в качестве примера указывая на определенный вид таких басен, устраняет всякое сомнение в отношении смысла его слов. Ибо он причисляет споры о генеалогиях к басням не потому, что все, могущее быть сказанным по этому вопросу, ложно, а потому что разговоры эти пусты и бесплодны.

Итак, данное место можно перефразировать так: пусть они не занимаются баснями, каковыми являются или к каковому роду принадлежат и родословия. И это — та самая баснословная история, о которой упоминал Светоний, и которую всегда высмеивали даже здравомыслящие грамматик. Непременно вызовет смех любопытство, когда, отбросив полезное знание о вещах, тратят все время в поисках рода Ахиллеса или Аякса, истощают разум в пересчитывании детей Приама. И если это не подходит даже детскому обучению, где вполне уместны игры и забавы, то тем более нетерпимо это в учении небесной премудрости.

Родословия апостол называет бесконечными потому, что пустое любопытство не знает никакой меры и, выходя из одного лабиринта, тут же устремляется в другой.

²

Светон. Тибер. 70

³

Кн.45, гл.39

Споры (вопросы). Учение апостол оценивает по его плодам. Ибо все не назидательное достойно отвержения, даже если в нем и нет ничего порочного. Поэтому все способное лишь порождать споры подлежит двойному осуждению. И таковы все утонченные умствования, которыми упражняют свой разум тщеславные люди. Итак, будем помнить: все учения следует подвергать подобной проверке и одобрять лишь те из них, которые способствуют назиданию. Учения же, дающие лишь повод для споров без какого-либо плода, должны отвергаться как недостойные Церкви Божией. И если бы подобной проверке придерживались в прошлые века, то даже если бы религия и оказалась запятнанной многими заблуждениями, по крайней мере, не до такой степени возобладали бы дьявольское искусство спорить, получившее название «схоластического богословия». Ибо что еще содержится в нем, кроме распрей и скандальных умствований, от которых нет никакой пользы? Посему чем более кто-то обучен этой науке, тем более несчастным его следует признать. Знаю, какие оправдания обычно приводятся в пользу схоластики, но они никогда не сделают лжецом Павла, осудившего все подобные умствования.

Божие назидание. Ибо подобного рода тонкости назидают в гордыне, назидают в суете, но не в Боге. Назиданием же Божиим апостол зовет либо то, которое Бог одобряет, либо то, которое по Богу. И учит, что оно заключается в вере. И эта фраза не исключает любви, страха Божия или покаяния. Ибо что все это такое, как не плоды веры, всегда порождающей из себя благочестие? Итак, коль скоро апостол знал, что все богопочитание основано только на вере, он счел достаточным упомянуть о ней одной, ибо от нее зависит все остальное.

5. Цель же увещания есть любовь от чистого сердца и доброй совести и нелицемерной веры, 6. от чего отступив, некоторые уклонились в пустословие, 7. желая быть законоучителями, но не разумея ни того, о чем говорят, ни того, что утверждают. 8. А мы знаем, что закон добр, если кто законно употребляет его, 9. зная, что закон положен не для праведника, но для беззаконных и непокоривых, нечестивых и грешников, развратных и оскверненных, для оскорбителей отца и матери, для человекоубийц, 10. для блудников, мужеложников, человекоуничижителей, (клеветников, скотоложников,) лжецов, клятвопреступников, и для всего, что противно здоровому учению, 11. по славному благовестию блаженного Бога, которое мне вверено.

(5. Цель же заповеди есть любовь от чистого сердца и доброй совести и нелицемерной веры, 6. от чего отступив, некоторые уклонились в пустословие, 7. желая быть законоучителями, но не разумея ни того, о чем говорят, ни того, что утверждают. 8. А мы знаем, что закон добр, если кто законно употребляет его, 9. зная, что закон положен не для праведника, но для неправедных и непокоривых, нечестивых и грешников, развратных и оскверненных, отце- и матереубийц, человекоубийц, 10. для блудников, мужеложников, человекоуничижителей, лжецов, клятвопреступников, и для всего, что противно здоровому учению, 11. по благовестию славы блаженного Бога, которое мне вверено.)

Поскольку болтуны, с которыми имел дело Тимофей, хвалились собой под предлогом закона, Павел упреждает их и учит, что закон не только ничем им не помогает, но скорее выступает против них, и в то же время прекрасно согласуется с преподанным им благовестием. Ибо способ защиты этих людей весьма похож на тот, которым сегодня пользуются против нас наши оппоненты. Они говорят, что мы стремимся ни к чему иному, как к упразднению священного богословия. Словно только они лелеют его в собственном лоне. Таким же образом и тогдашние противники говорили о законе так, чтобы вызвать ненависть к Павлу. И что же он им отвечает? Дабы рассеять напущенный ими дым, он охотно путем упреждения показывает, что учение его прекрасно согласуется с законом, и что злоупотребляют законом те, кто пользуется им для какой-то другой цели.

Так и сегодня, если определить понятие истинного богословия, станет ясно: мы желаем лишь восстановления того, что несчастным образом повредили и исказили болтуны, которые, напрасно надмеаясь именем теологов, учат лишь неясной и бесплодной чепухе. Слово же «заповедь» обозначает здесь весь закон, как часть, означающая собою целое.

5) *Любовь от чистого сердца*. Если закон направлен на то, чтобы наставить нас в любви, происходящей от веры и доброй совести, отсюда следует от противного, что все, превращающие учение закона в любопытствующие вопрошания, толкуют его весьма превратно. Впрочем, не так уж важно, относить ли слово «любовь» в этом месте к обоим скрижалям закона или только ко второй из них. Действительно, нам велят от всего сердца любить Бога и ближних, как самих себя. Однако когда в Писании упоминается о любви, она часто ограничивается только ближними. Я не усомнился бы, что здесь идет речь о любви к Богу и ближним, если бы Павел произнес только слово «любовь». Но, поскольку он добавил к ней веру, добрую совесть и чистое сердце, толкование, которое я сейчас приведу, не будет чуждым его мысли и хорошо подойдет контексту настоящего отрывка. Итог закона в том, чтобы почитать Бога с искренней верой и чистой совестью, и, кроме того, в том, чтобы взаимно друг друга любить. Всякий отклоняющийся от этого правила искажает закон Божий, обращая его к иной цели.

Но здесь возникает следующее сомнение: кажется, что Павел предпочитает любовь вере. Отвечаю: те, кто так думает, рассуждают весьма по-детски. Ведь если любовь упоминается здесь первой, она не будет иметь из-за этого первенства в чести, ибо Павел одновременно учит, что любовь проистекает от веры. Причина же по порядку предшествует своему следствию. И если прилежно обдумать весь контекст, сказанное Павлом обретет следующий смысл: закон дан нам с целью наставить нас в вере, являющейся матерью доброй совести и любви. Таким образом, начало полагается в вере, а не в любви. Чистое же сердце и добрая совесть мало отличаются друг от друга. И то, и другое проистекает от веры. Ибо о чистом сердце сказано в Деян.15:9, что Бог очищает сердца верою. О доброй же совести Павел свидетельствует, что она основана на воскресении Христовом (1Пет.3:21). Отсюда мы узнаем, что нет истинной любви там, где нет страха Божия и целомудрия совести.

Не стоит упускать из виду и то, что Павел к каждому понятию добавляет соответствующий эпитет. Ведь нет ничего более распространенного и легкого, чем претендовать на веру и добрую совесть. Но сколько людей докажут делами, что далеки при этом от всякого лицемерия? В особенности следует отметить эпитет веры. Он означает, что там, где не видно доброй совести, где никак не проявляется любовь, исповедание веры лживо. И если в вере состоит спасение людей, а из веры, доброй совести и любви состоит совершенное богопочитание, нет ничего удивительного в том, что Павел заключает в них итог всего закона.

6) *От чего отступив*. Апостол продолжает использовать метафору цели. Ибо глагол *ἄστοχέιν*, причастие от которого здесь используется, означает отклоняться или уходить от намеченного. Замечательное место, осуждающее в пустословии все учения, не стремящиеся к единственной вышеуказанной цели. Одновременно это место учит, что разум и помышления всех людей становятся ничем, если обращаются к чему-то иному. Возможно, что многие будут восхищаться бесполезными умственными тонкостями, все равно остается неизменным высказывание Павла: все, не назидующее в благочестии, чистая *ματαιολογία*. Посему надо в наивысшей степени остерегаться искать в священном Слове Божиим что-либо иное, кроме надежного назидания, дабы Бог не воздал нам сурово за злоупотребление Своим Словом.

7) *Желая быть*. Апостол порицает не тех, кто открыто воевал с учением закона, а тех, кто скорее расхваливал себя, им прикрываясь. Он отрицает, что таковые что-либо понимают в законе, поскольку без всякой пользы утруждают собственный разум любопытствующими

вопросами. Одновременно Павел словами «о чем говорят» обуздывает их превозношение. Ведь нет более дерзких знатоков неведомого, чем учителя подобных басней.

Да и сегодня мы видим, с какой надменностью и гордыней шумят о своих учительных определениях сорбоннские схоласты. И по поводу каких вещей? Тех, которые совершенно сокрыты от человеческого разума и не явлены ему ни в слове Писания, ни в каком-либо откровении. Они с большей уверенностью утверждают существование чистилища, чем воскресение мертвых. Они вопят, что, если не считать божественным речением их измышления по поводу заступничества святых, вся религия обрушится. И зачем мне упоминать о бесконечных лабиринтах, связанных с небесными иерархиями, с их взаимными отношениями и тому подобными выдумками? Число их воистину нескончаемо. Апостол же возвещает, что во всем вышесказанном исполняется древняя фраза: невежество дерзко. Подобным образом он говорит и в Кол.2:18: они, надмеваясь плотским разумом, влезают в том, о чем ничего не знают.

8) *Мы знаем, что закон добр.* Апостол снова упреждает возводимую на него клевету. Ибо всякий раз, как он противился показухе, его противники в качестве щита использовали следующий вопрос: и что же? хочешь ли ты похоронить закон и изгладить его из людской памяти? Поэтому Павел, дабы опровергнуть эту клевету, признает, что закон добр, но требует при этом его законного употребления. Доказательство он строит на двух сопряженных словах, ибо слово «законный» происходит от слова «закон». Но апостол идет еще дальше: он учит, что закон прекрасно согласуется с его учением и одновременно обращает его против своих же противников.

9) *Закон положен не для праведника.* Апостол не намеревался говорить обо всем служении закона, он лишь имел в виду пользующихся им людей. Ибо часто те, которые хотят казаться яростными ревнителями закона, всей своей жизнью выказывают себя его полными презрителями.

И сегодня образчик такого поведения прекрасно различим в защитниках праведности по делам и сторонниках свободной воли. Они постоянно говорят о совершенной святости жизни, о заслугах, об удовлетворениях, но вся их жизнь вопиет о том, что они более чем нечестивы и осквернены, любыми способами навлекают на себя гнев Божий и спокойно презирают Его суд. Эти люди величественно превозносят свободный выбор между добром и злом, но делами своими показывают, что они – рабы сатаны, находящиеся в жесточайших узах этого рабства.

И коль скоро противники Павла были именно такими, апостол, обуздывая их глупое превозношение, говорит, что закон – как бы меч Божий, простертый ради их истребления. Сам же он и ему подобные не имеют причин ужасаться и ненавидеть закон, не противящийся праведным, то есть, благочестивым и добровольным почитателям Бога.

Мне также известно, что некоторые ученые мужи извлекают из слов апостола более тонкий смысл: как будто Павел рассуждает о природе закона с полностью богословских позиций. Они делают вывод, что закон никак не относится к детям Божиим, возрожденным Его Духом, поскольку он установлен не для праведных. Однако контекст настоящего отрывка вынуждает меня понять сказанное проще. Апостол опирается на общеизвестный принцип: добрые законы происходят от плохих нравов, – и утверждает, что закон Божий дан ради сдерживания злобы нечестивых. Ибо те, кто добр по собственной воле, не нуждаются во власти закона.

Но здесь возникает вопрос: изъят ли кто-либо из смертных из числа этих нечестивых? Отвечаю: Павел называет праведными не тех, кто совершен во всех отношениях (таковых просто не существует), но тех, главное стремление сердца которых направлено к добру, так что для них благочестивое желание – это как бы добровольный закон, без какого-либо внешнего принуждения и узды. Значит, этими словами апостол хотел обличить

бесстыдство тех, кто, прикрываясь законом, выступал против благочестивых мужей, всей своей жизнью соблюдавших истинное правило закона, в то время как сами их противники, в наибольшей степени нуждаясь в законе, однако же не слишком о нем заботились. И это еще лучше видно из приведенного противопоставления.

Если же кто не согласится с тем, что перечисляемые Павлом преступления косвенно или по умолчанию относятся к его оппонентам, все равно их клевета опровергается весьма просто: если бы они серьезно, а не притворно руководствовались законом, то должны были скорее вооружиться им для борьбы с преступлениями и злодеяниями, а не прикрывать им свое тщеславие и пустую болтовню.

Для *беззаконных (неправедных) и непокоривых*.⁴ Вместо слова «неправедных» переводчики могли бы более уместно поместить слово «беззаконных». Ибо по-гречески сказано *ἀνόμους*, от которых мало отличаются непокоривые, поставленные на втором месте. *Грешниками* же апостол называет преступников, или же тех, кто ведет постыдную и преступную жизнь. Вместо «развратных»⁵ и «оскверненных» можно было бы уместно перевести «оскверненных» и «нечистых», но я не хочу спорить по поводу не столь уж важных слов.

Человекохищничеством у древних называлось похищение или переманивание чужого раба, или же незаконная продажа в рабство свободного человека. Если кто захочет узнать об этом больше, пусть читает труды юристов и обратится к закону Флавия. Впрочем, Павел перечисляет здесь некоторые виды проступков, сжато охватывающие все их возможные виды. Их корнем является гордыня и бунтарство, означаемые первыми двумя словами.

Под нечестивыми же и грешниками, кажется, подразумеваются нарушители первой и второй скрижали закона. К ним апостол добавляет оскверненных и нечистых, или же осквернившихся постыдной жизнью. Поскольку же ближним прежде всего наносится вред тремя действиями: насилием, обманом и похотью, – апостол, как можно легко увидеть, по порядку их и приводит. Ибо насилие проявляется в человекоубийцах и убийцах родителей, на втором месте упоминаются грязные похоти, а на третьем – обманы и все прочие злодеяния.

10) *И всего, что*. В этом предложении апостол утверждает, что его благовестие не только не воюет с законом, но и является его наилучшим подтверждением. Он свидетельствует, что проповедь его подтверждает приговор, вынесенный законом Божиим против всего, противящегося здравому учению. Отсюда следует: те, кто, отходя от Евангелия, следует только его тени, нисколько не смыслят в сути закона.

Здоровое учение противопоставляется здесь пустым вопросам, которыми, как говорит он в другом месте, утруждают себя негодные учителя, и которые заслуженно считаются безответственными, исходя из вызываемых ими последствий.

Благовестие славы понимается здесь как славное благовестие. Этой фразой апостол остро обличает тех, кто пытался выделиться, принижая Евангелие, в котором проявляется Божия слава. Апостол подчеркнуто добавляет, что это Евангелие было вверено ему, давая всем понять: благовестие Божие есть именно то, которое проповедует он. Поэтому все прежде осужденные им басни чужды как закона, так и благовестия Божия.

12. Благодарю давшего мне силу, Христа Иисуса, Господа нашего, что Он признал меня верным, определив на служение, 13. меня, который прежде был хулитель и гонитель и обидчик, но помилован потому, что так поступал по неведению, в неверии;

---

⁴ Неправедными апостол зовет беззаконников.

⁵ Непочтительных.

(12. Благодарю давшего мне силу, Христа Иисуса, Господа нашего, что Он признал меня верным, определив на служение, 13. меня, который прежде был хулитель и гонитель и обидчик, но помилован потому, что делал, не ведая, в неверии;)

12) *Благодарю.* Велико достоинство апостольства, которое отстаивал за собою Павел. Однако сам он, учитывая его предыдущую жизнь, никак не мог считаться достойным подобной чести. Посему, дабы его не осуждали в превозношении, он вынужден перейти к рассмотрению своей личности и добровольно признать собственное недостойнство. И, тем не менее, Павел утверждает, что является апостолом по благодати Божией. Больше того, то, что казалось умаляющим его авторитет, он обращает к собственной пользе: ведь от этого еще ярче воссияла в нем Божия благодать.

Воздавая благодарение Христу, апостол свидетельствует, что далек от зависти, и устраняет всякий повод для вопроса: достоин ли он столь почетного служения. Ибо, как бы он ни был невзрачен сам по себе, достаточно и того, что его избрал Христос. Многие говорят о своем смирении, пользуясь теми же самыми словами, но им далеко до искренности Павла, целью которого было не только от души похвалиться в Господе, но и полностью отказаться от собственной славы. За что благодарит Павел? За то, что его поставили на служение. Отсюда он выводит, что его сочли верным. Ибо Христос не принимает кого-либо из тщеславия, но избирает лишь пригодных, поэтому всех, кого Он удостоил чести, и мы должны принимать как достойных. И этому не противоречит то, что Иуда согласно пророчеству Пс.109:9 [В Синодальном переводе Пс.108:9 – прим. пер.] вознесся на короткое время, чтобы затем пасть. С Павлом дело обстояло совершенно иначе, ведь и почета он достиг для другой цели и совсем на других условиях, когда Христос возвестил, что Павел будет Его избранным сосудом (Деян.9:5).

Но кажется, что апостол таким образом причиной своего призвания делает ранее отличавшую его веру. Если бы было так, то его благодарение оказалось бы притворным и глупым. Ибо в этом случае апостольство свое Павел возводил бы не к Богу, а к собственной заслуге. Итак, я отрицаю подобный смысл: будто Павел потому был принят в апостольский чин, что Бог предузнал его веру. Ведь Христос не мог предвидеть в нем никакого блага, кроме данного ему от Отца. Посему всегда остается истинным положение: не вы Меня избрали, но Я вас избрал (Ин.15:16). Скорее, напротив, Павел хотел доказать свою веру из того, что Христос сделал его апостолом. Ведь тех, кого Христос таким образом поставляет, Он как бы объявляет верными Собственным декретом. В итоге, суждение относится здесь не к предузнанию, но скорее к свидетельству, обращенному к людям. Апостол как бы говорит: благодарю Христа, Который, призвав меня на служение, ясно показал, что одобряет мою веру.

Павел упоминает и другое благодеяние Христово, подтверждающее первое: «давшего мне силу». И под этими словами⁶ он понимает не только то, что десница Божия изначально преобразила его так, что он стал пригоден к служению, но одновременно имеет в виду непрерывное подаяние благодати. Ибо для Павла было бы недостаточным единократного провозглашения верным, если бы Христос не поддерживал его постоянно Своей помощью. Итак, апостол признает, что и то, и другое имеет по благодати Христовой: и единократное возвышение, и постоянное пребывание в своем статусе.

13) *Был хулитель и гонитель.* Хулитель в отношении Бога, а гонитель и обидчик в отношении Церкви. Мы видим, как искренне Павел признает то, за что его могли бы поносить, как не преуменьшает собственные грехи, как, добровольно исповедуя собственное недостойнство, возвеличивает благодать Божию. Ибо, не довольствуясь словом «гонитель», апостол добавил слово, еще больше выражающее его прежнюю ярость и свирепость.

Потому, что так поступал по неведению. Я, – говорит апостол, – получил прощение за свое неверие, поскольку прежде находился в неведении. Ибо мои преследования и мое насилие были не чем иным, как плодом моего неверия. Но, кажется, Павел намекает, будто прощению есть место лишь там, где имеется оправдание неведением. И что же? Разве того, кто согрешил сознательно, Бог никогда не простит? Отвечаю: здесь следует отметить слово «неверие», ограничивающее фразу Павла первой скрижалю закона. Преступления второй скрижали, хотя бы и были сознательными, прощаются, но если кто сознательно и добровольно нарушает первую скрижаль, то грешит против Святого Духа, прямо противопоставляя себя Богу. Ведь он грешит отнюдь не по немощи, а, нечестиво восставая на Бога, являет тем самым несомненный признак своего отвержения.

И отсюда можно вывести определение греха против Святого Духа. Во-первых, он – прямое превозношение над Богом, выражающееся в нарушении первой скрижали, а во-вторых, он – злобное отвержение истины. Ибо там, где истина не отвергается с намеренной злобой, нет противления Святому Духу. В итоге, неверие полагается здесь в качестве рода, а злобное намерение, противопоставляемое неведению, есть как бы видовое отличие.

Посему неправильно думают те, кто видит грех против Святого Духа в нарушении второй скрижали. Неправильно думают и те, кто осуждает в подобном преступлении необдуманный и слепой порыв. Ибо против Святого Духа грешат лишь тогда, когда смертные люди по собственной воле восстают против Бога, угашая данный им от Духа свет. Воистину ужасно подобного рода нечестие и воистину безумна подобная дерзость! Нет сомнения, что апостол хотел тем самым косвенно утешить всех однажды просвещенных, дабы они не восставали против познанной ими истины, коль скоро падение в этом случае будет погибельным. Ведь, если Бог простил Павлу хуления ради его неведения, тот, кто богохульствует сознательно и прилагая к этому усилия, не должен надеяться на прощение.

Но кажется, что слово «неведение» добавляется напрасно, ибо неверие, всегда будучи слепым, не может без него существовать. Отвечаю: из неверующих одни слепы настолько, что заблуждаются из-за неверного представления о правильных вещах, а другие – настолько, что господствует в них одна лишь злоба. Павел не был полностью лишен дурного устремления, но его обуяло необдуманное рвение, и он считал правильным то, что делал. Итак, он был противником Христовым не намеренно, а по ошибке и незнанию. Фарисеи же, клеветавшие на Христа со злой совестью, также не были полностью свободны от неведения и заблуждения, но их подстегивали тщеславие и нечестивая ненависть к здравому учению, больше того – безумное превозношение над Богом. Так что они противостояли Христу по злобе и намеренно, а не по неведению.

14. благодать же Господа нашего (Иисуса Христа) открылась во мне обильно с верою и любовью во Христе Иисусе. 15. Верно и всякого принятия достойно слово, что Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый. 16. Но для того я и помилован, чтобы Иисус Христос во мне первом показал все долготерпение, в пример тем, которые будут веровать в Него к жизни вечной. 17. Царю же веков нетленному, невидимому, единому премудрому Богу честь и слава во веки веков. Аминь.

(14. благодать же Господа нашего преизобиловала сверх меры обильно с верою и любовью во Христе Иисусе. 15. Верно и всякого принятия достойно слово, что Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый. 16. Но для того я и помилован, чтобы Иисус Христос во мне первом показал все милосердие, в пример тем, которые будут веровать в Него к жизни вечной. 17. Царю же веков нетленному, невидимому, единому премудрому Богу честь и слава во веки веков. Аминь.).

14) *Открылась ... обильно (преизобиловала).* Апостол снова возвеличивает явленную ему благодать Божию. Он делает это не только для устранения к себе неприязни и ради

свидетельства своей благодарности, но и для того, чтобы противопоставить эту благодать наветам нечестивых, прилагавших все силы, чтобы принизить его апостольство. Говоря же, что благодать преизобиловала и, причем, сверх меры, он намекает на то, что память о его предыдущих поступках истреблена и изглажена, и прежняя жизнь уже ни в чем не умаляет его в глазах добрых людей.

С верою и любовью. И то, и другое можно приписать Богу. То есть, Бог выказал Себя правдивым и, удостоив Павла благодати, явил образец Своей любви во Христе. Но я предпочитаю понимать сказанное проще: вера и любовь суть признаки и свидетельства упомянутой апостолом благодати, дабы не казалось, что он претендует на нее напрасно и необдуманно. Причем вера противопоставляется неверию, а любовь во Христе – свирепости, которую ранее он выказывал к верующим. Павел как бы говорит: Бог изменил меня настолько, что я – уже другой и новый человек. Итак, опираясь на следствия и признаки, апостол расхваливает превосходство благодати, упразднившей память о его предыдущей жизни.

15) *Верно слово.* Избавив прежде свое служение от беславия и несправедливых попреков, апостол, не довольствуясь этим, обращает в свою пользу то, что противники могли бы выставить как повод для поношения. Павел учит: для весьма Церкви полезно, что он был таким прежде своего призвания к апостольству, поскольку через это, как бы дав надежный залог, Христос призвал всех грешников к твердой надежде на прощение. Ибо, когда Павел из яростного и кровожадного зверя превратился в пастыря, Христос явил замечательный образчик Собственной благодати, дабы все получили надежду на то, что никакие тяжкие и жуткие грехи не закроют для них доступа к спасению.

Но сначала апостол формулирует общее положение: «Христос пришел спасти грешников», и украшает его вступлением, как обычно делают при рассмотрении весьма серьезных вопросов. Ведь приход ко Христу, действительно, главное положение вероучения, дабы мы, погибшие в самих себе, получили от Него спасение. Итак, да будет это вступление для нас подобным трубе, звучащей для провозглашения благодати Христовой, дабы сделать ее для нас более достоверной; да будет оно для нас как бы печатью, запечатлевающей в наших сердцах упование на отпущение грехов, которое в ином случае весьма трудно проникает в человеческие души. Кроме того, по какой причине Павел привлекает наше внимание словами «верно слово», если не по той, что люди всегда сомневаются внутри себя по поводу своего спасения? Ибо, хотя Бог Отец тысячу раз предложит нам спасение во Христе, и Сам Христос возвестит нам о Своем служении, мы не перестанем из-за этого трепетать или, по крайней мере, вопрошать внутри себя: так ли это? Посему всякий раз, как нам придет на ум какое-либо сомнение в отпущении грехов, научимся как щитом отражать его речением: несомненно истинно и достойно всякого принятия это слово.

Спаси грешников. В этой фразе присутствует эмпфаза. Ведь даже те, кто признает, что служение Христа состоит в спасении, с трудом допускают мысль, что подобное спасение относится к грешникам. Наш разум всегда склонен рассматривать чье-либо достоинство. И как только замечается недостойность, тут же исчезает упование. Посему, чем больше тяготится кто-либо своими грехами, тем воодушевленнее он должен прибегать ко Христу, опираясь на учение о том, что Он пришел спасти не праведных, но грешников. Следует отметить, что Павел строит доказательство на общем служении Христовом, дабы сказанное им недавно о собственной персоне не показалось глупой новизною.

Из которых я первый. Остерегайся думать, будто апостол сказал нечто ложное из-за своей скромности. Он произнес не только смиренное, но и истинное исповедание, исходящее из внутреннего сердечного чувства. Но кто-нибудь спросит: почему главным грешником себя считает тот, кто согрешил только по незнанию здравого учения, а в прочих отношениях был безупречен перед людьми? Однако слова апостол учат нас, сколь тяжким

и ужасным преступлением перед Богом является неверие. Особенно, если к нему добавляется упорство и лишившаяся разума ярость. Для людей весьма просто преуменьшить тяжесть сказанного о себе Павлом, сославшись на его необдуманное рвение. Но Бог настолько ценит послушание веры, что не может считать легким проступком неверие, соединенное с упорством.

Посему это место следует прилежно отметить: человек не только невинный в глазах мира, но и отличавшийся выдающимися добродетелями и достойной похвалы жизнью, считается одним из величайших грешников из-за надменности неверия, поскольку был противником евангельского учения. Отсюда можно легко понять, что значат перед Богом все внешние прикрасы лицемеров, надменно противящихся при этом Иисусу Христу.

16) *Чтобы Иисус Христос во мне первом показал.* Говоря «во мне первом», апостол намекает на то, что сам сказал ранее: он был первым среди грешников. Поэтому его фраза означает то же, что и «главным образом» или «во-первых». Павел хочет сказать, что Бог с самого начала замыслил явить подобный пример, как бы выставленный на всеобщее обозрение с высоких театральных подмостков, дабы никто не отчаивался в уготованном для себя прощении, если придет с верою ко Христу. Действительно, когда мы видим в лице Павла столь ярко отпечатленный образец благодати, которую ищем, все наше возможное отчаяние действительно упреждается.

17) *Царю же веков.* К подобному восклицанию апостола подтолкнула пылкость его души. У него не хватало слов, чтобы выразить свою благодарность Богу. Ибо эпитеты главным образом употребляются тогда, когда мы вынуждены прервать свою речь, поскольку возвышенность обсуждаемого предмета превосходит наши словесные способности. Что может быть чудеснее обращения Павла? Хотя пример апостола одновременно научает нас дивиться и восторгаться всякий раз, как мы размышляем о благодати божественного призвания. Добавь к этому, что столь величественное славословие апостола полностью поглощает памятование о его предыдущей жизни. Ибо слава Божия – воистину неизмеримая бездна!

Эпитеты, которые апостол приписывает Богу, хотя и присущи Ему всегда, в собственном смысле подходят именно к настоящему контексту. Он называет Бога вечным Царем или Царем веков, неподверженным никакому изменению; *невидимым*, поскольку, как он скажет впоследствии, Бог обитает в непреступном свете; *единым премудрым*, поскольку Бог обращает в глупость и осуждает в суете все человеческую мудрость. Итог же сказанного сводится к фразе, употребленной в Послании к Римлянам 11:33: о, бездна богатства, и т.д. Сколь сокровитны советы Божии! Сколь неисследимы пути Его! Павел хочет, чтобы мы почтительно относились к неизмеримой и непостижимой премудрости Божией, и если Его дела превосходят наши мыслительные способности, довольствовались тем, чтобы ими восхищаться.

Но не вполне ясно следующее: употребив в последней фразе слово «единому», хотел ли апостол всю славу приписать одному Богу, или просто сказать, что Бог – один. Второй смысл нравится мне больше. Ведь для защиты своего дела апостолу было весьма важно покорить всякое человеческое помышление таинственному совету Божию. Однако я не возражаю и против того, что апостол называет Бога единственным достойным всяческой славы. Бог разбрасывает искорки Своей славы по всему творению, но так, чтобы вся она надежно пребывала только у Него. Впрочем, и то, и другое толкование говорят о том, что вне Бога нет никакой славы.

18. *Преподаю тебе, сын мой Тимофей, сообразно с бывшими о тебе пророчествами, такое заветование, чтобы ты воинствовал согласно с ними, как добрый воин, 19. имея веру и добрую совесть, которую некоторые отвергнув, потерпели кораблекрушение в вере; 20. таковы Именей и Александр, которых я предал сатане, чтобы они научились не богохульствовать.*

(18. Преподаю тебе, сын мой Тимофей, согласно с бывшими о тебе пророчествами, такую заповедь, чтобы ты воинствовал в них добрым воинствованием, 19. имея веру и добрую совесть, от которой некоторые отбратившись, потерпели кораблекрушение в вере; 20. таковы Именей и Александр, которых я предал сатане, чтобы они научились не злословить.)

18) *Такое завещание (такую заповедь).* Все, что до этого апостол говорил о себе, было как бы отступлением от основной темы. Если Павел желал наделить авторитетом Тимофея, ему самому надлежало иметь его в наивысшей степени. Итак, до этого он вполне своевременно опроверг мнение, служившее для него помехой. Теперь же, доказав, что благочестивые не должны меньше ценить его апостольство из-за того, что некогда он противился Царству Христову, Павел, как бы устранив препятствие, возвращается к увещанию Тимофея. Итак, под заповедью он подразумевает то, о чем упомянул вначале. Назвав же Тимофея *сыном*, Павел не только свидетельствует о своем благоволении к нему, но и расхваливает его перед другими людьми.

Далее, чтобы воодушевить Тимофея еще больше, апостол напоминает ему, какое свидетельство получил он от Духа Божия. Ибо немалым стимулом служит то, что служение его обрело божественное одобрение, и что откровение Божие призвало его прежде, чем он был избран людьми. Стыдно не оправдывать ожидания людей, насколько же более стыдно, по мере своих сил, делать ложным суждение о тебе Бога!

Однако, во-первых, надо понять, о каких *пророчествах* говорит здесь апостол. Кое-кто думает, что возложить на Тимофея служение Павла научило какое-то откровение. Признаю, что это правильно, но добавлю от себя, что здесь имеются в виду откровения, произнесенные другими. Ведь Павел не напрасно использовал здесь множественное число. Посему мы выводим из его слов, что о Тимофее произносилось множество пророчеств, хваливших его перед Церковью. Поскольку Тимофей был еще юн, его могли бы презирать из-за его возраста. Да и сам Павел мог бы подпасть клевете за то, что прежде времени продвигает юношей на служение старцев. Кроме того, Бог ранее предназначил Тимофея для великих и тяжких трудов. Ведь Тимофей был не одним из многих, а приближенным к апостолам, и в отсутствие Павла действовал от его имени. Посему он нуждался в особом свидетельстве, из которого бы явствовало, что подобная честь дана ему не по человеческой дерзости, а по избранию от Самого Бога. Восхваление кого-либо в пророчествах было и тогда не обычным делом, его удостаивались немногие, но, поскольку случай Тимофея был особым, Бог восхотел, чтобы люди приняли Тимофея только после произнесенного Им одобрения, чтобы он заступил на служение, только будучи призван пророческими речениями. То же самое произошло с Павлом и Варнавой, когда их поставляли учителями язычников. Ибо дело это было новым и необычным, и в противном случае не могло бы избежать обвинения в дерзости.

Но кто-нибудь возразит: если Бог через Своих пророков ранее возвестил, каким служителем будет Тимофей, зачем увещать Тимофея таковым себя выказывать? Разве он мог сделать недостоверными речения Божии? Отвечаю: не могло выйти иначе, нежели пообещал Бог. Однако между тем Тимофей должен был не предаваться лени и праздности, а явить себя живым и пригодным орудием божественного провидения. Поэтому Павел не без причины, как бы прищипывая Тимофея, упоминает о пророчествах, в которых Бог выступил перед Церковью как бы в качестве его гаранта. Ибо эти пророчества учили тому, к чему именно будет призван Тимофей. Поэтому апостол добавляет: «чтобы ты воинствовал в них», давая понять, что Тимофей, опираясь на подобное одобрение Божие, должен сражаться еще отважнее. Ибо что может или должно окрылить нас больше, нежели знание о том, что Сам Бог поставил нас делать то, что мы делаем? Вот наше оружие, вот защита, огражденные которой мы никогда не потерпим неудачи. Слово же «воинствование» говорит о необходимости сражаться. В общем и целом, это относится ко всем благочестивым, в собственном же смысле – лишь к христианским учителям,

играющих роль знаменосцев или наставников. Итак, апостол как бы говорит: если ты не можешь исполнять свое служение без борьбы, помни, что пророчества Божии дали тебе твердую надежду на победу, и воодушевляй себя этим воспоминанием. Ибо воинствование, которое мы ведем под водительством Божиим, воистину доброе, то есть – славное и спасительное.

19) *Имея веру и добрую совесть.* Под верою я понимаю здоровое учение в целом. В этом смысле апостол говорит о таинстве веры также в 3-й главе, ст. 8. Действительно, в учителе требуются прежде всего два качества: придерживаться чистой евангельской истины и служить ей с доброй совестью и искренним усердием. Там, где присутствуют оба этих качества, все остальное следует само собою.

Которую некоторые отвергнув (от которой некоторые отбратившись). Апостол показывает, сколь необходимо соединение веры и доброй совести. Ведь наказанием за совесть злую служит отпадение от истины. Те, кто служит Господу не с подлинным целомудрием души, но потакает своим дурным желаниям, даже если и имели прежде здоровое разумение, впоследствии от него совершенно отпадают.

Этот отрывок достоин пристального внимания. Мы знаем, что здоровое учение – бесценное сокровище. Посему больше всего надо страшиться того, как бы его у нас не отняли. Павел же предписывает здесь единственный способ его сохранения: запечатление со стороны доброй совести. И это мы ежедневно наблюдаем на собственном опыте. По какой причине многие, отвергнув Евангелие, устремились в нечестивые секты или впади в чудовищные заблуждения? По той, что Бог мстит за лицемерие подобного рода ослеплением, как и, напротив, страх Божий придает нам стойкость.

Из сказанного можно научиться двум вещам. Во-первых, учителей и евангельских служителей, а в их лице и все церкви, учат, насколько следует отвращаться притворного и лживого исповедания истинного учения, если оно, как они слышат, наказывается столь сурово. Затем, устраняется соблазн, сильно смущавший многих, когда они видели некоторых, прежде присоединившихся ко Христу и Евангелию, не только впадшими в прежние суеверия, но и, что много хуже, одурманенными чудовищными заблуждениями. Ибо подобные примеры прямо говорят нам о величии Евангелия и ясно показывают: Бог никоим образом не потерпит его профанации. И этому же научает опыт всех веков. Все заблуждения, возникавшие в христианской Церкви с самых первых дней ее существования, проистекали из этого источника, поскольку в одних страх Божий затуманивало тщеславие, а в других – алчность. Итак, злая совесть – это мать всех ересей. И сегодня мы видим, как многие, ранее не искренне принявшие правую веру, подобно скотам устремляются в эпикурейские безумия, дабы лицемерие их полностью открылось. Больше того, коль скоро повсеместно процветает презрение к Богу, и преступные погибельные нравы почти всех сословий показывают, что в мире совсем или почти совсем не осталось никакого целомудрия, следует опасаться, как бы довольно скоро вовсе не угас ранее возженный свет, и Бог не оставил чистое разумение Евангелия лишь среди ничтожнейшего количества людей.

Метафора же кораблекрушения весьма хорошо соответствует контексту. Она учит следующему: дабы спасительная вера привела нас к возжеленной гавани, ходом мореплавания должна управлять добрая совесть. Иначе имеется опасность кораблекрушения, то есть, того, что злая совесть подобно водовороту в бушующем море потопит нашу веру.

20) *Именей и Александр.* Первого из них апостол снова упомянет во втором послании. Там он также укажет на конкретный вид испытанного им кораблекрушения. Именей говорил, будто воскресение уже произошло. Вероятно, что подобное глупое заблуждение лишило разума и Александра. Так неужто мы сегодня будем удивляться, что сатана обманывает некоторых разными призраками, если видим, как в столь жуткую пропасть низвергнулся

один из спутников Павла? Впрочем, апостол говорит об обоих, как о людях вполне известных Тимофею. Я не сомневаюсь, что Александр – этот тот упомянутый Лукою в Деян.19:33 человек, который спровоцировал бунт своей лживой и скверной речью. По происхождению он был из Эфеса. И ранее мы говорили, что настоящее послание было написано прежде всего ради эфесян. Теперь мы видим, каким был конец Александра. И, слыша об этом, станем же лелеять нашу веру в доброй совести, дабы она сохранялась в нас до самого конца.

Которых я предал сатане. Как мы говорили в толковании на пятую главу Первого Послания к Коринфянам, некоторые понимают эту фразу так, что означенных людей постигла какая-то особая кара. Они относят ее к той *δύναμι*, о которой Павел упоминает в 12-й главе 28-м стихе того же Послания. Ибо подобно тому, как апостолы были наделены даром исцелений для свидетельства перед благочестивыми о благодати и благодеяниях Божиих, так и против нечестивых и бунтовщиков их вооружили силой или предавать их для мучения дьяволу, или насылать какую-то другую кару. Образчик этой силы Петр показал на примере Анании и Сапфиры, Павел же – на волхве Вариисусе. Но мне больше по душе относить сказанное к отлучению. Ибо нет никаких вероятных оснований считать, что инцест в Коринфе был наказан чем-то еще, кроме отлучения. Если же, отлучая, Павел предал этого человека сатане, то почему и здесь не понимать в том же смысле то же самое выражение? Добавь к этому, что слова апостола наилучшим образом свидетельствуют о силе отлучения. Ведь, подобно тому, как Христос поставил престол Своего Царства в Церкви, вне Церкви присутствует одно лишь господство сатаны. Посему исключаемый из Церкви с необходимостью пребывает под тиранией сатаны, пока не вернется ко Христу через примирение с Церковью.

Лишь одно меня смущает: то, что апостол провозглашает таковым вечную анафему из-за тяжести совершенного ими зла. По этому поводу я не рискнул бы утверждать что-либо определенное. Но что означает сразу же следующая фраза «чтобы они научились не злословить»? Ведь отлученный от Церкви обладает большей вседозволенностью, поскольку, будучи свободен от общего дисциплинарного ярма, может грешить с большей дерзостью. Отвечаю: как бы разнузданно ни проявляло себя нечестие таких людей, у этого нечестия нет доступа в Церковь, и они не могут заражать стадо собственной скверной. Ведь нечестивые наносят еще больший вред, когда входят в доверие, изображая из себя верующих. Итак, когда таковые отмечены общественным бесславием, у них отнимается способность вредить, и все, даже простые люди, знают, что они скверные и достойные проклятия люди. Поэтому все отвращаются от общения с ними, и сами они порой, смутившись от подобной позорной отметины, прекращают упорствовать в грехе. Значит, даже если иногда таковые становятся еще порочнее, все же подобное врачевство не всегда бесполезно для укрощения их неистовства.

Глава 2

1. Итак прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков, 2. за царей и за всех начальствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте, 3. ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу, 4. Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины.

(1. Итак увещаю прежде всего совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков, 2. за царей и за всех обладающих превосходством, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную со всяким благочестием и честью, 3. ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу, 4. Который хочет, чтобы все люди спаслись и пришли к познанию истины.)

1) *Итак ... прошу (увещаю).* Подобные упражнения в благочестии сохраняют нас и утверждают в подлинном богопочитании и страхе, а также возвращают добрую совесть, о которой апостол говорил прежде. Посему Павел не без причины пользуется здесь союзом,

указывающим на следствие. Ведь все эти увещевания основаны на его предыдущей заповеди. Вначале апостол говорит об общественных молитвах, и велит совершать их не только за верующих, но и за весь человеческий род. Ибо некоторые могли бы рассуждать так: зачем нам заботиться о спасении неверующих, не имеющих с нами общих нужд? Разве не достаточно, если мы, как братья, будем молиться друг за друга и верить Богу всю Его Церковь? Внешние же никак к нам не относятся. И Павел упреждает подобное ложное мнение, веля ефесянам молиться за всех смертных и не ограничиваться одной лишь Церковью.

Далее, признаюсь, что не вполне хорошо понимаю, чем отличаются первые три из четырех упомянутых Павлом видов молитвы. По-детски звучит толкование Августина, приспособляющего слова Павла к общепринятым обрядам своего времени. Много проще толкование тех, кто думает, что в молитвах мы просим избавить нас от зла, в прошениях – выпрашиваем нечто для нас полезное, а в молениях – оплакиваем перед Богом причиненные нам несправедливости. Хотя я не стал бы различать столь утонченно, или, по крайней мере, предпочел бы провести иное различие. Действительно, *προεϋχᾶς* греки называют всякий вид молитвы; *δεήσεις* же те ее формы, когда мы просим о чем-то конкретном. Таким образом, первые два слова соотносятся друг с другом как род и вид; *ἐντεύξεις* же Павел обычно называет те молитвы, в которых одни молятся за других. И в латинском переводе на этом месте стоит слово «ходатайства». Хотя Платон во второй книге «Алкивиад» понимает это слово иначе, а именно – как молиться о чем-то конкретном для самого себя. В самом же надписании книги и многих ее местах он ясно показывает, что *προεϋχήν* – это, как я уже говорил, общее наименование молитвы. Но, чтобы мы не слишком утруждали себя в исследовании не столь необходимого вопроса, Павел (на мой взгляд) просто велит нам всякий раз, как совершаются общественные молитвы, молиться и упрашивать за всех людей, даже за тех, кто в настоящее время никак с нами не связан.

Вовсе не излишне употребление здесь Павлом трех разных слов, но мне кажется, что он намеренно соединил их для одной цели: чтобы еще больше восхвалить усердие и постоянство в молитве и еще настойчивее призвать нас к этому усердию. Ибо мы знаем, сколь велика наша лень в отношении этой благочестивой обязанности. Поэтому ничего удивительного, если Дух Святой устами Павла побуждает нас к действию многими стимулами.

В слове же «благодарения» нет ничего неясного. Ибо апостол, желая верить Богу спасение неверующих, одновременно хочет, чтобы за счастливый и благополучный исход этих молитв совершались благодарения. Ибо дивная и чудесная благость Божия, которую Бог ежедневно показывает нам, веля Своему солнцу восходить и над добрыми, и над злыми, достойна того, чтобы нами восхваляться. Потому-то и наша любовь должна простираться даже на тех, кто ее недостоин.

2) *За царей*. Апостол особо упоминает о царях и прочих начальствующих, поскольку они больше всех остальных могли бы вызвать ненависть у христиан. Ибо сколько было в то время начальствующих, столько же было и заклятых врагов Христовых. Поэтому верующим могла бы придти на ум мысль: не стоит молиться за тех, кто все свои силы и способности употребляет на борьбу с Царством Христовым, распространение которого желаемо нами прежде всего прочего. И апостол упреждает это заблуждение, ясно заповедуя молиться в том числе и за них. Действительно, порочность людей не может вызывать неприязни к установлению Божию. Посему, коль скоро Бог создал правительства и начальников для сохранения человеческого рода, сколь бы многие из них ни отошли от божественного установления, мы должны не только не прекращать из-за этого молиться за них, но и любить в них все относящееся к Богу, желая его сохранения. Такова причина, по которой верующие, в какой бы стране они ни жили, должны не только

повиноваться законам и власти начальников, но и верить их спасение Богу в своих молитвах. Иеремия говорил израильтянам (29:7): молитесь о мире Вавилона, поскольку в его мире заключается и ваш мир. Таково общее учение – чтобы мы желали сохранности и спокойствия установленным от Бога властям.

Жизнь тихую. Ранее сказав об общей пользе таких молитв, апостол добавляет еще один конкретный стимул. Он перечисляет плоды, получаемые нами от правильно устроенного правления. Первый плод – это спокойная жизнь. Ибо начальствующие вооружены мечом, чтобы соблюдать нас в мире. Если бы они не обуздывали дерзости нечестивых, вся земля была бы полна грабежей и убийств. Итак, способ сохранения мира состоит в том, чтобы каждому воздавалось свое, и несправедливости, причиняемые сильными, не оставались безнаказанными. Второй плод заключается в сохранении *благочестия*, когда начальствующие заботятся о возвращении религии, об утверждении богопочитания, о проявлении уважения к священному. Третий плод – забота об общественной чести. Ведь благодеяние начальствующих состоит в том, чтобы люди не оскверняли себя скотскими гнусностями и не развратничали, но чтобы, наоборот, процветала скромность и умеренность. И если убрать эти три плода, какой будет человеческая жизнь? Итак, если мы как-то заботимся об общественном спокойствии, благочестии и чести, будем помнить, что надо заботиться и о тех, через служение которых к нам доходят эти столь великие блага. Отсюда мы выводим, что фанатики, желающие устранения начальства, лишены всякой человечности и стремятся не к чему иному, как к звероподобному варварству. Ибо сколь сильно противоречат друг другу два положения: первое – следует молиться за царей, дабы процветали право и приличие, дабы благоденствовала религия; и второе – не только слово «царство», но и все общественное устройство противно религии! Но автор первого положения – Дух Божий. Значит, второе с необходимостью происходит от дьявола.

Если же кто-то спросит: надо ли молиться и за тех царей, от которых мы не получаем ничего подобного, отвечу: наше желание устремлено к тому, чтобы, управляемые Духом Божиим, эти цари стали служителями для нас и подателями тех благ, которыми ранее нас же обделяли. Итак, нам подобает молиться не только за тех, кто уже является достойным. Надо просить и о том, чтобы Бог сделал злых царей добрыми. Ибо всегда стоит придерживаться принципа: начальствующие предназначены Богом к сохранению как религии, так и общественного спокойствия и приличия подобно тому, как земля предназначена к произращению для нас пищи. Значит, подобно тому, как мы, ежедневно молясь о хлебе, просим Бога благословением Своим дать земле плодородие, так и в предыдущем благодеянии мы должны видеть ординарное, установленное Его провидением, средство. Добавь к этому, что если мы и лишаемся благодеяний, раздаяние которых Павел приписывает начальствующим, это происходит по нашей же вине. Ибо бесполезными начальствующих делает для нас гнев Божий, так же как этот гнев делает бесплодной землю. Посему именно от нас зависит ниспослание бича, который мы заслуживаем своими грехами.

Кроме того, этот отрывок в свою очередь научает начальствующих и всех, имеющих власть, тому, в чем состоит их служение. Ведь для них не достаточно, каждому воздаявая свое, сдерживать всяческие несправедливости и лелеять мир, если в то же время они не заботятся о продвижении религии и устроении нравов путем благоприличной дисциплины. Не напрасно увещевает Давид (Пс.2:12) начальников приветствовать Сына Божия, не напрасно возвещает Исаия (49:23), что их вскормит и воспитает Церковь. Посему у начальствующих нет причин себе льстить, если они небрегут помогать утверждению богопочитания.

3) *Ибо это хорошо.* Ранее сказав о пользе того, что он заповедует, апостол приводит теперь еще более веский довод: все сказанное им угодно Богу. Ведь там, где воля Его ясна, она должна заменять для нас все прочие доводы. Под хорошим апостол понимает

здесь правильное и законное. И поскольку воля Божия есть правило, которому должно соответствовать все наше служение, правильность заповеданного им Он доказывает из того, что это угодно Богу.

Из этого места, достойного самого пристального внимания, выводится и общее учение, состоящее в том, что истинное правило для добрых и правильных дел – взирать на то, что угодно Богу, и приниматься лишь за то, что Он одобряет. Даже закон благочестивой молитвы дается таким образом, чтобы мы следовали за идущим впереди Богом, и все наши моления согласовывались с Его волей и заповедью. И если бы этого правила придерживались в папстве, молитвы не кишели бы там сегодня таким количеством извращений. Ибо как паписты докажут, что прибегают к ходатайству умерших по велению Божию? Что по Его заповеди молятся за самих умерших? И наконец, можно ли показать, что нечто в их способе молитвы угодно Богу?

Затем следует подтверждение второй части предложения: Бог хочет, чтобы все люди спаслись. Но что может быть правильнее согласования всех наших желаний с этим божественным декретом?

В конце апостол показывает, что Богу действительно угодно спасение всех, коль скоро Он всех призывает к познанию Собственной истины. Здесь присутствует доказательство от следствия. Ведь, если благовестие – это сила Божия к спасению каждого верующего, несомненно, что все, кому предлагается Евангелие, приглашаются к надежде на вечную жизнь. Наконец, подобно тому, как призвание есть свидетельство таинственного избрания, так и Бог, делая кого-то причастником Евангелия, допускает его к обладанию спасением. Ибо Евангелие открывает нам праведность Божию, надежнейший доступ в вечную жизнь.

Отсюда явствует, сколь по-детски бредят те, кто противопоставляет этот отрывок предопределению. Если Бог, – говорят они, – желает, чтобы все без различия спаслись, то ложно, что по Его вечному совету одни предопределены к спасению, а другие – к гибели. Возможно в их доводе и был бы какой-то смысл, если бы Павел говорил здесь о каждом человеке в отдельности, хотя и в этом случае имелся бы разумный ответ. Ведь, хотя волю Божию мы не должны оценивать из Его таинственных судов, в которых Он являет ее нам во внешних признаках, все же из этого не следует, что Бог не постановил внутри Себя желаемое Им в отношении каждого отдельного человека. Впрочем, я опускаю это рассуждение, поскольку оно никак не относится к настоящему отрывку. Ибо апостол просто имеет в виду, что никакой народ и никакое сословие в мире не лишены возможности спасения, поскольку Бог желает всем без исключения предложить Свое Евангелие. Проповедь же Евангелия – животворяща. Итак, апостол справедливо выводит, что Бог удостоил всех равным образом участия в спасении. И речь здесь идет о разновидностях людей, а не о конкретных личностях. Апостол стремится лишь к тому, чтобы включить в число спасаемых начальствующих и все внешние народы. То же, что Бог хочет и им сообщить евангельское учение, явствует из уже процитированных и других похожих свидетельств. Ведь не напрасно же было сказано: ныне, цари, разумейте (Пс.2:10). И в том же псалме: дам Тебе народы в наследие и во владение концы земли.

В итоге, Павел хочет сказать, что думать надо не о том, каковы начальствующие сейчас, но о том, какими их хочет видеть Бог. Долг же любви состоит в том, чтобы заботиться и усердствовать о спасении всех, кого Бог охватывает Своим призванием, и свидетельствовать об этом благочестивыми пожеланиями. Сюда же относится фраза, в которой апостол зовет Бога *нашим Спасителем*. Ибо откуда приходит к нам спасение, если не от незаслуженной благодетельности Божией? Но Тот же Самый Бог, уже сделавший нас причастниками спасения, может простереть Свою благодать также и на них. Тот, Кто уже привлек к Себе нас, может привести вместе с нами и их. И апостол

считает очевидным, что Бог это сделает, поскольку пророки предрекли это как в отношении всех сословий, так и в отношении всех народов.

5. Ибо един Бог, един и посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус, 6. предавший себя для искупления всех. Таково было в свое время свидетельство, 7. для которого я поставлен проповедником и Апостолом, – истину говорю во Христе, не лгу, – учителем язычников в вере и истине.

(5. Ибо един Бог, един и посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус, 6. предавший себя как плату искупления всех, дабы стать свидетельством в свое время, 7. для которого я поставлен проповедником и апостолом, – истину говорю во Христе, не лгу, учитель язычников в вере и истине.)

4) *Един Бог.* На первый взгляд этот довод довольно слаб: Бог потому хочет спасения всех, что Сам является единым. Разве что здесь имеется переход от Бога к людям. Златоуст и за ним многие другие понимают сказанное так: нет множества богов, как воображают идолопоклонники. Но, на мой взгляд, цель Павла состояла в другом. И здесь присутствует косвенное сравнение единого Бога со всем миром и разными народами, из которого выводится их взаимное отношение. Подобно тому, как в Рим.3:29 Павел говорит: неужели Бог есть Бог только иудеев? Разве также и не язычников? Больше того, один и тот же Бог оправдывает необрезание от веры и обрезание через веру. Значит, каким бы ни было тогда различие между людьми, поскольку многие сословия и многие народы оставались тогда чуждыми вере, Павел отсылает верующих к Божию единству, дабы они знали, что связаны со всеми, коль скоро над всеми имеется один Бог; а также, что не навечно лишены надежды на спасение те, кто находится под властью того же самого Бога.

И такой же смысл имеет тут же добавленная фраза о Посреднике. Ведь подобно тому, как един Бог, Отец и Создатель всех, так, по словам Павла, имеется и один Посредник, через Которого нам открывается доступ к Богу. И этот Посредник дан не одному лишь народу или немногим людям определенного положения, а всем без исключения. Ибо плод Его изгладившей грехи жертвы распространяется на всех. Больше того, поскольку большая часть мира ранее отошла от Бога, апостол подчеркнуто говорит о Посреднике, через Которого ранее бывшие дальними становятся близкими. И его обобщающее слово всегда надо относить к разновидностям, а не к личностям. Апостол как бы говорит: не только иудеи, но также и язычники; не только простолюдины, но также и начальствующие искуплены Христовой смертью. Итак, коль скоро Христос желает сделать общим благодеяние Своей смерти, Его оскорбляют те, по мнению которых кто-то вовсе лишен надежды на спасение.

Человек ... Иисус. Проповедуя Христа человеком, апостол не отрицает, что Он – Бог. Но, желая указать на узы, связывающие нас с Богом, Павел упоминает здесь не о божественной, а о человеческой природе Христа. И это следует прилежно отметить. Ибо с самого начала люди выдумывали себе тех или иных посредников, все дальше отходя от Бога, потому что, придерживаясь заблуждения, будто Бог далеко, не знали, куда обратиться. И Павел врачует эту болезнь, представляя Бога как бы присутствующим перед нами, коль скоро Он снизошел к нам, дабы мы не искали Его в заоблачных высотах. Итак, здесь сказано то же самое, что и в Евр.4:15: мы имеем Первосвященника, способного сострадать нашим немощам, поскольку Сам претерпел все искушения. Действительно, если бы эта мысль засела в душах всех, а именно: Сын Божий протягивает нам руку дружбы, соединившись с нами общностью природы, дабы нас из столь печального состояния вознести на самые небеса, – кто не предпочел бы придерживаться правильного пути, вместо того, чтобы блуждать по закоулкам?

Посему всякий раз, как надо молиться Богу и нам на ум приходит Его возвышенное и неприступное величие, то, чтобы не отшатнуться от Него из-за страха, вспомним и о человеке Христе, по-дружески приглашающем нас и как бы обнимающем Своей рукой, о

Том, Кто ранее грозного и внушавшего трепет Отца сделал к нам милостивым и благосклонным. Таков единственный ключ, которым для нас открывается дверь Небесного Царства, дабы мы предстали с упованием перед Ликом Божиим.

Посему мы также видим, как сатана во все века прилагал усилия к тому, чтобы отвратить людей от этого Посредника. Не говорю о том, сколь многообразными уловками еще до пришествия Христова сатана склонял людские умы выдумывать другие средства приближения к Богу. Даже с возникновением Христианской Церкви, когда Христос только что явился со Своим надежным залогом, и на земле еще слышались отзвуки Его сладчайших слов: придите ко Мне все, и т.д. (Мф.11:28), появились кое-какие искусники в деле обмана, которые в качестве посредников вместо Него поставили ангелов, как можно заключить из Послания к Колоссянам, 2:18. Но то, что тогда сатана пытался сделать тайно, во времена папства он довел до такой открытости, что едва ли один из тысячи признает Христа Посредником даже на словах. И так имя посредника оказалось похороненным, чтобы еще неизвестнее стала суть Его служения. Теперь же, когда Бог восстановил здравых благочестивых учителей, которые как бы задним числом пытаются напомнить людям то, что должно было быть одним из главных артикулов веры, приверженные Риму софисты выдумывают всевозможные уловки, коими могли бы затуманить этот самый ясный вопрос. Во-первых, имя Посредника ненавистно им настолько, что, если кто-то назовет Христа посредником, не упомянув о святых, то тут же начнет подозреваться в ереси. Поскольку же они не смеют полностью отрицать все, о чем учит здесь Павел, то забавляются глупым измышлением: Христос назван одним, но не единственным посредником. Словно апостол говорил, что и Бог – лишь один из толпы множества богов. Ибо эти два положения согласуются друг с другом: един есть Бог, и един Посредник. Поэтому делающие Христа лишь одним из многих, с необходимостью должны то же самое сказать и о Боге. Но разве дошли бы они до такого бесстыдства, если бы их не обуревала слепая ярость, желающая затуманить славу Христову? Другие из них кажутся себе более утонченными, делая Христа единственным Посредником в искуплении, а святых – посредниками в ходатайстве. Но контекст настоящего отрывка обличает в неразумии и их, коль скоро здесь намеренно и ясно говорится о молитвах. Дух заповедует молиться обо всех, поскольку единственный наш Посредник приглашает к Себе всех, подобно тому, как Своей смертью Он всех примирил с Отцом. И те, кто со столь богохульной дерзостью лишают Христа этой чести, еще желают считаться христианами!

Но нам возразят, что здесь присутствует видимость противоречия. В этом месте Павел велит нам ходатайствовать за всех, а в Рим.8:34 он присваивает это дело одному лишь Христу. Отвечаю: ходатайства святых, коими они взаимно помогают друг другу, нисколько не мешают, чтобы перед Богом все имели только одного Посредника. Ибо молитвы кого-либо за себя или за других бывают услышаны только тогда, когда он опирается на Христово ходатайство. Итак, то, что мы ходатайствуем друг за друга, не только не устраняет единственного Христова ходатайства, но и в наибольшей степени от него зависит и на него опирается. Кто-нибудь подумает, что по этой причине нас легко примирить с папистами, если также и они подчинят единственному ходатайству Христову те молитвы, которые приписывают святым. Но это не так. Ибо паписты потому переносят обязанность ходатайства на святых, что воображают, будто в противном случае мы будем лишены ходатая. Общеизвестный их принцип гласит, что мы нуждаемся в ходатаях, поскольку сами недостойны предстать перед взором Божиим. И, говоря таким образом, они лишают Христа принадлежащей Ему чести. Кроме того, приписывать святым достоинство, способное снискать к нам божественную милость – достойное проклятия богохульство. Все пророки, наряду со всеми апостолами и мучениками, и даже сами ангелы отстоят от него настолько далеко, что сами признают одинаковую с нами нужду в Том же Самом Ходатае. Кроме того, то, что мертвые за нас ходатайствуют – чистая

выдумка, рожденная в их воспаленных мозгах. Поэтому основывать молитвы на этой выдумке, значит полностью отрывать веру от призывания Бога. Но Павел в качестве правила правильного призывания Бога предписывает веру, рожденную от Слова Божия, Рим.10:17.

Итак, мы вполне справедливо отвергаем то, что любопытные люди вообразили себе помимо Слова Божия. Но чтобы не быть многословнее, чем того требует толкование данного отрывка, подведу итог: истинно научившиеся тому, в чем состоит служение Христово, будут довольствоваться Им одним, а те, кто создает себе посредников по собственной прихоти, не знают ни Бога, ни Иисуса Христа. Из этого я вывожу: учение папистов, затемняющее и даже почти изничтожающее ходатайство Христово, и вводящее вымышленных посредников без кого-либо свидетельства Писания, исполнено как нечестивого неверия, так и богохульной дерзости.

б) *Предавший Себя*. Упоминание искупления в этом отрывке далеко не излишне. Жертва Христовой смерти и Его вечное ходатайство – с необходимостью связаны друг с другом, являясь двумя частями Его священства. Ведь Христос зовется нашим Священником в том смысле, что Своей смертью Он однажды изгладил наши грехи для умиловления к нам Бога, а теперь, войдя в небесное святилище, стоит перед Отцом для обретения для нас благодати, чтобы наши воссылаемые во имя Его молитвы получали ответ. И это еще больше изобличает святотатственное нечестие папистов, которые, делая сообщниками Христу в этом служении умерших святых, одновременно переносят на них священническое достоинство. Прочти конец четвертой главы Послания к Евреям и начало главы пятой, и ты поймешь то, о чем я говорю: ходатайство, умиловляющее к нам Бога, основано на жертве. И это же доказывает все сказанное о священстве ветхого завета. Следовательно, из служения ходатая ничего нельзя переносить от Христа к другим, не лишая Его при этом священнического титула. Кроме того, использовав слово *ἀντίλυτρον*, апостол ниспроверг тем самым все прочие удовлетворения.

Хотя мне вполне известно хитроумие папистов: они воображают, будто искупительная плата, отданная Христом в Его смерти, прилагается к нам в крещении для изглаживания первородного греха. После же этого мы примиряемся с Богом путем принесения удовлетворений. Таким образом, вселенское и вечное благоденствие они ограничивают лишь небольшим временем и только малой его разновидностью. Однако полное рассмотрение этого вопроса можно найти в моих «Наставлениях».

Свидетельство (свидетельством). То есть, чтобы эта благодать явилась в предустановленное время. Ранее апостол говорил: за всех. И эта фраза могла бы вызвать вопрос: почему же Бог избрал прежде один особый народ, если Он показывает Себя милостивым Отцом по отношению ко всем, и искупление Христово было единым, общим для всех? И апостол устраняет повод для подобного вопроса, относя подходящее время явления благодати к совету Божию. Неужели, если зимой мы дивимся увядшим деревьям, покрытым снегом полям, заиндевшим лугам, а весной оживает то, что на время неким образом умерло, поскольку череда времен установлена Богом, мы не уступим Его провидению те же самые права и в других вопросах? Или мы будем обвинять Бога в непостоянстве потому, что постановленное Им, всегда пребывающее у Него неизменным, Он являет перед всеми в определенное Им же время? Посему, хотя явление Христа в качестве общего искупителя иудеев и язычников было для мира чем-то внезапным и неожиданным, мы не должны думать, что оно было неожиданным и для Бога, но, скорее, должны научиться подчинять весь наш разум Его чудесному провидению. И таким образом все, исходящее от Бога, станет для нас в наивысшей степени благоприятным.

Поэтому у Павла часто встречается подобное увещание, особенно когда речь идет о призвании язычников, своей новизной поражавшем тогда многих и как бы внушавшем великое изумление. Те же, кто не довольствуется этим решением, то есть, что Бог

распределяет времена и сроки по Своей таинственной премудрости, некогда поймут на собственном опыте, что, когда они считали Бога праздным, Он на самом деле уготовливал ад для любопытных.

7) *Для которого я поставлен.* Дабы не показаться (как то делают многие) дерзко рассуждающим о чем-то себе неизвестном, апостол говорит, что Бог поставил его для того, чтобы прежде чуждых Царства Божия язычников привести к соучастию в благовестии. Ибо его апостольство в отношении язычников было надежным основанием призвания Божия. Поэтому Павел столь усердно и отстаивает его за собой. Действительно, мы знаем, что многие принимали его апостольство с великим трудом. Он также добавляет к сказанному, как к чему-то весьма важному, особую клятву, утверждая, что является учителем язычников, причем *в вере и истине*. Эти две вещи означают добрую совесть, но и она должна опираться на определенность Божией воли. Посему апостол имеет в виду, что он не только искренне проповедовал язычникам Евангелие, но и делал это с чистой безбоязненной совестью, совершая все только по заповеди Божией.

8. Итак желаю, чтобы на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки без гнева и сомнения; 9. чтобы также и жены, в приличном одеянии, со стыдливостью и целомудрием, украшали себя не плетением волос, не золотом, не жемчугом, не многоценною одеждою, 10. но добрыми делами, как прилично женам, посвящающим себя благочестию.

(8. Итак желаю, чтобы на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки без гнева и споров; 9. чтобы также и жены, в приличном одеянии, со стыдливостью и умеренностью, украшали себя не плетением волос, не золотом, не жемчугом, не многоценною одеждою, 10. но добрыми делами, как прилично женам, посвящающим себя благочестию.)

8) *Итак желаю, и т. д.* Это – вывод, основанный на предыдущем утверждении. Ведь, как мы видели в Послании к Галатам (4:5), чтобы правильно призывать Бога, нам надо получить Дух усыновления. Итак, ранее возвестив всем о благодати Христовой, и упомянув, что он – данный язычникам апостол, дабы те вместе с иудеями обладали одинаковым благодеянием искупления, Павел всех равным образом приглашает к молитве. Ибо вера порождает призывание. Поэтому в Рим.15:9 апостол доказывает призывание язычников следующими свидетельствами: да возликуют язычники с народом Его. А также: все язычники хвалите Господа. И: исповедуюсь Тебе среди язычников (Пс.67:5; 117:1; 18:50 [В Синодальном переводе: Пс.66:6; 116:1; 17:51 – прим. пер.]). Ибо доказательство от веры к призыванию исходит как бы от причины к следствию, а от призвания к вере – как от следствия к причине. И это следует прилежно отметить, ибо сказанное научает нас, что Бог являет нам Себя в Своем Слове, чтобы мы Его призывали, и призывание есть главное упражнение веры. Посему фраза «во всяком месте» означает то же, что и в Первом Послании к Коринфянам: больше нет никакого различия между язычником и иудеем, между эллином и варваром, поскольку Бог есть общий Отец для всех, и во Христе исполнилось пророчество Малахии: не только в Иудее, но во всем мире Богу будет приноситься чистая жертва.

Воздевая чистые руки. Апостол как бы говорит: если имеется добрая совесть, ничто не мешает всем народам повсюду призывать Бога. Ведь чистые руки – признак чистоты сердца. Как и, наоборот, Исаия (1:15), обрушиваясь на жестокость иудеев, порицает их за то, что они воздевают к Богу руки окровавленные. Далее, названная церемония была привычна для всех веков, поскольку от природы нам врождено понимание того, что, когда мы ищем Бога, надо смотреть ввысь. И убеждение это всегда было сильно настолько, что даже сами идолопоклонники, привязывавшие Бога к деревянным и каменным идолам, все же сохранили обычай воздевания рук к небу. Итак, усвоим, что этот обряд соответствует истинному благочестию, лишь бы он отвечал изображаемой в нем истине, а именно:

чтобы, научившись тому, что Бога надо искать на небесах, мы, во-первых, не мыслили о Нем ничего земного или плотского, а, во-вторых, совлеклись всяких плотских чувств, дабы ничто не мешало нашим душам вознестись над миром. Идолопоклонники же и лицемеры, воздевая руки во время молитвы, просто обезьянничают, поскольку, демонстрируя внешним символом вознесенность своих умов, первые из них привязывают Бога к дереву и камням, словно Он заключен именно в них, а ум вторых, увлеченный суетными заботами и дурными помышлениями, продолжает ползать по земле. Поэтому этим символом подобные люди как бы свидетельствуют против самих себя.

Без гнева. Некоторые толкуют это слово как негодующий ропот, когда совесть волнуется и как бы спорит с Богом, что обычно происходит, когда нас тяготят неблагоприятные обстоятельства. Ибо тогда мы тяжело переносим то, что Бог не сразу же нам помогает, и терзаемся от нетерпения. Да и вера наша потрясается от разных ударов. Ведь, коль скоро помощь Божия проявляется не сразу, у нас возникает сомнение, заботится ли о нас Бог, хочет ли Он нашего спасения, и тому подобное. Эти толкователи думают, что слово «споры» и означает подобное ожесточение колеблющейся души. Таким образом, согласно им смысл следующий: надо молиться с умиротворенной совестью и бестрепетным упованием.

Другие (подобно Златоусту) думают, что спокойствие и безмятежность души здесь требуются не столько ради Бога, сколько ради людей. Ведь ссоры и разногласия больше всего мешают чистому призыванию Бога. Поэтому Христос повелевает (Мф.5:24): если кто-то разногласит с братом, пусть помирится с ним прежде, чем принесет свой дар к алтарю. Признаю, что оба толкования совершенно правильны. Но, исследовав контекст этого отрывка, не сомневаюсь, что Павел имел в виду споры, возникавшие от того, что иудеи негодовали на уравнивание с ними язычников и поэтому поднимали вопрос об их призвании. Больше того, они отвергали язычников и не допускали их к соучастию в благодати. Поэтому Павел хочет, чтобы дети Божии, прекратив подобные споры, во всех народах и странах единодушно молились Богу. Хотя ничто не мешает выводить из этого частного положения и общее учение.

9) *Чтобы также и жены.* Подобно тому, как апостол ранее повелел воздевать чистые руки мужам, так и теперь он заповедует, как должны готовиться к правильной молитве жены. Кажется, что между хвалимыми им добродетелями и внешней святостью иудеев присутствует скрытый антитезис. Ведь апостол намекает на то, что нет такого скверного места, где было бы нельзя приступить к Богу, лишь бы женам и мужам не мешали их собственные пороки. Далее, воспользовавшись этим поводом, апостол исправляет недостаток, которым обычно страдали женщины. И возможно, что в Эфесе, богатом и известном торговом городе, он процветал больше, чем где бы то ни было. В женщинах присутствует чрезмерная забота об украшательстве и соответствующая ей страсть. Поэтому апостол хочет, чтобы их украшения соотносились со стыдливостью и умеренностью. Ибо роскошество и неуемность в тратах происходят от того, что либо гордыня, либо распутство толкают женщин к показухе.

И отсюда можно вывести истинное правило умеренности. Поскольку одеяние – вещь безразличная (как и все внешнее вообще), трудно предписать для него определенный допустимый предел. Гражданская власть может принимать законы против расточительства и некоторым образом сдерживать эту дурную похоть, но благочестивые учителя, дело которых управлять совестью, всегда должны иметь в виду цель законного использования украшений. Таким образом, по крайней мере, бесспорно следующее: все, что в одеяниях не согласно со стыдливостью и умеренностью, подлежит отвержению. Ибо там, где внутри властвует наглость, нет никакого стыда. Там, где внутри царит тщеславие, нет никакой скромности во внешнем одеянии. Но, поскольку лицемеры обычно прикрывают свои порочные устремления какими угодно прикрасами, их необходимо вывести на чистую воду. Великое нечестие отрицать, что честным и чисто плотным

женщинам подобает стыдливость, как собственное и постоянное их украшение. И подобной умеренности должны придерживаться все. Итак, все, что этому противоречит, напрасно пытаются оправдать. Кроме того, апостол по отдельности обличает разные виды излишества, например: витие волос, жемчуга и золотые браслеты. И не потому, что использование золота и жемчуга полностью запрещено, но потому что эти вещи вместе с внешним блеском влекут за собой иное указанное выше зло, происходя из источника тщеславия и бесстыдства.

10) *Как прилично женам.* Ибо украшение честной и благочестивой женщины определенно должно отличаться от украшений блудницы. И апостол приводит здесь признаки, по которым их следует отличать. Кроме того, если благочестие свидетельствуется делами, признаки его должны присутствовать и в целомудренном одеянии.

11. Жена да учится в безмолвии, со всякою покорностью; 12. а учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии. 13. Ибо прежде создан Адам, а потом Ева; 14. и не Адам прельщен; но жена, прельстившись, впала в преступление; 15. впрочем спасется через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием.

(11. Жена да учится в покое, со всякою покорностью; 12. а учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть тихой. 13. Ибо прежде создан Адам, а потом Ева; 14. и не Адам прельщен; но жена, прельстившись, стала виновной в преступлении; 15. впрочем сохранится через чадородие, если пребудут в вере и любви и в святости с умеренностью.)

11) *Жена да учится в безмолвии (в покое).* Ранее поговорив об одеяниях, апостол добавляет слова о том, с какой скромностью должны вести себя женщины в священном собрании. Во-первых, он велит им учиться в покое. Ибо покой означает молчание, указывая на то, что женщины не должны брать на себя обязанность публичной проповеди. И Павел тут же учит этому еще яснее, запрещая им поучать. Не в том смысле, что он лишает их права учить в семье, а в том, что не допускает их к учительскому служению, которое Бог вручил только мужчинам. На эту тему мы говорили в толковании на Первое Послание к Коринфянам. Если же кто в качестве возражения приведет нам Девору и подобных ей женщин, которым некогда, как мы читаем, заповедь Божия вручила управление народом, ответить на это легко: чрезвычайные распоряжения Божии не нарушают общий порядок управления, которым Бог хочет нас обязать. Значит, если некогда женщины и исполняли пророческое и учительское служение, причем под водительством Духа Божия, сделать это вполне имел право Тот, Кто Сам свободен от всяких законов. Но поскольку эти случаи единичны, они не противоречат вечному и общепринятому порядку управления.

Затем апостол переходит к тому, что ближайшим образом связано с учительским служением, говоря: «ни властвовать над мужем». И причина, по которой женщинам запрещено учить, состоит в том, что этого не терпит их подчиненное положение. Они подчинены, а учительство относится к власти и превосходству. Хотя кажется, что этот довод не вполне убедителен: ведь пророки и учителя также подчинены царям и другим гражданским властям. Отвечаю: нет ничего глупого в том, чтобы кто-то в разных отношениях и властвовал и подчинялся. Но это не относится к женщине, которая по природе (то есть, по общему закону Божью) рождена для повиновения. Ибо *γυναικοκρατία* все благоразумные всегда отвергали как нечто чудовищное. Поэтому, если женщины присвоят себе учительские права, небо некоторым образом смешается с землею. Итак, апостол велит им безмолвствовать, то есть довольствоваться собственным положением.

13) *Создан Адам.* Апостол приводит две причины, по которым женам надлежит повиноваться мужьям. Первая: Бог установил этот закон с самого начала. И вторая: здесь имеется некоторое наложенное на женщину наказание. Итак, апостол учит: даже если бы человеческий род устоял в первоначальном исходном целомудрии, истинный природный

порядок, проистекающий из установления Божия, велит женщинам быть подчиненными. И сказанному не мешает то, что Адам, лишившись первоначального достоинства, сам лишил себя власти. Ведь и в последовавшем за грехом падшем состоянии имеются какие-то остатки божественного благословения. Кроме того, женщине не должна быть выгодной собственная вина.

Сказанное же Павлом после, что женщина была создана второй, кажется, недостаточно доказывает ее подчиненное положение. Ведь и Иоанн Креститель по времени предшествовал Христу, и, однако же, был ниже Его по достоинству. Но Павел, хотя и не приводит все сообщаемые Моисеем обстоятельства, все же хочет, чтобы читатели самостоятельно их обдумали. Моисей же учит, что женщина была создана второй так, чтобы быть как бы дополнением к мужчине, и присоединена к мужчине с тем условием, чтобы быть готовой ему служить. Итак, коль скоро Бог создал не две главы, наделенные равной властью, а дал мужчине вспомоществование низшего ранга, апостол справедливо отсылает нас к порядку сотворения, в котором сияет вечное и нерушимое установление Божие.

14) *Не Адам прельщен*. Апостол имеет в виду наложенное на женщину наказание: поскольку ты послушалась гласа змея, будешь под властью мужа, и к нему влечение твое. Ибо женщина, дав гибельный совет, оказалась достойной того, чтобы научиться зависеть от чужой власти и чужого суждения, а, уведя мужа из под власти Божией, достойной того, чтобы, лишившись всякой свободы, попасть под иго. Впрочем, апостол ссылается здесь не просто на причину преступления, но опирается на возвешенный приговор Божий.

Хотя кажется, что эти два положения несколько друг другу противоречат. Первое: подчинение женщины – кара за ослушание; и второе: оно было наложено на женщину с момента ее сотворения. Ибо отсюда следует, что женщину отдали в рабство еще до ее греха. Отвечаю: ничто не мешает, чтобы подчиненное состояние было природным и изначальным и, кроме того, вследствие греха начало быть привходящим образом рабским, так что подчинение стало тогда менее свободным, чем вначале.

Впрочем, это место дало некоторым повод отрицать, что Адам пал из-за собственного заблуждения, и утверждать, что он только поддался уговорам жены. Итак, они думают, что только женщина была обольщена хитростью дьявола, поверив, что она и муж станут подобными богам, Адам же в это не поверил и вкусил плод, только уступая своей жене. Но подобное мнение довольно легко опровергнуть. Ведь если бы Адам не поверил обману сатаны, Бог не стал бы его укорять: вот, Адам стал как один из нас. Существуют и другие причины, о которых я умолчу, поскольку заблуждение, не подкрепленное никаким вероятным предположением, не нуждается в долгом опровержении. Ведь слова Павла говорят не о том, что Адам не поддался одинаковому с женщиной дьявольскому обману, но о том, что причина и начало его преступления заключались в Еве.

15) *Спасется (сохранится)*. Поскольку слабость пола сделала женщин подозрительнее и пугливее мужчин, а предыдущее высказывание было таким, что могло сразить наповал и привести в ужас даже самые мужественные души, апостол добавляет утешение, чтобы смягчить смысл сказанного. Ибо Дух Божий не для того обвиняет и обличает нас, чтобы глумиться над теми, кого Он постыжает, но, простирая ниц, тут же поднимает на ноги. Сказанное могло бы привести женщин в отчаяние. Ведь они слышали, что им вменяется погибель всего человеческого рода. Сколь же велика подобная вина! Особенно, учитывая то, что подчиненное положение постоянно свидетельствует им о гневе Божиим! Итак, Павел, дабы утешить женщин и сделать их положение для них терпимым, говорит, что им оставлена надежда на спасение, хотя бы они и несли временное наказание.

Следует отметить два плода этого утешения: возвешенная женщинам надежда на спасение поддерживает их, чтобы, вспоминая о своей вине, они не устрашились и не впали в отчаяние. Кроме того, привыкнув к ровному и спокойному претерпеванию необходимости

своего рабства, они должны добровольно подчиниться мужьям, слыша о том, что этот вид повиновения спасителен для них и угоден Богу. Если же это место будут искажать для утверждения праведности по делам, как то делают паписты, то ответить на все подобные возражения весьма легко. Поскольку апостол говорит здесь не о причине спасения, мы не можем и не должны выводить из его слов, что дела имеют какую-то заслугу. Павел показывает лишь, каким путем Бог приводит нас к спасению, к которому предопределил нас по Своей благодати.

Через чадородие. Для насмешников показалось бы забавным, что апостол Христов не только увещевает женщин прилагать усилия к порождению потомства, но и настаивает на этом деле как на благочестивом и святом, называя его причиной обретения спасения. Больше того, мы видим, каким поношением бесславят супружеское ложе лицемеры, желающие казаться святее всех других. Но защититься от насмешек нечестивых весьма легко. Во-первых, апостол говорит здесь не только о порождении потомства, но и о перенесении всех жестоких и многочисленных скорбей, сопровождающих как порождение, так и воспитание отпрысков. Затем, что бы ни думали лицемеры или мудрые мира сего, Бог больше ценит послушание, когда женщина, помня о том, к чему призвана, соглашается с данным ей от Бога положением и не отказывается ни от мучительного ношения плода, ни от внушающей отвращение еды, ни от болезней, ни от трудностей и даже жестоких мук деторождения, ни от заботы о потомстве, ни от чего-либо еще, относящегося к ее обязанностям, чем ситуацию, когда бы она проявила героические добродетели, отказавшись при этом повиноваться призыванию Божию. Добавь к этому, что апостол привел самое подходящее и действенное утешение, указав на то, что из самой кары следует причина и, так сказать, средство достижения спасения.

Если пребудет (пребудут) в вере. Поскольку древний переводчик ранее сказал о порождении потомства, данное место обычно относили к самим детям. Но, коль скоро Павел употребляет только одно слово **τεκνογονία**, сказанное необходимо относить к женщинам. То же, что глагол стоит во множественном числе, а существительное в единственном, не создает никакой трудности. Если существительное здесь неопределенное, то есть, речь идет обо всех женщинах, оно будет иметь силу собирательного слова и поэтому легко перенесет изменение числа.

Далее, дабы не заключать в исполнении брачных обязанностей всю добродетель женщин, апостол сразу же говорит о более выдающихся добродетелях, коими должны выделяться благочестивые жены, дабы отличаться от мирских. Больше того, чадородие лишь тогда будет угодным Богу, когда происходит от веры и любви. К этим двум качествам апостол добавляет святость, заключающую в себе всю чистоту жизни, достойную христианских женщин. В конце апостол помещает умеренность, о которой упоминал немного выше, говоря об одеяниях. Но теперь он понимает ее шире, относя и к другим сторонам женской жизни.

Глава 3

1. Верно слово: если кто епископства желает, доброго дела желает. 2. Но епископ должен быть непорочен, одной жены муж, трезв, целомудрен, благочинен, честен, страннолюбив, учителен, 3. не пьяница, не бийца, не сварлив, не корыстолюбив, но тих, миролюбив, не сребролюбив, 4. хорошо управляющий домом своим, детей содержащий в послушании со всякою честностью; 5. ибо, кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пеицись о Церкви Божией? 6. Не должен быть из новообращенных, чтобы не возгордился и не подпал осуждению с диаволом. 7. Надлежит ему также иметь доброе свидетельство от внешних, чтобы не впасть в нарекание и сеть диавольскую.

(1. Верно слово: если кто епископства желает, замечательного дела желает. 2. Итак, епископ должен быть непорочен, одной жены муж, трезв, умерен, благочинен, страннолюбив, учителен, 3. не любитель вина, не бийца, не постыдный любитель

наживы, но ровен, чужд пререканий, чужд сребролюбия, 4. хорошо управляющий домом своим, детей содержащий в послушании со всяким почтением; 5. ибо, кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пеищись о Церкви Божией? 6. Не должен быть из новообращенных, чтобы не возгордился и не подпал осуждению с диаволом. 7. Надлежит ему также иметь доброе свидетельство от внешних, чтобы не впасть в нарекание и сеть диавольскую.)

1) *Верно слово.* Мне не нравится мнение Златоуста, думавшего, что эта фраза – заключение предыдущей речи. Ведь Павел скорее имеет привычку употреблять такое выражение в качестве вступления. Кроме того, ранее он не прибегал к подобной категоричности в утверждениях, а то, что собирается сказать теперь, значительно более весомо. Итак, пусть эта фраза будет вступлением, употребленным для подчеркивания важности обсуждаемого вопроса, поскольку Павел переходит к новой теме: поставлению пастырей и упорядочению церковного управления.

Если кто епископства. Поскольку ранее апостол запретил женщинам учительское служение, он, воспользовавшись этим поводом, начинает говорить о епископстве. Во-первых, для того, чтобы стало яснее, что он не без причины не захотел допускать женщин к столь трудному служению, а во-вторых, для того, чтобы не показалось, будто он, исключив женщин, допускает к нему без различия всех мужчин. И, наконец, в-третьих, было полезным научить Тимофея и других, какое благочестие надо выказывать при избрании епископа. На мой взгляд, общий контекст таков. Павел как бы говорит: данная роль настолько не подходит женщинам, что даже самих мужчин нельзя допускать до нее без разбора. Посему апостол учит, что епископство – дело необычное и не каждый может позволить себе им заниматься. Говоря же *καλόν*, Павел, без сомнения, намекает на древнюю поговорку, часто повторяемую Платоном: *δύσκολα τὰ καλά*. Этими словами греки хотят сказать, что красивое одновременно является трудным и нелегким. Таким образом, апостол соединяет здесь превосходство с трудностью. Больше того, он рассуждает так: не каждому прилежит заниматься епископством, коль скоро оно – совершенно необычное занятие.

Думаю, что смысл сказанного Павлом вполне понятен, но вижу при этом, что никто из толкователей все же его не постиг. Суть заключается в следующем: в поставлении епископов надо проявлять разборчивость, поскольку служение это многотрудно и тяжело. И желающие его должны прилежно обдумать, способны ли они понести подобное бремя. Неопытность всегда дерзка, а обстоятельное знание предмета делает человека скромным. Почему часто случается, что руководящего служения желают те, кто не имеет ни таланта, ни благоразумия, если не потому, что они идут на это дело как бы с закрытыми глазами? Квинтилиан говорил так: порою, когда невразумительны наилучшие ораторы, убедительнее говорят неучи. И чтобы обуздать подобную дерзость в стремлении к епископству, Павел, во-первых, учит, что оно – не пустое достоинство, а настоящее дело. Кроме того, дело не какое угодно, а *замечательное*, и потому тяжелое и многотрудное, каким воистину и является. Ибо вовсе не легко, занимаясь управлением, выступать от имени Сына Божия, когда речь идет о распространении и воздвижении Царства Божия, о заботе по спасению душ, за которых Господь соблаговолил заплатить Собственной кровью, об управлении Церковью, которая есть наследие Божие. Но в намерение Павле не входило говорить долго, и эту тему апостол снова затронет в следующей главе.

Но, спрашивается: позволительно ли желать епископства каким-либо образом вообще? Ведь кажется глупым, если кто-то собственным желанием станет упреждать призвание Божие. Но Павел, порицая в этом устремлении дерзость, кажется, все же разрешает желать епископства с осмотрительностью и скромностью. Отвечаю: если тщеславие осуждается и в других ситуациях, то, тем более, его еще более надо осудить в стремлении к епископству. Однако апостол говорит здесь о желании благочестивом, с каким святые

люди стараются направить весь свой учительский талант к назиданию Церкви. Ведь, если бы было совершенно недопустимо желать учительского служения, зачем бы, обучаясь, готовились к нему те, кто всю свою юность тратит на чтение Священного Писания? Разве семинарии – не богословские школы для пастырей? Поэтому наставленные должным образом не только имеют дозволение, но и должны, даже еще не заступив на служение, посвятить себя и свои дела Богу через добровольную жертву. Лишь бы они не навязывали себя сами и даже в желаниях своих не думали о себе как о епископах, но были всегда готовы заступить на это служение, если потребуется их помощь. Однако, если они все же не добились законного призвания, то пусть знают, что Богу было угодно иное, и не сердятся от того, что им предпочли кого-то другого. Так и будут настроены те, кто, невзирая на самих себя, желают служить лишь Богу и Церкви. Кроме того, они будут столь скромны, что никак не станут завидовать, если им предпочтут других как более достойных.

Если же кто-то скажет, что управление Церковью – тяжкий труд и скорее должно внушать ужас здравомыслящим людям, нежели побуждать их к тому, чтобы они его желали, отвечаю: желание благочестивых опирается не на упование на собственную предприимчивость и собственные добродетели, а на помощь Божию, от которой происходит вся наша достаточность. Как и сам Павел говорит в другом месте (2Кор.3:5).

Впрочем, следует отметить, что именно означает для Павла слово «епископство», тем более, что древние отошли от его истинного смысла, следуя обычаям своей эпохи. В то время, как Павел в целом охватывает этим термином всех пастырей, древние понимали епископа как того, кто выбирался в каждой коллегии для председательства над братьями. Итак, будем помнить, что имя это означает то же, что и служитель, пастырь, или пресвитер.

2) *Но епископ должен быть (итак, епископ должен быть).* Союз «итак» указывает на следствие и подтверждает то, о чем я говорил прежде. Апостол, основываясь на достоинстве этого служения, делает вывод, что для него требуется не какой угодно, а наделенный редкими дарованиями человек. Если бы предыдущая фраза звучала: «доброе дело», как гласит общепринятый перевод, или «честное», как перевел Эразм, из нее не следовало бы подобного вывода. Павел же хочет, чтобы епископ был *непорочен*, а в послании к Титу (1:7) вместо этого слова он употребляет другое *ἀνέκκλητον*. В обоих случаях он имеет в виду, что епископ не должен быть отмечен никаким бесславием, умаляющим его авторитет. Действительно, среди людей не найдется никого, кто был бы чист от всякого порока. Но одно дело – страдать от общих людских недостатков, не мешающих уважать человека, коль скоро они встречаются даже в самых почтенных людях, и совсем другое – иметь оскорбительное прозвище или оскверниться чем-нибудь постыдным. Значит, чтобы епископ обладал авторитетом, апостол велит избирать того, кто имеет честную, незапятнанную репутацию и не подвержен никакому значительному пороку. Далее, апостол не только предписывает Тимофею, каких он должен избирать людей, но и увещевает каждого, стремящегося к этой должности, тщательно исследовать себя и собственную жизнь.

Одной жены муж. Толковать эту фразу как «пастырь одной церкви» значит тешиться детскими выдумками. Более распространено другое толкование: епископом надо избирать человека, не вступавшего в брак дважды, но в случае смерти первой жены остававшегося безбрачным. Однако как в этом послании, так и в первой главе Послания к Тимофею апостол говорит о настоящем, а не о прошлом состоянии человека. В то же время, ниже в главе пятой, рассуждая о вдовах, он подчеркнуто будет использовать причастие прошедшего времени. Кроме того, если принять такой смысл, Павел станет противоречить сам себе. Ведь в другом месте (1Кор.7:35) он свидетельствует, что не хочет набрасывать на совесть подобную петлю. Итак, правильным является только толкование Златоуста: в этом месте выразительно осуждается полигамия епископов, в те времена ставшая для

иудеев почти нормой. Отчасти они практиковали ее из-за превратного подражания отцам (ибо, читая, как Авраам, Иаков, Давид и прочие такого рода люди обзаводились сразу многими женами, думали, что это также позволено и им), а отчасти заимствовали подобную порчу от соседних народов. Ведь на Востоке брак никогда не пользовался должным почтением, и верность его узам не ценилась должным образом. Как бы то ни было, но полигамия среди них была весьма распространена. Поэтому Павел вполне обоснованно велит, чтобы на епископа не ложилось подобное пятно.

Однако я не отвергаю и точку зрения тех, которые считают, что Святой Дух хотел в этом месте упредить проникшее впоследствии в Церковь дьявольское суеверие. Он как бы сказал: епископов не надо принуждать к безбрачию, наоборот, даже самым благочестивым из них приличествует брак. Подобными словами Святой Дух не требует от них брака как чего-то необходимого, но только хвалит его как нечто совершенно не чуждое их достоинству. И все же более прост и надежен уже приведенный мною смысл: Павел удерживает епископское сословие от полигамии, поскольку она – свойство похотливого, не хранящего супружескую верность человека.

Но здесь можно выдвинуть следующее возражение: то, что порочно в отношении всех, не стоит отдельно осуждать или запрещать в отношении епископов. Ответить на него весьма просто: из того, что подобное дело особо запрещено епископам, не следует, будто оно позволено другим. Ибо Павел, без сомнения, в целом осуждает здесь все, противоречащее вечному закону Божию. Незыблемо постановление: да будут двое в одну плоть. Но то, что в случае епископа было бы весьма постыдным, и потому нетерпимым, в других тем или иным образом можно было бы стерпеть. Ибо это – не закон на будущее: дабы епископ, имеющий одну жену, больше не женился на второй или третьей. Павел просто изгоняет из епископского сословия тех, кто уже совершил подобную мерзость. Итак, то, что сделано и не может быть исправлено, апостол готов терпеть по нужде, но только в отношении мирян. Ибо какое здесь могло бы быть врачевство? Неужели запятнавшие себя полигамией в иудаизме должны были развестись со второй или третьей женою? Но подобного рода развод был бы весьма несправедлив. Итак, апостол не трогает того, что уже испорчено, но делает оговорку, что подобное пятно не должно лежать на ком-либо из епископов.

Трезв. Это слово Эразм перевел как «бодрствующий». Поскольку *νηφάλεις* по-гречески означает и то, и другое, пусть читатели выберут, что им угодно. *Σώφρονα* я предпочел перевести как «умеренный», а не как «трезвый», коль скоро слово *σωφροσύνη* означает не только «трезвость». *Благочинным* является тот, кто ведет себя прилично и честно. Странноприимство же относится здесь ко внешним, и древние практиковали его весьма часто. Ведь честным и особо известным людям было весьма стыдно останавливаться в тавернах. Сегодня ситуация иная, и все же подобная добродетель необходима для епископа всегда и по многим причинам. Добавь к этому, что во время жестоких гонений на благочестивых, многие из них были вынуждены быстро покидать свое место жительства. Посему дома епископов с необходимостью должны были служить пристанищем для этих изгнанников. Больше того, обстоятельства того времени вынудили поместные церкви прибегнуть к взаимопомощи, когда одни оказывают гостеприимство другим. И если бы епископы не являлись в подобном служении примером, многие, подражая им, стали бы пренебрегать милосердием. Но в этом случае у несчастных изгнанников не оставалось бы вообще никакой надежды.

Учителен. В Послании к Титу апостол рассуждает об учении подробнее, здесь же он просто коротко говорит о его уместности. Ведь не достаточно обладать скрытой от других образованностью, если к ней не добавляется благодать учительства. Многие, либо из-за своего косноязычия, либо из-за того, что их способности не столь очевидны, либо из-за своей недостаточно большой известности, держат свое знание в себе и как бы его

заглушают. Таковым свойственно (как говорится) петь лишь для муз и для самих себя. Но тому, кто управляет другими людьми, надлежит быть пригодным к учительству. И здесь требуется не только хорошо подвешенный язык (ибо мы знаем многих искусных в красноречии людей, говорливость которых ни чем не способствует назиданию), но прежде всего благоразумие, дабы с пользою и знанием дела приспособлять Слово Божие к слушающему его народу.

Здесь стоит отметить, что ничто из сказанного апостолом совершенно не относится к папистам. Не буду рассматривать и перебирать отдельные высказанные Павлом требования. Остановлюсь лишь на учительстве. Проявляют ли к нему паписты хоть какое-нибудь усердие? Действительно, для них эта способность совершенно лишняя. Ведь они отворачиваются от учительского служения как от чего-то дешевого и грязного, хотя оно в наивысшей степени необходимо для епископа. Также всем известно, как далека от предписаний Павла ситуация, когда какое-то *κωφὸν πρόσωπον* надменно хвалится епископским титулом лишь потому, что ходит в сценическом одеянии. Как будто в рогатой митре, перстне с драгоценными камнями, серебряном посохе и тому подобной чепухе, сопровождающейся наигранной помпезностью, и заключается духовное управление Церковью, которое так же неотделимо от учения, как каждый из нас – от собственной души!

3) *Не пьяница (не любитель вина)*. Подобным словом греки обозначают не только пьянство, но и любую неумеренность в употреблении спиртного. Действительно, для пастыря неприличны не только чрезмерное питье вина, но и те еще худшие последствия, которые оно за собой влечет. Таковы, например, ссоры, неприличные жесты, распутство, и все остальное, чего нет надобности перечислять. Однако тут же добавленный антитезис свидетельствует о том, что Павел идет еще дальше. Подобно тому, как бийце апостол противопоставляет человека, чуждого пререканий, а постыдному любителю наживы – *ἀφιλάργυρον*, так и *τῷ παρόντι* он противопоставляет скромного или ровного человека. Итак, правильно толкование Златоуста, гласящее, что в этом отрывке из епископства извергаются склочные и экспансивные люди.

Но мнения того же Златоуста, что бийцею считается здесь тот, кто бичует языком (то есть, поносит других или нагло их обзывает) я принять не могу. И меня не убеждает приведенный им довод, что якобы не великое дело – требовать от епископа не заниматься рукоприкладством. Я же думаю, что здесь в целом порицается задиристость и наглость, никак не подобающая рабам Христовым. Ведь хорошо известно, каким насмешкам подвергаются те, кто скорее готов ударить кулаком или вытащить меч, нежели утихомирить ссору собственным авторитетом. Итак, *бийцами* апостол называет здесь склонных к угрозам людей, таких подражателей Марсу.

Постыдные же любители наживы – это все алчные. Ведь там, где имеется алчность, одновременно присутствует и упомянутый апостолом стыд. Он имеет в виду тех, кто страстно желает быстрого обогащения. Ибо все алчные, даже если это и не так очевидно со стороны, стремятся в душе к гнусной, незаконной наживе. Поэтому апостол противопоставляет этому пороку презрение к деньгам, ибо иного средства исправления здесь не существует. Тот, кто не выносит бедности охотно и с достоинством, никогда не избежит болезни грязной и рабской алчности.

Бийце же апостол противопоставил *ровного, чуждого пререканий* человека. А ровный, противопоставляемый, как было сказано, склочному, есть тот, кто достойно и спокойно умеет переносить обиды, кто многое прощает, кто терпит причиняемую ему несправедливость, кто не пугает других своей жесткостью и не требует, чтобы по отношению к нему во всем соблюдали наивысшую справедливость. *Чуждый же пререканий* – тот, кто избегает ссор и распрей. Ибо, как пишет тот же Павел в другом месте (2Тим.2:14): рабам Господним не подобает быть драчливыми.

4) *Хорошо управляющий домом своим*. Отсюда видно, что Павел требует от епископа не удаляться от обычной человеческой жизни, но быть добрым и испытанным отцом семейства. Ведь каким бы восхищением ни пользовались в народе безбрачие и философский образ жизни, полностью чуждый народных обычаев, благоразумным и думающим людям ежедневный опыт говорит о том, что управлять Церковью более способны и научены те, кто знает обычную жизнь и привык к обязанностям человеческого сосуществования. Поэтому обратим внимание на тут же приведенную апостолом причину: человек, не умеющий управлять семьей, никак не пригоден к управлению Церковью Божией. Но таковы многие, больше того, почти что все, кого привлекают к управлению от праздной и уединенной жизни, вытаскивая их как бы из пещер. Ведь эти люди в каком-то смысле дики и дремучи, и как бы лишены человеческого облика. Однако апостол хвалит здесь не изворотливого в житейских делах хитреца, а того, кто поддерживает в своей семье должную дисциплину. В особенности он имеет в виду *детей*, которые должны наследовать характер отца. Посему для епископа будет великим позором, если дети у него ведут преступную и бесславную жизнь. О женах Павел скажет впоследствии, здесь же (как я уже говорил) он ведет речь о главной составной части семьи.

В первой главе Послания к Титу апостол показывает, что означает слово «почтение». Ибо, сказав, что дети епископа не должны быть непослушными и строптивыми, он тут же добавляет: не развратными, не неумеренными. Коротко говоря: апостол хочет, чтобы их нравы сообразовывались со всяческой чистотой, скромностью и основательностью. Приведенное же им доказательство от меньшего к большему – самоочевидно: никак не способен управлять народом тот, кто не умеет справляться со своей семьей. Ведь помимо того, что это покажет отсутствие у него необходимых добродетелей, может ли иметь авторитет в народе тот, кого презирает собственная семья?

6) *Не новообращенный*. Поскольку тогда к вере приходило множество людей, отличавшихся выдающимися способностями и образованностью, Павел запрещает делать их епископами сразу же после обращения ко Христу. Он показывает, какая большая возникнет в этом случае опасность. Ибо многие из таких людей ветрены и исполнены страстью к показухе. Из-за этого тщеславие и гордыня будут толкать их к необдуманным поступкам. И мы на собственном опыте наблюдаем то, о чем говорил Павел. Ибо новообращенные не только дерзки, но и полны глупого самоупования, как если бы могли взлететь выше облаков. Посему их вполне обоснованно не допускают к епископской должности, доколе с течением времени их высокомерие не будет укрощено.

Фразу же «осуждению с дьяволом» можно толковать двояко. Некоторые под дьяволом понимают здесь сатану, другие думают, что оно означает клеветников. И я более склонен к первому смыслу, так как слово «осуждение» очень редко означает злословие. Но осуждение, в свою очередь, можно понимать как в активном, так и пассивном смысле. Златоуст следует второму, и я охотно с ним соглашусь. Ибо в этом случае здесь присутствует изящный антитезис, еще больше подчеркивающий несообразность ситуации, когда тот, кого ставят над Церковью Божией, превозношением своим подвергается одинаковому с дьяволом осуждению. Хотя я не отвергаю и активного смысла, состоящего в том, что такой человек даст дьяволу повод для обвинения, мнение Златоуста, на мой взгляд, все же правильнее.

7) *Свидетельство от внешних*. Кажется, что благочестивому мужу весьма трудно иметь свидетелями собственного целомудрия неверующих, безумствующих в страстном желании нас оклеветать. Но апостол имеет в виду другое: в том, что касается внешнего поведения, даже неверующие будут вынуждены признать его добропорядочным мужем. Пусть неверующие без причины поносят всех детей Божиих – все же они не могут счесть преступным того, кто живет среди них честно и невинно. И Павел говорит здесь именно о таком знании добропорядочности. Он приводит и причину своего требования: «чтобы не впасть в нареkanie». Я толкую это так, что тот, кто навлек на себя бесславие, становится

бесчувственным и позволяет себе еще большую свободу в совершении преступлений. А именно это и означает впасть в сети дьявола. Ибо, какая надежда остается там, где вовсе не стыдятся грешить?

8. Диаконы также должны быть честны, не двоязычны, не пристрастны к вину, не корыстолюбивы, 9. хранящие таинство веры в чистой совести. 10. И таких надобно прежде испытывать, потом, если беспорочны, допускать до служения. 11. Равно и жены их должны быть честны, не клеветницы, трезвы, верны во всем. 12. Диакон должен быть муж одной жены, хорошо управляющий детьми и домом своим. 13. Ибо хорошо служившие готовят себе высшую степень и великое дерзновение в вере во Христа Иисуса.

(8. Диаконы также должны быть основательны, не двоязычны, несильно пристрастны к вину, не постыдные любители наживы, 9. содержащие таинство веры в чистой совести. 10. И такие пусть прежде испытываются, а потом пусть служат, если окажутся беспорочны. 11. Равно и жены их должны быть основательны, не клеветницы, трезвы, верны во всем. 12. Диаконы да будут мужьями одной жены, хорошо управляющими детьми и домом своим. 13. Ибо хорошо служившие готовят себе хорошую степень и великую свободу в вере, которая во Христе Иисусе.)

8) *Диаконы также.* Различные толкования этого места не должны создавать для нас трудности. Несомненно, что апостол говорит здесь о тех, кто исполняет общественное служение в Церкви. Этим опровергается мнение толкователей, считающих, что словом «диаконы» означаются домашние слуги. Другие относят сказанное к пресвитерам, имеющим низшую по сравнению с епископами степень, но делают это совершенно безосновательно. Ведь из других мест явствует, что название «пресвитер» – общее для всех служителей. И это вынуждены признать все. Особенно такой смысл подтверждает отрывок из первой главы Послания к Титу. Итак, остается понимать под диаконами тех, о ком упоминает Лука в Деян.6:3. Это — люди, занятые попечением о бедных. Тот же, кто хочет узнать больше об их обязанностях, пусть читает наши «Наставления».

Первые четыре добродетели, коими, по мнению апостола, должны быть наделены диаконы, сами по себе достаточно известны. Особо следует отметить, пожалуй, вот что: Павел увещевает диаконов не быть *двоязычными*. Ибо, хотя этот порок и трудно избежать в подобном служении, они (что бы там ни было) должны удалиться от него как можно дальше.

9) *Хранящие (содержащие) таинство веры.* Апостол имеет в виду людей, придерживающихся чистого учения веры, причем от души и с искренним страхом Божиим, или же правильно наставленных в вере, дабы знать обо всем, о чем должен знать христианин.

Итог благочестивого учения апостол почтительно называет таинством, коль скоро через Евангелие Бог открывает земным людям мудрость, познаваемую ангелами на небесах. Посему, будем помнить, что эту мудрость надо принимать с наивысшим почтением. И, поскольку до такой высоты мы никогда не поднимемся собственными усилиями, будем смиренно просить у Бога, даровать нам эту премудрость откровением Своего Духа. И наоборот, видя, как нечестивые или высмеивают ее, или никак не ощущают, будем признавать Божию благодать в том, что сокрытое от других явлено нашему сердцу и нашим очам, как говорит Моисей во Втор.30:11.

Итак, апостол хочет, чтобы диаконы были наставлены в таинстве веры. Ведь, даже если они и не несут учительского служения, было бы весьма несуразным исполнять в Церкви общественное служение и оставаться невеждою в христианской вере. Особенно, коль скоро диаконы часто вынуждены увещевать и утешать, если желают исполнить свой долг.

К сказанному добавляется требование *чистой совести*, относящейся ко всей жизни, дабы диаконы знали, что служат именно Богу.

10) *И таких надобно (и такие пусть)*. Апостол хочет, чтобы диаконами избирались не неизвестные люди, но те, кто, подобно епископам, прошел открытое испытание. Отсюда явствует, что беспорочными названы здесь люди, не страдающие никаким явным пороком. Далее, испытание это должно продолжаться не один лишь час, но заключаться в длительной повседневной проверке. Итог таков: там, где идет речь о поставлении диаконов, никого нельзя допускать необдуманно и без разбора. Напротив, следует примечать тех, кого зарекомендовала их предыдущая жизнь, тех, кто, как бы сдав экзамен, доказал, что пригоден к этому служению.

11) *Равно и жены*. Апостол имеет в виду жен как диаконов, так и епископов. Ибо в служении они должны быть помощницами своим мужьям. А этого не может быть, если они не отличаются благонравием больше всех прочих. И поскольку апостол упомянул о женах, в отношении *диаконов* он предписывает то же, что ранее предписывал в отношении епископов, а именно: каждый из них должен довольствоваться одной женою, служа примером целомудренного и честного отца семейства и содержа детей и весь свой дом в святом послушании. И это опровергает заблуждение тех, кто относит сказанное к домашним слугам.

13) *Хорошо служившие*. Поскольку после смерти апостолов, в первом или втором веке, возник обычай избирать пресвитеров из чина диаконов, обычно это место толковали так, что диаконы должны перейти на более высокую ступень, словно апостол призывает к пресвитерскому достоинству тех, кто ранее выказал себя добросовестным диаконом. Я же хотя и не отрицаю, что чин диаконов может порой служить семинарией, из которой берутся пресвитеры, понимаю слова Павла проще: хорошо исполнившие диаконское служение достойны немалой чести, поскольку оно – не какая-то грязная работа, а весьма почтенная обязанность.

Далее, эта фраза говорит о том, сколь важно для Церкви, чтобы это служение исполняли тщательно подобранные мужи. Ведь святое исполнение долга вызывает уважение и почтение к служителям. Впрочем, в этом смысле крайне смешны паписты, претендующие на то, что полностью исполняют предписания Павла в отношении диаконов. Во-первых, зачем еще они поставляют диаконов, если не для того, чтобы помпезно нести чашу и ублажать взоры неопытных незнамо каким театральным зрелищем? Но учти, что диаконы их не делают даже этого. Ибо в течение последних пятисот лет диаконов поставляли только для того, чтобы, достигнув этой степени, они тут же возносились до пресвитерского чина. Итак, паписты весьма бесстыдны, утверждая, будто хорошо служившие поднимаются у них на высшую ступень, коль скоро священства они удостоивают даже тех, кто никогда и ни в чем не исполнял обязанности предыдущего служения.

И великое дерзновение (и великую свободу). Эти слова апостол добавил вполне уместно. Ведь свободе больше всего способствует добрая совесть и беспорочная невинная жизнь. Как и наоборот, боязливыми должны быть те, кто сознает за собою зло. Если же они порою радуются своей вседозволенности, то радость эта неспокойна, непостоянна и совершенно бессмысленна. Поэтому апостол указывает здесь на вполне конкретную свободу. Она, по его словам, заключается в вере, *которая во Христе*. Он говорит об этом, дабы диаконы служили Христу с еще большим упованием, и, наоборот, у тех из них, кто исполнял служение свое постыдно, были как бы немые уста и связаны руки, коль скоро никто не доверял бы им и не приписывал им никакого авторитета.

14. *Сие пишу тебе, надеясь вскоре прийти к тебе, 15. чтобы, если замедлю, ты знал, как должно поступать в доме Божиим, который есть Церковь Бога живаго, столп и утверждение истины. 16. И беспрекословно – великая благочестия тайна: Бог явился во*

плоти, оправдал Себя в Духе, показал Себя Ангелам, проповедан в народах, принят верою в мире, вознесся во славе.

(14. Сие пишу тебе, надеясь вскоре прийти к тебе, 15. чтобы, если замедлю, ты знал, как должно поступать в доме Божиим, который есть Церковь Бога живаго, столп и утверждение истины. 16. И бесспорно велика тайна благочестия: Бог явился во плоти, оправдал Себя в Духе, был узрен ангелами, проповедан в народах, добился веры в мире, принят во славу.)

14) *Сие пишу тебе.* Апостол внушает Тимофею надежду на свой приход отчасти для того, чтобы воодушевить его, а отчасти – чтобы обуздать наглость тех, кого его отсутствие подталкивало к еще большей разнузданности. И Павел обещает прийти не притворно и не для того, чтобы этим кого-то испугать. Ибо он сильно надеялся на то, что придет, и весьма вероятно, что действительно пришел, если, как сообщает Лука в Деян.18:23, писал это послание во время своего пребывания во Фригии. Слова апостол служат для нас доказательством того, с какой заботой он опекал церкви, если не позволил даже на малое время отложить исправление тяготивших их пороков. Хотя сразу же после апостол добавляет, что писал для наставления Тимофея на тот случай, если сам он паче чаяния должен будет задержаться.

15) *Как должно поступать в доме Божиим.* Этими словами апостол превозносит важность и достоинство пастырского служения. Ибо пастыри – как бы домоправители, которым Бог вручил для управления Свой дом. Если же кто-то печется о большом семействе, он день и ночь беспокоится и заботится о том, чтобы по небрежению, неопытности или лени не причинить ему вреда. И если подобная похвала адресуется людям, насколько больше подобает она Богу?

Далее, Бог не напрасно удостоивает Церковь этого почетного титула. Ведь Он не только принял нас в число детей по благодати усыновления, но и Сам живет посреди нас. И апостол еще больше усиливает эту похвалу Церкви, называя ее *столпом и утверждением истины*. Можно ли было сказать нечто более величественное? Что может быть священнее и святее той вечной истины, в которой заключается и слава Божия, и спасение людей? И если собрать воедино всю хвалу мирской философии, которую воссылают ей ее почитатели, что ей до достоинства той небесной премудрости, которая одна заслуживает называться светом, истиной, учением жизни, путем и Царством Божиим? Но эта премудрость сохраняется на земле только посредством служения Церкви. Итак, какое же бремя лежит тогда на пастырях, руководящих охраной столь бесценного сокровища? Паписты же, выводящие из слов Павла, будто все их безумства должны считаться небесными откровениями, занимаются совершенно бесстыдной болтовней. Они рассуждают так: коль скоро они – столпы истины, значит, они не могут ошибаться.

Во-первых, надо понять, с какой целью Павел наделяет Церковь столь почетным титулом. Без сомнения, он хотел, указав на величие церковного служения, научить пастырей, с какими добросовестностью, прилежанием и почтением должны они его исполнять. Сколь ужасная постигнет их кара, если по их вине погибнет истина, являющаяся образом божественной славы, светом мира и спасением людей? Помышление об этом должно внушать пастырям постоянный страх, но не для того, чтобы ввергнуть их в отчаяние, а для того, чтобы побудить к еще большей бдительности. Отсюда легко понять, в каком смысле выражается здесь Павел. Ибо Церковь потому есть столп истины, что служением своим защищает ее и распространяет. Бог не спускается к нам с небес самолично и не посылает ежедневно ангелов для провозглашения истины, но использует труд пастырей, которых и поставил для этой цели. И, говоря еще выразительнее: разве Церковь – не мать всех благочестивых, которых она возрождает Словом Божиим, воспитывает и лелеет всю жизнь, утверждает и приводит к истинному совершенству? И по той же самой причине она называется столпом истины, ибо учительское служение, которое ей вручил Бог, есть

единственное средство сохранения истины, дабы та не исчезла из людской памяти. Значит, этот почетный титул относится к служению Слова, по устранении которого вся истина Божия падает. И не потому, что, как болтают паписты, истина сама по себе не тверда, если не опирается на человеческие плечи. Проклятое богохульство – утверждать, что Слово Божие не твердо, доколе смиренно не дожидается людского подтверждения! Павел просто имеет в виду то, о чем другими словами говорил в десятой главе Послания к Римлянам (ст.17): коль скоро вера – от слышания, без проповеди ее не будет вовсе. И по отношению к людям Церковь поддерживает истину, поскольку провозглашает ее в своей проповеди, сохраняет ее чистой и неповрежденной, и передает ее потомкам. Если же евангельское учение не звучит, если нет благочестивых служителей, защищающих в своей проповеди истину от мрака и забвения, то тут же возобладают ложь, заблуждения, мошенничества, суеверия и всяческая порча. В конце концов, молчание Церкви – это изгнание и подавление истины. И что натянутого в подобном толковании?

А теперь, усвоив мысль апостола, вернемся к папистам. Во-первых, прилагая к себе этот титул, они прибегают к мошенничеству, облакаясь в чужую одежду. Вознесись Церковь даже над третьем небом, я все равно буду отрицать, что все сказанное как-либо относится к ним. Больше того, сказанное апостолом я обращу против них самих. Ведь если Церковь есть столп истины, из этого следует, что нет Церкви у тех, у кого истина не только похоронена, но и, будучи полностью разрушенной и извращенной, попирается ногами. Разве я говорю неясно? Разве клеветшу? Павел хочет, чтобы Церковь признавали лишь там, где истина Божия поднята на щит и явлена всем. В папстве же не видно ничего подобного. Но самообман папистов происходит оттого, что они не думают о главном, о том, что истина Божия поддерживается чистой евангельской проповедью. Она опирается не на человеческий разум или талант, а зависит от чего-то более высокого, а именно от того, чтобы никогда и ни в чем не отступали от простоты Божественного Слова.

16) *Великая благочестия тайна (велика тайна благочестия)*. Еще одно усиление смысла. Дабы истина Божия по человеческой неблагодарности не подверглась недооценке, апостол превозносит ее достоинство, говоря, что она – великая тайна благочестия. Ведь речь идет не о каких-то пустяках, а об откровении Сына Божия, в Котором сокрыты все сокровища премудрости. И из этого величия пастыри должны оценивать свое служение, дабы исполнять его с еще большим благоговением и страхом.

Бог явился. Обычный перевод, опустив слово «Бог», относит все последующее к тайне. Причем довольно плохо и невежественно, как будет явствовать из самого рассмотрения отрывка. И хотя на его стороне стоит Эразм, того, кто основывает свой авторитет на себе самом, я не считаю нужным опровергать. Все же греки согласны со следующим чтением: Бог явился во плоти. Но, даже допустив, что Павел не использует слово «Бог», все же каждый, благоразумно все взвесивший, согласится с тем, что здесь присутствует намек на Христа. Однако я без всяких трудностей следую принятому греками чтению. Ведь причина того, что описываемое затем явление Христово апостол называет тайной, вполне ясна. Ибо это и есть та высота, глубина и широта премудрости, о которых упоминает Павел в Послании к Ефесеям 3:18, и перед которыми цепенеют все наши чувства.

А теперь рассмотрим все по порядку. Апостол не мог удачнее описать личность Христову, нежели сказав о ней: Бог явился во плоти. Ибо, во-первых, здесь мы видим ясное свидетельство двух природ во Христе. Павел объявляет Его одновременно истинным Богом и истинным человеком. Во-вторых, здесь указывается на различие между обеими природами, ибо, назвав Христа Богом, апостол тут же говорит о Его явлении во плоти. В-третьих, здесь указывается на единство Лица Христова, поскольку апостол учит одному и тому же Христу, Который, будучи Богом, явился облеченным во плоть. Таким образом, одна эта короткая фраза защищает истинную православную веру одновременно от Ария, Маркиона, Нестория и Евтихия. И антитезис, присутствующий в словах *Бог во плоти*, несет в себе большую эмфазу. Как сильно отличаются Бог и человек! И все же во Христе

мы видим безмерную славу Божию, так соединенную с ветхостью нашей плоти, что вместе они образуют единое целое.

Оправдал Себя в Духе. Сын Божий уничижил Себя, облекшись в нашу плоть. Но в Нем также явилась и духовная сила, свидетельствующая, что Он – Бог. Это место толкуется по-разному. Но я, довольствуясь изложением того, что считаю подлинным смыслом, не буду добавлять чего-либо еще. Во-первых, оправдание означает здесь доказательство божественной силы. Как и в Пс.19:10 [В Синодальном переводе Пс.18:11 – прим. пер.] сказано: суды Божии оправданны, то есть, упорядочены и совершенны до последней йоты. И в Пс.51:6 [В Синодальном переводе Пс.50:8 – прим. пер.] говорится об оправдании Бога, то есть о том, что слава Его справедливости становится очевидной для всех. Так и в Мф.11:19 Христос, говоря, что премудрость оправдана своими детьми, имеет в виду, что они осознают ее достоинство. И в Лк.7:35, сказав, что мытари оправдывают Бога, Христос подразумевал, что они с должным почтением и благодарностью относятся к той благодати Божией, которую в Нем узрели. Значит, прочитанное нами означает то же, как если бы было сказано: Тот, Кто явился облеченным в человеческую плоть, одновременно был провозглашен Сыном Божиим, дабы немощь плоти ни в чем не умаляла Его славу.

Под Духом апостол понимает все, что было во Христе божественного и сверхчеловеческого, причем по двум причинам. Первая: поскольку во плоти Христос был уничижен, Павел противопоставляет плоти Дух, являющий Его славу. И вторая: слава, достойная Единородного Сына Божия, которая по учению Иоанна была зрима во Христе (1:14), – это не внешняя помпа, не земной блеск, но нечто совершенно духовное. Тем же самым оборотом апостол воспользовался в Рим.1:3: Который произошел от семени Давида по плоти, провозглашен же Сыном Божиим в силе Духа. Разве что здесь Павел указывает на конкретное проявление этой силы, а именно – на воскресение.

Показал Себя Ангелам (был узрен ангелами), проповедан в народах. Все сказанное удивительно и достойно всяческого изумления. Народы, до этого заблуждавшиеся в слепоте собственного разума, Бог удостоил откровения Своего Сына, ранее сокрытого даже от небесных ангелов. Ведь, сказав, что Христос был узрен ангелами, апостол имел в виду следующее: зрелище это было таким, что как новизною, так и величием своим обратило на себя ангельское внимание.

Сколь же новым и неожиданным было призвание язычников, мы говорили в толковании на вторую главу Послания к Ефесеям. И не удивительно, что для ангелов это зрелище было новым: ведь, хотя они и знали заранее об искуплении человеческого рода, способ его вначале оставался для них тайной. А сокрыть его от них надо было для того, чтобы потом они еще больше подивились столь великой благодати Божией.

Принят верою в мире (добился веры в мире). Чудесным было уже то, что Бог сделал участниками одного и того же откровения мирских язычников и ангелов, вечных наследников Своего Царства. Но необычной была и действенность евангельской проповеди, заключавшаяся в том, что Христос, преодолев столькие препятствия, привел в послушание веры тех, кто ранее казался совершенно неприручаемым. Действительно, для Евангелия до такой степени были закрыты все входы и доступы, что последнее событие казалось совершенно невозможным. Но вера все же победила, хотя и невероятным образом.

В конце апостол говорит, что Христос был *принят во славу*, то есть, полностью оставил смертную и горестную жизнь. Поэтому, как в мире было чудесным послушание вере, так и во Христе было чудесным Его превращение, когда из столь презренного рабского состояния Он вознесся одесную Отца, дабы перед Ним преклонилось всякое колено.

1. Дух же ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским, 2. через лицемерие лжесловесников, сожженных в совести своей, 3. запрещающих вступать в брак и употреблять в пищу то, что Бог сотворил, дабы верные и познавшие истину вкушали с благодарением. 4. Ибо всякое творение Божие хорошо, и ничто не предосудительно, если принимается с благодарением, 5. потому что освящается словом Божиим и молитвою.

(1. Дух же ясно говорит, что в последующие времена отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским, 2. через лицемерие лжесловесников, отмеченных прожженной совестью, 3. запрещающих вступать в брак, велящих воздерживаться от пищи, которую Бог сотворил для принятия ее с благодарением верующими и познавшими истину. 4. Ибо всякое творение Божие хорошо, и ничто не должно отвергать, если оно принимается с благодарением, 5. потому что освящается словом Божиим и молитвою.)

1) Дух же. До этого апостол поучал Тимофея многому и разному. Теперь же он останавливается на одной животрепещущей проблеме. Надо было предупредить опасность, угрозу, которую предсказал Святой Дух, а именно: придут лжеучителя, вводящие вместо веры вздорные учения. И они, приписывая святость только внешним поступкам, будут затуманивать духовное и единственно законное богопочитание. Действительно, рабам Божиим предстоит вечно сражаться с теми, о ком здесь говорит Павел. Поскольку по природе люди склонны к лицемерию, сатана легко внушает им мысль, что правильное почитание Бога заключается в обрядах и внешней дисциплине. Больше того, почти все твердо уверены в этом без какого-либо внешнего поучения. Затем хитрость сатаны еще больше укореняет их в подобном заблуждении, и поэтому во все века существовали мошенники, рекламировавшие выдуманные ими формы богопочитания, ниспровергавшие истинное благочестие. И эта болезнь затем порождает другую: люди связываются необходимостью в отношении безразличных вещей. Ибо мир легко позволяет запрещать себе то, что разрешил Бог, дабы ему, с другой стороны, было позволено безнаказанно преступать законы Божии. Итак, Павел в лице Тимофея предупреждает не только ефесян, но и все поместные церкви об учителях-притворщиках, которые, устанавливая придуманные ими формы поклонения и улавливая совесть в силки новых законов, искажают истинное богопочитание и извращают чистоту вероучения. В этом и состоит главная цель апостола, на которую следует обратить внимание.

Далее, дабы все еще прилежнее прислушались к тому, о чем он вскоре скажет, апостол в качестве вступления говорит о несомненном и совершенно ясном пророчестве Святого Духа. Хотя Павел заимствовал от Того же Духа и остальные свои слова, и его, как орудие Христово, следовало прилежно слушать во всем, на этот раз он особо подчеркивает, что провозглашает что-либо, только следуя пророческому Духу. И, торжественно заявив о духовном пророчестве, апостол, словно не довольствуясь даже этим, добавляет, что оно совершенно ясное и не содержит в себе никакой загадки.

В последние (в последующие). Воистину никто не мог бы ожидать, что люди отступят от веры при столь ярком евангельском свете. Но именно об этом и говорит Петр: лжеучителя, некогда сбивавшие с толку израильский народ, так же ополчатся и на Христианскую Церковь (2Пет.3:3). Итак, в этом отрывке Павел утверждает следующее: сейчас евангельское учение процветает, но сатана не будет бездействовать долго и постарается заглушить истинное семя сорняками. Увещевание это принесло великую пользу Церкви того времени: пастыри и прочие верующие, усердно внимая чистому учению, не позволили тогда себя обмануть. И сегодня оно не менее полезно нам, коль скоро мы видим, что все происходящее было ясно предсказано пророчеством Духа. Кроме того, обратим внимание, сколь сильно заботится Бог о Своей Церкви, своевременно упреждая любую грозящую ей опасность. У сатаны в запасе множество уловок, коими он мог бы нас обольстить. Он постоянно строит нам разнообразные козни. Однако Господь,

со Своей стороны, ограждает нас от них, если только мы сами добровольно не хотим обмануться. Посему у нас нет причин жаловаться на то, что тьма сильнее света, что ложь побеждает истину. Скорее мы должны оплакивать собственную лень и беспечность, уводящие нас с правильного пути спасения.

Но потакающие себе в своих заблуждениях возражают нам и говорят, что едва ли можно понять, о ком именно рассуждает здесь Павел. Словно Дух Святой изрек и издревле обнародовал пророчество, ни о чем конкретно не говорящее. Ибо, если нет никакого способа отличить указанных людей от всех прочих, настоящее увещание окажется напрасным и даже смешным. Но не будем думать, будто Дух Божий пугает нас напрасно. Будто, возвещая нам об опасности, Он не показывает нам способ от нее уберечься. И эту клевету достаточно опровергают слова самого Павла. Апостол как бы пальцем указывает нам на зло, которого следует избегать. Он говорит о лжепророках не в общем и целом, но ясно указывает на конкретную разновидность лжеучения, а именно: учение, которое (как уже было сказано), привязывая благочестие к внешним стихиям, извращает и оскверняет духовное богочитание.

Отступяют некоторые от веры. Не ясно, говорит ли здесь апостол об учителях или об их слушателях. Но я предпочитаю относить сказанное к последним, поскольку учителей он затем называет *духами обольстителями*. Здесь присутствует *ἐμφαικώτερον*. То есть, будут существовать не только те, кто сеет нечестивые догматы и портит чистоту веры, но и их ученики, которых они переманят в свою секту. И когда заблуждение начнет усиливаться, возникнет большая смута. Далее, отмеченный апостолом порок, а именно: отступление от веры, – не легкое, но весьма тяжкое преступление.

И все же учение, о котором говорит апостол, на первый взгляд, не кажется таким уж плохим. Что о нем можно сказать? Неужели вера полностью извращается только из-за запрещения брака и некоторых видов пищи? Но здесь надо принять во внимание другую, более важную сторону дела: то, что люди по собственной прихоти выдумывают новые формы богочитания, то, что они берут власть над совестью других, то, что смеют запрещать использование разрешенных Господом благ. И там, где однажды богочитание оказывается поврежденным, не остается ничего здорового или правильного, больше того, рушится сама вера. Поэтому, пусть паписты высмеивают нас, когда мы восстаем на их тиранические законы, касающиеся внешних правил. Мы знаем, что ведем спор по весьма серьезному и важному вопросу. Ибо вероучение разрушается, как только богочитание искажается подобным образом. Наши разногласия касаются не употребления мяса или рыбы, не черного или пепельного цвета, не пятницы или среды, но безумных суеверий тех, кто хочет умиловить Бога подобным вздором и, выдумывая собственный плотской культ, ставит на место Бога идола. Кто же будет отрицать, что это и есть подлинный отход от веры?

Духам. Здесь апостол имеет в виду пророков и учителей. Он называет их «духами» потому, что они, претендуя на обладание духом, использовали это в качестве повода для бахвальства. Действительно, всегда верно, что какими бы ни были люди, они говорят по внушению духа. Но не один и тот же дух руководит всеми. Ибо для обмана неверующих, заслуживающих впасть в заблуждение, сатана порой становится лживым духом в устах лжепророков. Всякий же воздающий Христу должную славу говорит, по свидетельству Павла, Духом Святым (1Кор.12:3).

Обсуждаемое нами наименование «дух» первоначально произошло от того, что рабы Божии всё, произносимое ими публично, называли исходящим от откровения Духа. И это, действительно, было так. Поэтому каждый из них стал называться именем Того, орудием Которого он являлся. Служители же сатаны, подражая этой практике подобно обезьянам стали делать потом то же самое, то есть присвоили себе имя «дух», но на этот раз совершенно лживо и незаконно. Именно об этом и говорит апостол Иоанн: испытывайте

духов, от Бога ли они (1Ин.4:1). И Павел истолковывает сам себя, добавляя фразу «учениям бесовским», означающую то же, что и «лжепророкам и их сатанинскому учению». Снова отметь, сколь тяжело и нетерпимо заблуждение, когда совесть связывают человеческими выдумками, одновременно повреждая при этом поклонение Богу.

2) *Через лицемерие лжесловесников.* Если отнести сказанное к бесам, лжесловесники будут означать тех, кто обманывает других по дьявольскому внушению. Но здесь могут иметься в виду также и сами люди. И апостол переходит к конкретной разновидности обмана, говоря, что подобные люди лгут в своем лицемерии, имея прожженную совесть. Следует знать, что эти два порока соединены между собой настолько, что первый рождается из второго. Ведь злая совесть, прожженная собственными преступлениями, всегда прибегает к лицемерию как к готовому для себя укрытию. То есть, она изобретает разные прикрасы, с помощью которых надеется затуманить очи Самому Богу. Ибо что иное делают те, кто пытается умиловить Его путем соблюдения внешних правил? Значит, смысл слова «лицемерие» надо ограничивать текущим контекстом. Во-первых, его следует относить к учению, а, во-вторых, оно означает ту разновидность учения, которое, подменяя духовное богочитание телесными упражнениями, искажает его подлинную чистоту. Таким образом, апостол имеет здесь в виду все вымышленные способы умиловления Бога и обретения перед Ним заслуг. Итог следующий: все те, кто проповедует показушную святость, действуют по наущению дьявола, поскольку Бог никогда не почитается правильно через внешние обряды. Истинные поклонники поклоняются Ему в Духе и истине. Кроме того, внешние прикрасы – это бесполезное врачевство, коим лицемеры пытаются ослабить свои страдания, или скорее пластырь, которым злая совесть прикрывает свои раны без какой-либо пользы и с наивысшим вредом для самой себя.

3) *Запрещающих.* Употребленные апостолом конкретные слова указывают на две отдельные разновидности лжеучений: запрещение брака и запрещение определенных видов пищи. Запрещения эти происходят от того лицемерия, которое, оставив истинную святость, приукрашивает себя не относящейся к делу показухой. Ибо те, кто не воздерживается от тщеславия, ненависти, алчности, жестокости и тому подобного, пытаются обрести праведность воздержанием от вещей, в отношении которых Бог разрешает полную свободу. Почему еще совесть обременяет себя этими законами, если не потому, что ищет совершенства вне божественного установления? И это исходит только от лицемеров, которые, дабы безнаказанно отступать от требуемой законом праведности сердца, пытаются такими правилами, словно занавесой, скрыть свою внутреннюю порочность. И Павел вполне ясно возвещает об этой опасности. Так что устеречься от нее было бы весьма легко, если бы люди обратили свой слух к красноречиво увещающему их Святому Духу.

Но мы видим, что в большинстве случаев возобладало сатанинское умопомрачение, а яркий свет замечательного и достопамятного небесного откровения не принес никакой пользы. Ибо вскоре после смерти апостола появились энкратиты (заимствовавшие свое название от слова «воздержание»), татианисты, катары, Монтан со своей сектой, и, наконец, манихеи, ужасавшиеся поеданию мяса и супружеству, и осуждавшие их как какие-то скверные дела. Да, Церковь отвергла их из-за их превозношения, как желавших подчинить своим прихотям всех, но сами те, кто им воспротивился, как видно, были весьма склонны к такого же рода заблуждению. Те, о ком я говорю, не хотели связывать христиан законом, но, между тем, больше, чем следует, уважали суеверные правила в том случае, если кто-то избегал брака или не вкушал мяса. Таков образ мыслей мира сего, всегда мечтающего почитать Бога по-плотски, словно Сам Он – нечто плотское. И по мере того, как дела расстраивались все больше и больше, повсюду воцарилась тирания, запрещающая священникам или монахам вступать в брак и всем без исключения вкушать мясо в определенные дни. Посему мы вполне обоснованно выставляем сегодня против

папистов это пророчество, коль скоро на целибате или воздержании от пищи они настаивают жестче, чем на любой заповеди Божией. Они надеются вывернуться, прибегнув к остроумной уловке: якобы слова Павла относятся не к ним, а к татианистам, манихеям и им подобным. Как будто то же самое не могли сказать те же татианисты, переложив сказанное Павлом на катафригов и их основателя Монтана! Как будто катафриги, в свою очередь, не могли бы с легкостью выставить вместо себя энкратитов! Но Павел говорит здесь не об отдельных людях, а о существе дела. Поэтому, даже если возникнет сотня различных сект, страдающих тем же самым лицемерием и запрещающих вкушать определенную пищу, все они навлекут на себя одну и ту же вину. Ибо все зависит от того, одинаковы или нет совершаемые ими проступки.

Паписты возражают нам, что они не похожи на энкратитов или манихеев, поскольку не полностью запрещают употребление мяса и вступление в брак. Они принуждают воздерживаться от мяса лишь в определенные дни, а обет целибата принуждают принять только священников и монахов. Однако и это их оправдание звучит весьма глупо. Ведь паписты во всяком случае приписывают этим упражнениям святость. Кроме того, они устанавливают с их помощью ложное и поддельное богопочитание. Наконец, они связывают совесть заповедями, от которых последняя должна быть свободна.

У Евсевия в его пятой книге приводится какой-то фрагмент из писаний Аполлония, где среди прочего автор обвиняет Монтана в том, что он был первым отменившим брак и введшим законы о посте. Аполлоний не говорит, что Монтан полностью запретил брак или употребление отдельных видов пищи. Достаточно и того, что кто-то связывает совесть новой формой религии и заповедует почитать Бога соблюдением новых правил. Ведь запрещение безразличных вещей, будь оно общим или частным, всегда представляет собой дьявольскую тиранию. И истинность этого в отношении пищи станет еще яснее из сразу же следующей фразы апостола.

Что Бог сотворил. Надо отметить причину, по которой в употреблении пищи мы должны довольствоваться данной нам от Бога свободой. Она состоит в том, что Бог создал пищу именно для цели ее вкушения. И знать, что все виды пищи, коими они питаются, дала им божественная длань, дабы употребление их было чистым и законным, – великая радость для всех благочестивых. Сколь же велика тогда гордыня людей, отнимающих у других то, что дарует им Бог! Разве это они сотворили пищу? Разве они могут сделать незаконным творение Божие? Итак, будем всегда помнить: Творец разрешил нам свободное употребление того, что люди напрасно пытаются запретить. Бог же создал пищу *для принятия*, то есть для того, чтобы мы ее употребляли. И человеческий авторитет не может извратить подобный порядок.

Затем апостол добавляет «с благодарением», потому что все, что мы можем воздать Богу за Его щедрость, – это наша благодарность. Тем большей неприязни заслуживают нечестивые законодатели, новыми и поспешными эдиктами отменяющие жертву благодарения, которую Бог велел приносить Себе в первую очередь. Далее, благодарение не может совершаться без трезвости и умеренности. Ведь благодетельность Божию истинно признает лишь тот, кто не злоупотребляет ею в дурных целях.

Верные и познавшие истину (верующими и познавшими истину). И что же? Разве Бог не заставляет Свое солнце ежедневно восходить над добрыми и злыми? Разве не по Его повелению земля произращает хлеб для нечестивых? Разве не по Его благословию кормятся даже худшие люди? Ибо благодетельство, воспеваемое Давидом в Пс.104:14 [В Синодальном переводе Пс.103:14 – прим. пер.], воистину всеобщее. Отвечаю: Павел говорит здесь о позволительном употреблении, божественное установление которого для нас очевидно. А в этом употреблении никак не участвуют нечестивые из-за их оскверняющей все нечистой совести, как сказано в Послании к Титу 1:15.

Действительно, Бог предназначил мир и все, находящееся в мире, собственно говоря, одним лишь Своим чадам. По этой причине они и называются наследниками мира. Ибо Адам вначале был поставлен господином над всем, чтобы вместе с тем оставаться послушным Богу. Поэтому восстание против Бога лишило данного изначально права и его самого, и его потомков. Но, поскольку все покорено Христу, по Его благодетелю мы восстанавливаемся в прежнем статусе и достигаем этого через веру. Поэтому неверующие обладают всеми вещами как чужими для них и им не принадлежащими.

В последней части предложения апостол определяет, каких именно людей он называет верующими, а именно тех, кто познал здоровое учение. Ибо вера рождается только от Слова Божия, и ее не следует считать каким-то расплывчатым мнением, как думают о ней паписты.

4) *Ибо всякое творение Божие хорошо.* О пище надо судить, отчасти исходя из ее сущности, а отчасти – из личности того, кто ее принимает. И апостол использует оба этих довода. Касательно самой пищи он говорит, что она чиста, поскольку создана Богом. Употребление же ее освящается для нас через веру и молитву. Упомянутая благодетель творения также связана и с людьми, причем не с их телами или здоровьем, а с их совестью. Здесь никто не имеет права утонченно философствовать и отходить от контекста. Ибо Павел кратко излагает следующую мысль: все, даруемое божественной дланью и предназначенное для нашего употребления, является для нас чистым и нескверным в глазах Божиих. Так что всем подобным нам позволено питаться в том смысле, что совесть это разрешает. Если же кто возразит и скажет, что многие животные некогда были объявлены законом нечистыми, а плод, произраставший на дереве познания добра и зла, принес человеку погибель, ответ будет таким: творения зовутся чистыми не только потому, что их сотворил Бог, но и потому, что они даны нам по Его щедрости. Всегда надо обращать внимание на установление Божие: что именно Он велит, а что запрещает.

5) *Потому что освящается.* Подтверждение предыдущей фразы о том, что пищу надо принимать с благодарением. Здесь присутствует довод от противного: ведь святое и скверное друг другу противоположны. А теперь посмотрим, в чем состоит освящение всех благ, относящихся к настоящей жизни. Павел говорит, что оно заключается в Слове Божиим и молитве. Но следует отметить: чтобы это Слово принесло пользу, его надо принимать с верою. Ибо, хотя Бог освящает все одним лишь Духом Своих уст, мы получаем это благодетель только через веру. Сюда же относится и молитва: поскольку и хлеб наш насущный мы просим у Бога по заповеди Христовой и благодетеля Его должны сопровождать должным благодарением. Далее, учение Павла исходит из того принципа, что законным образом обладать благом можно лишь тогда, когда оно по свидетельству нашей совести по праву нам принадлежит. Ибо кто посмеет присвоить себе даже пшеничное зерно, если не узнает из Слова Божия, что наследует весь мир? Общее убеждение свидетельствует нам о том, что богатства мира предназначены для нашего употребления, но коль скоро владычество над миром отнято у нас из-за Адама, все получаемые нами дары Божии оскверняются нашей нечистотой и становятся, в свою очередь, скверными для нас, доколе Бог по милости Своей не придет нам на помощь и, прививая нас к телу Своего Сына, заново не сделает господами над миром, дабы мы законно пользовались всем дарованным от Него как нашим собственным богатством.

Посему Павел вполне обоснованно связывает справедливое владение земными вещами со Словом. Ведь только через него мы снова обретаем то, что потеряли через Адама. Чтобы стать наследниками Божиими, надо признать Бога Отцом, а чтобы все Христово стало нашим, признать Христа нашим главою. Отсюда вывод: если нет истинного познания и призывания имени Божия, дары Его незаконно узурпируются. И воистину, если люди садятся за стол без молитвы, а насытившись, берутся за другие дела, вовсе не вспоминая о Боге, – они ведут себя подобно животным. Так вот, если подобное освящение требуется

даже при обычном приеме пищи, подверженной тлению вместе с принявшим ее чревом, то что же надо думать о духовных таинствах?

Но надо отметить различие между благословением пищи мистической [вечери Господней – прим. пер.] и пищи повседневной. Ведь пищу, которой мы питаемся для подкрепления тела, мы благословляем для того, чтобы принятие ее было законным и чистым. А хлеб и вино во время таинственной вечери мы освящаем с иной целью – чтобы они стали для нас залогом Христова тела и Христовой крови.

6. Внушая сие братиям, будешь добрый слуга Иисуса Христа, питаемый словами веры и добрым учением, которому ты последовал. 7. Негодных же и бабых басен отвращаясь, а упражняй себя в благочестии, 8. ибо телесное упражнение мало полезно, а благочестие на все полезно, имея обетование жизни настоящей и будущей. 9. Слово сие верно и всякого принятия достойно. 10. Ибо мы для того и трудимся и поношения терпим, что уповаем на Бога живаго, Который есть Спаситель всех человеков, а наипаче верных.

(6. Внушая сие братиям, будешь добрый слуга Иисуса Христа, питаемый словами веры и добрым учением, которому ты последовал. 7. Негодных же и бабых басен отвращаясь, а упражняй себя в благочестии, 8. ибо телесное упражнение мало полезно, а благочестие на все полезно, имея обетования жизни настоящей и будущей. 9. Слово сие верно и всякого одобрения достойно. 10. Ибо мы для того и трудимся и поношения терпим, что имеем твердую надежду на Бога живаго, Который есть Хранитель всех человеков, а наипаче верных.)

б) *Внушая сие.* Подобными словами апостол увещевает Тимофея постоянно вспоминать об уже сказанном. И то же самое, немного ниже, он повторит в третий раз. Поучения апостола таковы, что весьма полезно часто о них вспоминать. И следует отметить подразумеваемый здесь антитезис. Восхваляемое им учение апостол противопоставляет не другим учениям и нечестивым догматам, а никчемному, ни в чем не назидающему остроумию, и, веля Тимофею внимать иному, хочет предать это остроумие полному забвению.

Добрый слуга. Люди скорее пожелают всего что угодно, нежели того, чтобы угождать Христу. Поэтому многие ищут похвалы за свой талант, красноречие или знание чего-то таинственного. По той же самой причине они отбрасывают в сторону то, что, являясь необходимым, все же не может вызвать восхищения у толпы. Но Павел велит Тимофею довольствоваться лишь тем, чтобы быть верным слугою Христовым. Действительно, этот титул должен быть для нас много почетнее тысячи таких прозвищ, как серафический или тонкий учитель. Итак, будем помнить: поскольку числиться добрым рабом Христовым – наивысшая честь для благочестивого пастыря, только эту выгоду он и должен преследовать в своем служении. Ибо всякий стремящийся к чему-то иному если и вызовет одобрение, то только людское, а не Божие. Поэтому, дабы не лишать себя подобного блага, научимся желать только этой чести и считать ее настолько драгоценной, чтобы все остальное почитать за мусор.

Питаемый. Поскольку причастие здесь стоит в медиальном залоге, его можно перевести и в активном смысле, то есть «питающий». Но, коль скоро здесь отсутствует прямое дополнение, подобный перевод кажется мне натянутым. Поэтому я предпочитаю понимать сказанное в смысле пассивном, дабы оно соответствовало предыдущему воспитательному увещанию Тимофея. Апостол как бы говорит: коль скоро ты с младенческих лет правильно наставлялся в вере и, как бы с молоком матери, впитал в себя здоровое учение, до сих пор постоянно в нем преуспевая, постарайся и впредь показывать себя таким через добросовестное служение. И с этим смыслом хорошо согласуется структура употребленного глагола.

Вера означает здесь суть христианского вероучения, а фраза об *учении добром* добавлена с целью истолкования. Павел хочет сказать, что во всех прочих учениях нет никакого толка, какое бы одобрение они ни вызывали у людей. Фраза «которому ты последовал» подчеркивает стойкость Тимофея. Ибо многие из тех, кто узнал Христа еще в детстве, затем с течением времени от Него отступают. И Павел утверждает, что Тимофей вовсе не похож на таких людей.

7) *Упражняй себя*. Ранее сказав, каким должно быть учение Тимофея, апостол переходит к тому, какой пример он должен показывать другим. По словам Павла, в деле благочестия следует напряженно трудиться. Ибо, говоря «упражняй себя», апостол хочет сказать, что усердие и прилежание здесь весьма обоснованны. Он как бы говорит: у тебя нет оснований утруждаться чем-то другим, ты сделаешь самое полезное дело, если все свои помыслы и способности направишь к благочестию.

Впрочем, под словом «благочестие» апостол подразумевает духовное почитание Бога, заключающееся в чистой совести. И это еще лучше видно из следующего предложения, в котором благочестию противопоставляется телесное упражнение. Апостол имеет здесь в виду не охоту, не состязание в беге, копании или борьбе, не физический труд, – под этим словом он понимает все совершаемые ради религии внешние поступки. Таковы бдения, длительные посты, возлежания на земле во время сна и тому подобное. Хотя Павел не имеет здесь в виду суеверное соблюдение этих правил. В противном случае он бы полностью их осудил, как делает это в Послании к Колоссянам (2:21). Сейчас же он только принижает их значение, увещевая, что польза от них не столь уж велика. Значит, как бы добросовестно и с какой бы правильной целью ни практиковали подобные вещи, апостол не находит ничего великого в этих внешних упражнениях. Это – весьма необходимое увещевание. Ибо мир всегда склонен к тому, чтобы почитать Бога соблюдением внешних правил. А это – губительное заблуждение.

И, не говоря уже о ложном мнении по поводу заслуг, отмечу следующее: природа всегда толкает нас к тому, чтобы больше, чем следует, ценить аскетический образ жизни, словно он – особая составная часть христианской святости. И нельзя найти большее подтверждение сказанному, чем следующее обстоятельство: спустя немного времени, как Павел написал эти слова, весь мир стал восхищаться никчемными телесными упражнениями. Из этого восхищения возникли монашество и почти все дисциплинарные правила древней Церкви, по крайней мере, те, которые особенно уважались в народе. Если бы, ведя свой строгий образ жизни, древние монахи не мечтали о незнакомом божественном или ангельском совершенстве, они не стремились бы к нему с таким усердием. Если бы пастыри не ценили больше положенного распространенные тогда обряды измождения плоти, они бы не требовали их придерживаться столь жестко и категорично. Но что же, со своей стороны, говорит нам Павел? Если кто-то долго изнуряет себя этими упражнениями, он получит лишь незначительную, ничтожную пользу. Ибо все подобное – только детские начатки христианского воспитания.

8) *А благочестие на все полезно*. То есть, имеющий благочестие ни в чем не будет испытывать недостатка, даже если и лишен подобных вспоможений. Ибо в стремлении к подлинному совершенству благочестие довольствуется только само собой. Оно – начало, середина и конец христианской жизни. Поэтому там, где оно соблюдается, нет ничего ущербного. Христос не придерживался столь аскетического образа жизни, как Иоанн Креститель. Разве поэтому Он хуже его? Итог в следующем: стремиться надо к одному лишь благочестию, поскольку, когда мы его однажды обретем, Бог не будет желать от нас ничего больше. Телесными же упражнениями надо заниматься лишь дотоле, доколе они не мешают и не тормозят наше усердие к благочестию.

Имея обетование (обетования). Высочайшее утешение заключается в том, что Бог никогда не покинет благочестивых. Ранее апостол приписал совершенство благочестию.

Теперь же он делает это благочестие полностью истинного счастья. Поскольку же счастье наше начинается уже в этой жизни, обетования божественной благодати распространяются и на нее, обетования, которые одни делают нас блаженными, и без которых мы в наивысшей степени несчастны. Ибо Бог свидетельствует, что будет нашим Отцом уже здесь, на земле.

Однако будем помнить, что надо различать между благами жизни настоящей и жизни будущей. В этом мире Бог благоденствует нам, но дает вкушать лишь малую часть Своей благодати. Подобным вкушением Он побуждает нас желать благ небесных, дабы только они были предметом нашего упования. Поэтому блага настоящей жизни не только перемешаны со многими скорбями, но и как бы ими заслонены. Нам не полезно жить здесь в полном изобилии, коль скоро оно побуждает нас к распутству.

Далее, чтобы никто не выводил из сказанного заслуги добрых дел, будем твердо придерживаться того, о чем я уже говорил: благочестие включает в себе не только добрую совесть по отношению к людям и страх Божий, но также веру и молитву.

9) *Слово сие верно.* Теперь в конце своей речи апостол возвращается к тому, о чем дважды говорил в ее начале. Кажется, что он делает это намеренно, поскольку вскоре приведет мнение противоположное. Впрочем, Павел обоснованно пользуется столь утвердительной формой речи. Великий парадокс, ставящий в тупик плотской разум, заключается в следующем: с одной стороны, Бог дает Своим людям в этом мире то, что относится к блаженной и счастливой жизни, а с другой – они часто лишены всяческих благ и поэтому считаются отверженными Богом. Поэтому, не довольствуясь простым учением, апостол вручает верующим щит, отражающий все противоположные искушения. Он увещевает верных открыть благодати Божией дверь, которую закрывает перед ней наше неверие. Ведь, если бы мы принимали Божии благодеяния должным образом, Бог проявлял бы к нам гораздо большую щедрость.

10) *Ибо мы для того и трудимся.* Упреждение, с помощью которого апостол отвечает на возможный вопрос: разве верующие, тяготясь всяческими скорбями, не несчастнее, тем самым, всех остальных? И чтобы показать, что их положение не следует оценивать, исходя из внешних признаков, апостол отделяет верующих от прочих людей сначала в отношении причины их настоящего состояния, а затем и его исхода. Отсюда следует: когда верующих мучают разные невзгоды, они, тем не менее, не лишены ни одного из упомянутых апостолом обетований. Подведем итог: в своих скорбях верующие вовсе не несчастны, поскольку их поддерживает добрая совесть, и ожидает счастливый благополучный исход.

Поскольку же счастье настоящей жизни заключается, прежде всего, в двух вещах: почете и удобствах, – апостол противопоставляет им *труды* и *поношения*. Первое слово означает любые невзгоды и тяготы, например, нищету, холод, наготу, голод, изгнание, лишение имущества, узы, побои и другие виды гонений. Утешение же – «имея упование на Бога живаго» – относится к причине. Ведь мы не так сильно несчастны, когда страдаем ради праведности, скорее подобное страдание дает нам справедливый повод для радости. Добавь к этому, что наши скорби соединены с надеждой на Бога живого, больше того, эта надежда играет здесь как бы роль фундамента. Но она никогда нас не постыжает, и из этого следует, что для благочестивых все должно считаться приобретением.

Который есть Спаситель (Хранитель). Второе утешение, которое, однако, зависит от первого. Ибо избавление, о котором говорит апостол, представляет собой как бы плод надежды. И чтобы это стало еще яснее, надо понять, что довод исходит здесь от меньшего к большему. Ведь имя **σωτήρ** употребляется здесь обобщенно, означая Того, Кто заботится и хранит. Апостол хочет сказать, что благодетельность Божия простирается на всех людей. Но если все смертные чувствуют благодать Божию по отношению к ним и являются ее причастниками, сколь сильнее будут испытывать ее благочестивые,

уповающие на Бога! Разве Бог не заботится о них особо? Разве Он не проявляет к ним значительно большую щедрость? Разве Он не будет хранить их до конца в любом и всяческом отношении?

11. Проповедуй сие и учи. 12. Никто да не пренебрегает юностью твоею; но будь образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте. 13. Доколе не приду, занимайся чтением, наставлением, учением. 14. Не неради о пребывающем в тебе даровании, которое дано тебе по пророчеству с возложением рук священства. 15. О сем заботься, в сем пребывай, дабы успех твой для всех был очевиден. 16. Вникай в себя и в учение; занимайся сим постоянно: ибо, так поступая, и себя спасешь и слушающих тебя.

(11. Заповедуй сие и учи. 12. Никто да не пренебрегает юностью твоею; но будь образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте. 13. Доколе не приду, занимайся чтением, наставлением, учением. 14. Не неради о пребывающем в тебе даровании, которое дано тебе по пророчеству с возложением рук пресвитерства. 15. О сем заботься, в сем пребывай, дабы успех твой во всем был очевиден. 16. Вникай в себя и в учение; пребывай в них: ибо, если будешь так поступать, и себя сохранишь и слушающих тебя.)

11) *Проповедуй (заповедуй) сие.* Апостол хочет сказать следующее: учение это такого рода, что никто не должен от него уставать, даже если слушает его ежедневно. Учить надо и многому другому, но фраза апостола несет в себе демонстративную эмфазу, указывая на то, что речь идет не о чем-то маловажном, что достаточно затронуть однажды и мимоходом, а о том, что достойно ежедневного повторения, поскольку, как бы сильно его ни внушали, все равно будет мало. Итак, благоразумному пастырю подобает размышлять над самым необходимым и усердно в нем упражняться. И не стоит бояться, что подобное занятие надоест. Ведь тот, кто от Бога, охотно выслушает много раз то, что полезно много раз повторить.

12) *Никто да не пренебрегает.* Апостол говорит это, заботясь не только о Тимофее, но и о других. Что касается других, он не хочет, чтобы возраст Тимофея служил помехой тому уважению, которое он заслуживает, если ведет себя, как подобает рабу Христову. Одновременно Павел увещевает Тимофея возместить добропорядочностью нравов то, что недостает его возрасту. Апостол как бы говорит: постарайся добрыми нравами снискать к себе большое уважение, дабы твой юный возраст, обычно вызывающий презрение, ни в чем не умалял твоего авторитета. Отсюда мы узнаем, что Тимофей был еще юн, и однако же весьма выделялся из многих пастырей, и что плохо поступают те, кто измеряет полагающуюся человеку честь числом прожитых им лет.

Далее, апостол тут же говорит о том, в чем состоит благообразное поведение. Не во внешних прикрасах, например, посохе, шерстяной повязке, кольце, паллии и подобного рода глупых и мальчишеских забавах, но в здравости учения и в святости жизни. Говоря же о *слове и житии*, апостол имеет в виду речь, поступки и всю человеческую жизнь.

Следующие слова относятся к разным сторонам благочестивого жития. Таковы *любовь, вера, чистота*. Под духом я понимаю здесь пламенное рвение в делах Божиих. Но не стану возражать и в том случае, если кто-то захочет понять сказанное в более широком смысле. Чистота не только противопоставляется здесь похоти, но и означает чистоплотность всей жизни. Отсюда мы узнаем, сколь глупы и смешны люди, жалующиеся на то, что им не воздается никакой чести, в то время как сами они не имеют ничего достойного похвалы и скорее вызывают презрение к себе собственным невежеством, нечистым образом жизни, легковесностью и тому подобным. Ибо единственный путь снискать уважение к себе – защищаться от презрения с помощью выдающихся добродетелей.

13) *Доколе не приду*. Апостол уже знал о прилежании Тимофея, и все же рекомендует ему постоянное чтение Писания. Ибо чему будут учить пастыри других, если не будут усердствовать в обучении самих себя? Если же даже такого мужа увещевают ежедневно преуспевать в самообучении, то сколь уместнее подобное увещевание для нас? Итак, горе лености тех, кто не перечитывает день и ночь изречения Духа, дабы научиться с их помощью правильно исполнять свое служение. И временной контекст делает сказанное еще весомее. Ибо Павел, надеясь вскорости придти, все же не хотел, чтобы Тимофей пребывал в праздности даже малое время. Но тогда, сколь же большее прилежание подобает проявлять нам в течение всей жизни!

Впрочем, дабы не думали, будто достаточно только праздного чтения, апостол, заповедуя заниматься наставлением и учением, одновременно показывает, что прочитанное надо применять на деле. Он как бы заповедует Тимофею учиться тому, что сам он собирается возвестить другим. Здесь также следует отметить порядок слов: *учению и наставлению* апостол предпосылает *чтение*. Действительно, Писание есть источник всяческой мудрости, откуда пастыри должны черпать все, проповедуемое их стаду.

14) *О пребывающем в тебе даровании*. Павел увещевает Тимофея употреблять полученную им благодать для назидания Церкви. Ибо Господь не хочет, чтобы таланты, которые Он дал каждому для принесения прибыли, погибали или без пользы зарывались в землю.

Нерадеть о даре означает пренебрежительно заглушать его своей бездеятельностью. Значит, каждый из нас должен размышлять о мере своих способностей, чтобы усердно применять их на деле. Апостол говорит, что благодать *дана* Тимофею по *пророчеству*. И каким же образом? Таким, что Святой Дух (как было сказано ранее) через Собственное откровение предназначил Тимофея к принятию в чин пастырей. Ибо он был поставлен не только по обычному человеческому избранию. Этому избранию предшествовало прямое поставление от Духа.

Апостол говорит, что благодать дана Тимофею с *возложением рук*. Этим он хочет сказать, что вместе со служением Тимофей был также наделен необходимыми дарованиями. У апостолов имелся торжественный и общепринятый среди них обычай поставлять служителей через возложение рук. Об этом обряде, его происхождении и значении я кое-что сказал выше. Все остальное можно прочесть в моих «Наставлениях».

На мой взгляд, правильно думают те, кто понимает слово *пресвитерство* в собирательном смысле, как означающее собрание пресвитеров. Хотя, взвесив все обстоятельства, должен признать, что здесь вполне подходит и другой смысл, то есть пресвитерство является названием служения.

Говоря об обряде, апостол имеет в виду сам акт поставления. Поэтому смысл таков: Тимофей, будучи зачислен на служение по пророческому слову и затем поставлен на него путем торжественного обряда, одновременно был наделен благодатью Святого Духа для должного исполнения своих обязанностей. Отсюда мы выводим: речь здесь идет не о каком-то пустом обряде, поскольку посвящение, изображаемое людьми путем возложения рук, Бог совершает действием Собственного Духа.

15) *О сем заботься*. Чем больше трудностей возникает в управлении Церковью, тем более настойчивым должен быть пастырь и тем большие должен прилагать усилия. Причем, не только какое-то короткое время, но постоянно и всегда. Поэтому Павел увещевает и говорит, что больше не остается времени для нерешительности и промедления, но требуются наивысшее усердие и постоянство. Добавляя же «дабы успех твой во всем был очевиден», апостол хочет сказать следующее: Тимофею следует трудиться над тем, чтобы его служением Церковь назидалась все больше и больше, и его работа приносила достойные плоды. А это – дело не одного лишь дня, поэтому и надо усердствовать в

ежедневном преуспевании. Другие относят слова о преуспевании к личности самого Тимофея. Но я предпочитаю относить их к результату его служения.

Слова «во всем» можно понимать как в мужском, так и в среднем роде. Таким образом, смысл будет двояким: или: чтобы все думали о том, какую пользу приносит их труд, или же: чтобы люди преуспевали во всех сторонах жизни и всеми возможными способами. И этот последний смысл подходит контексту больше.

16) *Вникай в себя.* Доброму пастырю надо заботиться о двух вещах. О том, чтобы постоянно заниматься учением, и о том, чтобы сохранять себя в чистоте. Ибо недостаточно добропорядочно проводить жизнь и остерегаться подавать плохой пример, если к святой жизни не добавляется постоянное усердие в учении. Также не многого будет стоить учение, если ему не соответствуют добропорядочность и святость жизни. Итак, Павел обоснованно поощряет Тимофея как вникать в себя лично, так и заниматься учением на пользу всей Церкви. Апостол снова заповедует Тимофею постоянство, чтобы он никогда не уставал. Ибо в жизни происходит много такого, что способно сбить с правильного пути тех, кто нетвердо стоит на ногах и не готов этому противиться.

Так поступая (если будешь так поступать). Немалый стимул, побуждающий пастырей к попечению о Церкви, возникает тогда, когда они слышат, что их собственное спасение и спасение их людей состоит в трудолюбивом и стойком осуществлении вверенного им служения. Поскольку же правильно назидующее учение внешне обычно не выглядит столь уж ярким, Павел учит тому, на что именно полезно обращать внимание. Он как бы говорит: пусть жаждущих славы людей пасет их собственное тщеславие, пусть они будут в восторге от собственной утонченности. Тебе же достаточно заботиться о своем спасении и спасении твоего народа. И это увещание относится ко всей Церкви, дабы простота, животворящая души и лелеющая их благополучие, не вызвала у нас отвращения.

Не должно казаться глупым и то, что апостол приписывает Тимофею роль в спасении Церкви. Ведь приобретаемое для Бога становится спасенным. Но через проповедь Евангелия нас привлекают ко Христу. И подобно тому, как неверность пастыря или небрежение Церковью ведет к гибели, так вера и прилежание заслуженно считаются причиной спасения. Конечно, спасает один лишь Бог, славу Которого даже в самой малой степени не подобает приписывать людям. Но слава Божия ни в чем не умаляется, если Бог в деле спасения пользуется человеческим трудом. Итак, наше спасение – благодеяние одного лишь Бога, поскольку происходит только от Него и совершается только Его силой. Поэтому приписывать спасение следует только Ему. Однако все это не исключает человеческое служение и не мешает тому, чтобы было спасительным правление, от которого, как учит Павел в Еф.4:11, зависит целостность Церкви. Больше того, даже это правление есть целиком божественное дело. Ибо Сам Бог и поставляет добрых пастырей, и руководит ими Своим Духом, и благословляет их труд, дабы он не оказался напрасным. И если добрый пастырь приносит спасение своим слушателям, то злые и ленивые пастыри должны знать, что именно им будет вменяться гибель находящихся в их подчинении людей. Ибо, как в спасении стада заключается венец доброго пастыря, так и за каждого погибшего будет спрошено с пастырем ленивых. И говорится, что пастырь хранит кого-то, если он, добросовестно исполняя вверенное ему служение, отвечает своему призванию. Причем, не только потому, что избегает тем самым страшного мщения Божия (которым Господь грозит через пророка Иезекииля, 33:8), но и потому, что верующим привычно, продолжая идти спасительным путем, тем самым совершать свое спасение. Об этом выражении мы уже говорили в толковании на вторую главу Послания к Филиппийцам, ст.12.

Глава 5

1. Старца не укоряй, но увещивай, как отца; младших, как братьев; 2. стариц, как матерей; молодых, как сестер, со всякою чистотою. 3. Вдовиц почитай, истинных

вдовиц. 4. Если же какая вдовица имеет детей или внучат, то они прежде пусть учатся почитать свою семью и воздавать должное родителям, ибо сие угодно Богу.

(1. Старца не укоряй жестко, но увещевай, как отца; младших, как братьев; 2. женщин старших по возрасту, как матерей; молодых, как сестер, со всякою чистотою. 3. Вдовиц почитай, тех, которые истинные вдовицы. 4. Если же какая вдовица имеет детей или внучат, то они прежде пусть учатся выказывать благочестие к своему дому и воздавать должное родителям, ибо сие хорошо и угодно Богу.)

1) *Старца не укоряй.* Апостол рекомендует Тимофею мягкость и умеренность в деле исправления чужих пороков. Исправление – это врачевство, всегда содержащее в себе нечто горькое, и поэтому неприятное. Кроме того, поскольку Тимофей был молод, его суровость была бы нетерпима, если бы он ее не умерял. Итак, апостол заповедует Тимофею упрекать старших по возрасту как родителей. И даже выражается еще мягче, используя слово «увещевай». Ведь, если мы предстаем перед взором отца или матери, то обязательно проникаемся к ним уважением. Поэтому жесткий напор уступает здесь место скромности.

Но надо отметить: апостол велит потакать старцам или щадить их не настолько, чтобы они безнаказанно и без всякого порицания грешили. Он только хочет, чтобы их возрасту воздавали определенную честь, дабы они с большим спокойствием позволяли себя увещевать. Больше того, апостол хочет, чтобы умеренность, пусть и не в той же степени, выказывалась и по отношению к младшему возрасту. Ибо к уксусу всегда следует примешивать масло. Но разница в том, что к старшим надо проявлять уважение, а к равным относиться с братской кротостью. Отсюда пастыри узнают: надо принимать в расчет не только цель своего служения, но и то, что подходит возрасту того или иного человека. Ибо один и тот же метод не следует применять ко всем. Итак, пусть им постоянно приходит на ум следующая мысль: если даже актеры играют на сцене с соблюдением приличий, то и пастырям, занимающим столь высокое положение, не следует ими пренебрегать.

Фраза «со всякою чистотою» относится к младшему возрасту. Ибо, имея дело с этим возрастом, надо всегда опасаться впасть в подозрение. Апостол запрещает Тимофею не похоть и не распутство с молодежью (ведь подобное запрещение было бы совершенно излишним), но заповедует остерегаться давать злым людям повод для злословия. И чтобы не давать этот повод, Павел требует выказывать чистое и основательное поведение, проявляющееся на всяком собрании и во всяком разговоре, дабы Тимофей общался с молодыми свободно, не возбуждая кривотолков.

3) *Вдовиц почитай.* Под почитанием апостол имеет в виду не какое угодно уважение, а особую заботу, возложенную в древней Церкви на епископов. Ибо вдовы находились тогда под покровительством Церкви и кормились за общественный счет. Итак, эта фраза означает то же, как если бы Павел сказал: выбирая вдов, которых ты опекал бы вместе с дьяконами, принимай во внимание следующее: они должны быть *истинными* вдовами. Вскоре мы подробнее рассмотрим вопрос о том, каким было положение этих вдов. Теперь же отметим причину, по которой Павел принимает только одиноких вдов, не имеющих детей. Они посвящали себя Церкви с тем условием, что отрекутся от какой-либо заботы о семье и отбросят все мешающее их служению. Поэтому Павел обоснованно запрещает принимать в число вдов семейных матерей, связанных совершенно другими обязанностями. Говоря же об истинных вдовах, апостол намекает на их греческое название, производимое *ἀπὸ τοῦ χηροῦσθαι*, от глагола, означающего лишаться чего-либо или быть оставленным.

4) *Если же какая вдовица.* Это место толкуется по-разному. Отсюда рождается двусмысленность, состоящая в том, что последующее слово можно отнести как к самим вдовам, так и к их детям. И этому не препятствует то, что глагол «научатся» стоит во

множественном числе, в то время как Павел говорил о вдове в числе единственном. Ведь для неопределенной формы речи вполне привычно изменение числа, если рассматривается род в целом, а не каждый его вид в отдельности.

Те, кто относит сказанное к вдовам, думают, что смысл следующий: пусть они, благочестиво управляя своей семьей, научатся воспитывать младших так же благотворительно, как их воспитывали собственные родители. Таково мнение Златоуста и некоторых других толкователей. Остальным же кажется, что проще отнести сказанное к детям и внукам. На их взгляд, апостол учит, что мать или бабушка должны стать для них теми людьми, на которых они могли бы упражняться в благочестии. Ведь нет ничего естественнее *ἀντιπελαργία*, и Церковь поступала бы весьма несправедливо, если бы ей мешала.

До сих пор я говорил о том, что думают другие, но хочу, чтобы читатели также размыслили над тем, не лучше ли согласовать сказанное иначе, а именно: пусть они *научатся*⁷ благочестиво вести себя дома. Апостол как бы говорит: если вдовы благочестиво служат своим ближним дома, это для них — весьма полезное начальное упражнение, приучающее их почитать Бога. Ибо природа заповедует нам чтить родителей в согласии с Богом, дабы это вторичное почитание приводило нас к главному и первичному. Поскольку же Павел видел, как под предлогом религии нарушаются даже природные человеческие права, он, с целью исправления этого порока, велит вдовам упражняться в богопочитании через прохождение начальной семейной школы.

Далее, глагол *εὐσεβεῖν* почти все понимают в активном смысле, поскольку за ним следует винительный падеж. Но можно вполне обоснованно сказать, что грекам вполне привычно подразумевать предлоги, не используя их прямо. Поэтому к контексту будет хорошо подходить и другое толкование:⁸ они должны упражнять себя в богопочитании, развивая в себе благочестие по отношению к людям, дабы религиозность их не была глупой и вздорной и не лишала их человеческого здравомыслия. Кроме того, воспитание собственных детей также приучает вдов воздавать должное своим родителям.

Ибо сие угодно Богу. Все признают, что проявлять к родителям неблагодарность воистину чудовищно. Это диктует нам естественный здравый смысл. Убеждение в том, что долг благочестия во вторую очередь обязывает нас по отношению к родителям, с рождения присуще не только людям, об этом говорит даже поведение аистов. Отсюда и произошло слово *ἀντιπελαργία*. Но Павел, не довольствуясь простым фактом, указывает здесь на прямое божественное установление и как бы говорит: что бы ни думали об этом люди, все равно Бог постановил именно так.

5. Истинная вдовица и одинокая надеется на Бога и пребывает в молениях и молитвах день и ночь; 6. а сластолюбивая заживо умерла. 7. И сие внушай им, чтобы были беспорочны. 8. Если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного.

(5. Далее, истинная вдовица и одинокая надеется на Бога и пребывает в молениях и молитвах день и ночь; 6. а та, которая живет в наслаждениях, заживо умерла. 7. И сие заповедуй им, чтобы были безупречны. 8. Если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного.)

5) Истинная вдовица и одинокая (далее, истинная вдовица и одинокая). Теперь апостол выражается еще яснее: он учит, что истинными являются только те вдовы, которые одиноки и не имеют семьи. Такие вдовы, по его словам, *надеются на Бога*. Но не в том

⁷ Этот перевод: пусть они научатся благочестиво вести себя дома. Ибо *μανθάνειν* имеет два смысла: учить и обучаться.

⁸ Пусть матроны научат детей и внуков выказывать благочестивое отношение к семье и воздавать должное старшим.

смысле, что так поступают все вдовицы или только они одни. Можно увидеть многих одиноких лишенных родственников вдовиц, которые, тем не менее, отличаются гордыней и наглостью, будучи нечестивыми и в душе, и в жизни. С другой стороны, и некоторым знатым лишенным родственников людям их благородство не мешало надеяться на Бога. Такими были Иов, Иаков и Давид. Иначе *πολυτεκνία*, которую Писание везде причисляет к великим благословениям Божиим, на деле оказалась бы проклятием. Но Павел говорит в этом месте, что вдовы надеются на Бога, в том же смысле, в каком он пишет в Первом Послании к Коринфянам (7:32), что безбрачные заботятся лишь о том, как бы угодить Богу, поскольку не разделены подобно людям, вступившим в брак. Итак, смысл здесь следующий: таких людей ничто не отвлекает от того, чтобы взирать на одного лишь Бога, поскольку в мире они не находят ничего, на что могли бы опереться. И это соображение сильно возвышает вдовиц. Поэтому там, где бессильны человеческие богатства и иные средства, обязанность Церкви – протягивать руку помощи, коль скоро одиночество и беспомощность вдовы требует пастырского попечения.

Пребывает в молениях и молитвах. Второе похвальное для вдовиц соображение. Они постоянно пребывают в молитвах. Отсюда следует, что их надо поддерживать и кормить за счет Церкви. Между тем, с помощью этих двух признаков апостол различает между достойными и недостойными вдовами. Его слова означают то же, как если бы он заповедал принимать только тех, кто, не ожидая помощи от людей, зависит от одного лишь Бога и, отложив иные попечения и заботы, целиком предается молитвам. В противном случае вдовы не будут соответствовать своему статусу. Подобное постоянство в молитвах требует свободы от каких-либо других занятий. Ибо люди, занятые управлением семьи, имеют не так много свободного времени. Всем нам заповедуется постоянно молиться, но надо учитывать, что именно позволяет положение каждого конкретного человека. Ведь для молитвы требуется уединение и свобода от всего прочего.

И то, что Павел хвалит во вдовицах, если следовать рассказу Луки, было присуще Анне, дочери Фануила. Но не всем подходит одно и то же, поскольку образ жизни у каждого свой. Вскоре появятся глупые женщины, скорее похожие на передразнивающих обезьян, нежели на истинных подражателей Анны, которые будут сновать вокруг алтарей, весь день что-то шепча и бормоча себе под нос. Они будут думать, что под этим предлогом избавлены от всяких домашних забот. И наоборот, дома, если хоть что-то их не устроит, они будут поднимать жуткий вопль и будоражить всю семью, порой прибегая к прямому рукоприкладству. Итак, будем помнить: вдовам и одиноким не без причины приписывается как нечто для них характерное постоянное пребывание в молитвах. Ведь эти вдовы избавлены от многих забот, мешающих делать то же самое семейным женщинам.

Но этот отрывок ничем не поможет монахам и монашкам, торгующим своим нашептыванием и завыванием, и едящим хлеб задаром. Такими некогда были евхиты или псаллиане. Так вот, монахи и папские священники ничем не отличаются от этих евхитов. Они разнятся разве что в том, что последние, усердно молясь, одних себя считали благочестивыми и святыми, а первые, проявляя меньшее усердие, воображают, что освящают не только себя, но и других. Так вот, Павел не имел в виду ничего подобного. Он только хотел сказать, насколько больше времени для молитвы у тех, кто не отвлекается ничем внешним.

б) *А сластолюбивая (а та, которая живет в наслаждениях).* Прежде рассказав о том, какими должны быть истинные вдовицы, апостол противопоставляет им теперь ложных вдовиц, достойных всяческого отвержения. Причастие, которым он пользуется, *σπαταλῶσα*, означает женщину, потакающую себе во всем, изнеженную и живущую в роскоши. Поэтому, на мой взгляд, Павел имеет в виду женщин, злоупотреблявших своим вдовством для того, чтобы, избавившись от ярма супружества и от всяческой заботы, проводить жизнь в удовольствиях и праздности.

Как нам известно, многие вдовицы в стремлении к свободе и удобствам идут на все что угодно. И таких Павел объявляет мертвыми еще при жизни. Некоторые относят эти слова к неверию. Но я не согласен с таким мнением. На мой взгляд, мертвой более уместно называть ту женщину, которая бесполезна и совершенно никчемна. Ведь зачем еще мы живем, если не для того, чтобы приносить пользу своими делами? И какая эмфаза падает здесь на слово «заживо»! Ведь люди, стремящиеся к праздности и удобствам, обычно говорят, что надо не жить, а пользоваться жизнью. Поэтому смысл следующий: если эти женщины кажутся себе счастливыми, следуя желаниям своей души, и считают жизнью только наслаждение покоем, то я, напротив, объявляю их мертвыми. Но коль скоро такое толкование, возможно, было бы слишком утонченным, я хочу лишь коротко о нем упомянуть, не утверждая ничего категорично. И все же не подлежит сомнению, что Павел осуждает здесь праздность, и называет мертвыми тех, кто никому не приносит пользы.

7) *И сие внушай (заповедуй)*. Павел хочет сказать, что предписывает правила жизни не только Тимофею. Увещевать надо и упомянутых им женщин, избавляя их от вышеназванных пороков. Ибо пастырь должен противостоять не только превратным делам и тщеславию тех, кто уже ведет себя неразумно, но и, по мере своих сил, упреждать возможную опасность своевременным поучением. Принятие одних лишь достойных вдовиц кажется основательным и благовидным, но между тем надо было объяснить, почему не принимаются другие. Больше того, Церковь надо было заранее предупредить об опасности, дабы она не допускала недостойных и не позволяла им навязываться.

Впрочем, это положение своего учения Павел возвышает, также ссылаясь на его пользу. Он как бы говорит: сказанным нельзя пренебрегать, как чем-то обыденным, поскольку в этом состоит суть правильной и совершенной жизни. В школе же Божией прежде всего следует учиться размышлению о святости и целомудрии. Кроме того, нравственное учение сравнивается здесь с утонченными умствованиями, от которых в жизни нет никакой пользы. Так что, здесь применимо высказывание: всякое писание полезно, дабы человек Божий стал совершенным, и т.д.

8) *Если же кто*. Эразм перевел слово «кто» в женском роде. Мне же больше по душе видеть здесь общее положение. Ибо для Павла вполне привычно, даже рассматривая какой-нибудь частный случай, строить доказательство на общих принципах, как и, наоборот, выводить общее учение из частных положений. Действительно, сказанное станет еще весомее, если отнести его как к мужчинам, так и к женщинам. Апостол говорит, что все, не пекущиеся о своих, и в особенности о домашних, *отреклись от веры*, и говорит вполне справедливо. Нет никакого благочестия по отношению к Богу там, где до такой степени отсутствуют человеческие чувства. Разве вера, превращающая нас в детей Божиих, может сделать нас хуже бессловесных скотов? Конечно, нет. Поэтому, подобная бесчеловечность представляет собой открытое презрение к Богу и отречение от веры.

И Павел, не довольствуясь даже этим, еще больше усиливает тяжесть преступления, говоря, что забывающий о своих *хуже неверного*. А это истинно по двум причинам. Первая: чем больше кто-то преуспевает в познании Бога, тем меньше имеет оправдания. Значит, люди, слепнувшие при ярком божественном свете, хуже самих неверующих. Вторая причина состоит в том, подобное служение проистекает из внушения самой природы. В нем и состоят широко известные *στοργαὶ φυσικαί*. Но если под водительством природы неверующие охотно склоняются к тому, чтобы любить своих, что же надо думать о тех, кого никак не затрагивают подобные чувства? Неужели они не превосходят в дикости самих нечестивых? Если же кто-то возразит, что неверующие родители часто сами бывают жестоки и озверелы, ответить на это весьма просто: Павел говорит здесь только о тех родителях, которые, по внушению и учению природы, заботятся о своем потомстве. Ибо того, кто лишен подобной добропорядочности, воистину следует считать чудовищем.

Но спрашивается: почему апостол ставит домашних впереди детей? Отвечаю: указывая на *своих и особенно на домашних*, апостол в обоих случаях имеет в виду детей и внуков. Ведь, какими бы свободными ни становились дети по отношению к родителям, или переходя в другую семью путем заключения брака, или иным каким-либо образом покидая родительский дом, природное право никогда не упраздняется настолько, чтобы старшие по возрасту не должны были управлять своими детьми, как вверенными им от Бога, или, по крайней мере, оказывать им посильную помощь. В отношении же домашних детей обязанности еще строже. О них родители должны заботиться вдвойне, как потому, что они одной с ними крови, так и потому, что эти дети – часть семьи, находящейся под их управлением.

9. Вдовица должна быть избираема не менее, как шестидесятилетняя, бывшая женою одного мужа, 10. известная по добрым делам, если она воспитала детей, принимала странников, умывала ноги святым, помогала бедствующим и была усердна ко всякому доброму делу. 11. Молодых же вдовиц не принимай, ибо они, впадая в роскошь в противность Христу, желают вступить в брак. 12. Они подлежат осуждению, потому что отвергли прежнюю веру; 13. притом же они, будучи праздны, приучаются ходить по домам и бывают не только праздны, но и болтливы, любопытны, и говорят, чего не должно.

(9. Вдовица должна быть избираема не менее, как шестидесятилетняя, бывшая женою одного мужа, 10. имеющая свидетельство в добрых делах, если она воспитала детей, если была странноприимна, если умывала ноги святым, если помогала бедствующим, если была усердна во всяком добром деле. 11. Молодых же вдовиц отвергай, ибо они, начав роскошествовать в противность Христу, желают вступить в брак, 12. имея осуждение за то, что отвергли первую веру; 13. притом же они, будучи праздны, приучаются ходить по домам и бывают не только праздны, но и болтливы, любопытны, и говорят, чего не должно.)

9) Вдовица должна быть избираема. Апостол снова говорит о том, каких вдовиц надо принимать под опеку Церкви, и говорит еще яснее, чем прежде. Во-первых, он обозначает возраст вдовицы: *шестьдесят лет*. Поскольку вдовицы кормились за общественный счет, им подобало быть весьма старыми. Кроме того, для этого имела и другая, более веская причина. Вдовицы посвящали себя служению Церкви. А это было бы совершенно нетерпимо, если бы они были еще пригодны к браку. Ибо вдовицы принимались с тем условием, чтобы Церковь помогала им в нужде, и чтобы они, в свою очередь, заботились о бедных, насколько позволяет их здоровье. Таким образом, между ними и Церковью имелись взаимные обязательства. Но было бы несправедливо, если бы крепкие, еще находящиеся в дееспособном возрасте вдовицы обременяли других попечением о себе. Кроме того, следовало опасаться, как бы, изменив свое намерение, вдовицы ни возжелали заново вступить в брак. Вот две причины, по которым апостол хочет принимать только достигших шестидесяти лет. Действительно, если женщина достигнет шестидесяти, уже не будет опасности, что она снова захочет брачного союза. Особенно, если всю предыдущую жизнь у нее был только один муж. Ведь то, что женщина доживает до такого возраста, довольствуясь единственным мужем, представляет из себя некий залог воздержания и стыдливости. Но не потому, что апостол осуждает повторный брак или клеймит позором дважды женатых. Наоборот, он скорее увещевает молодых вдовиц выходить замуж и обеспокоен тем, чтобы не связывать необходимостью безбрачия имеющих нужду в муже. Однако на эту тему мы вскоре поговорим подробнее.

10) По добрым делам (в добрых делах). Перечисляемые качества частично относятся к добропорядочности, а частично – к возложенному на вдовиц служению. Нет сомнения, что коллегии вдовиц считались уважаемыми и пользовались большим почетом. Поэтому Павел желает, чтобы туда принимали только тех, кто хорошо зарекомендовал себя предыдущей жизнью. Ибо вдовицы предназначались не для праздности и лени. Они

должны были помогать бедным и нуждающимся до той поры, когда они, утратив последние силы, уйдут на заслуженную пенсию. Поэтому, дабы вдовицы стали пригодны для своего служения, апостол хочет, чтобы они путем долгого опыта упражнялись в исполнении всех полагающихся обязанностей. А такими обязанностями являются труд, усердное воспитание детей, гостеприимство, вспоможения бедным и прочие дела благотворительности.

Если же кто-то спросит: отвергаются ли на этом основании все бездетные, никогда не кормившие своих отпрысков вдовицы, ответ будет следующим: Павел осуждает здесь не бездетность, а роскошество матерей, которые, отказываясь терпеть тяготы воспитания потомства, показывают этим, что они будут не столь уж обходительны и в отношении чужих. Одновременно апостол говорит о великой награде, положенной благочестивым, не жалеющим себя матронам. Она состоит в том, что Церковь будет, в свою очередь, ухаживать за ними и примет их престарелый возраст под собственную опеку.

Под умыванием ног апостол, используя синекдоху, понимает все служения, которыми обычно чествуются святые. Ибо в те времена имелся обычай омовения ног. Это служение, на первый взгляд, могло бы показаться грязным и почти что рабским. Поэтому оно в некотором смысле служит признаком, характеризующим усердных, а не изнеженных и утонченных женщин. Следующая фраза апостола относится к щедрости. И то же самое, но только более обобщенно, Павел повторит в конце, говоря: если будет усердна *во всяком добром деле*. Ведь нет сомнения, что здесь речь идет именно о благотворительности.

11) *Молодых же вдовиц не принимай (отвергай)*. Апостол не велит отлучать их от Церкви или подвергать публичному позору. Он лишь отрицает, что такие вдовицы имеют основание претендовать на упомянутую честь. Если же Дух Божий возвещает устами Павла, что никакая женщина моложе шестидесяти лет не достойна подобной чести, поскольку в этом возрасте безбрачие сопряжено с великой опасностью, то какая дерзость – налагать на молодых девиц, переживающих самую горячую и цветущую пору своей жизни, закон вечного celibата! Повторяю, Павел допускает безбрачие только в престарелом возрасте, не сопряженном с какой-либо опасностью невоздержания. Но обычай постригать в монашество сначала распространился на сорокалетних, а потом и на тридцатилетних женщин. И, в конце концов, стали постригать всех, не обращая никакого внимания на возраст. Нам возражают, говоря, что девицам, никогда не жившим с мужем, воздерживаться много легче, чем вдовам. Но это возражение не сможет устранить опасности, которой здесь остерегается и заповедует остерегаться Павел. Итак, необдуманно и даже жестоко набрасывать петлю на слабых девочек, которым еще предстоит достигнуть зрелого, пригодного к супружеству возраста.

Ибо они, впадая в роскошь (начав роскошествовать). Апостол называет роскошествующими в противность Христу женщин, забывших о том, к чему они были призваны, и живущих много вольготнее положенного. Они были должны нести на себе бремя скромности, как это прилично добропорядочным матронам. Поэтому их более изнеженный и свободный образ жизни – как бы распутство вопреки Христу, Которому они поклялись верно служить. И поскольку Павел уже видел подобные примеры, он прибегает к общему врачевству и говорит, что не надо принимать ту женщину, в которой возраст еще может разжечь желание выйти замуж.

Какие чудовищные примеры порождает сегодня в папстве навязанное монахиням безбрачие! В какие затворы еще не вторглась всепроникающая похоть! Поэтому, если вначале паписты и были весьма благодушны, все равно, наученные столь многочисленными и жуткими примерами, они должны были, в конце концов, послушаться совета Павла. Однако они не только этого не делают, но и день ото дня вызывают все больший гнев Божий собственным упорством. Я говорю не только о монахинях – к постоянному безбрачию принуждают также священников и монахов. Между тем, в них

часто кипят гнусные похоти, так что едва ли каждый десятый из них живет в целомудрии и чистоте. В монастырях же повсеместный блуд считается наименьшим из грехов. Если бы паписты согласились прислушаться к Богу, говорящему устами Павла, они тут же прибегли бы к указанному им врачевству. Однако гордыня их такова, что они яростно преследуют тех, кто отговаривает их от этой порочной практики.

Другие толкователи соединяют фразу «в противность Христу» со словами «вступать в брак». И хотя это не так уж сильно изменяет мысль апостола, все же первый перевод представляется более вероятным.

12) *Подлежат осуждению (имея осуждение)*. Кое-кто толкует фразу «иметь осуждение» как «заслуживать упрека». Но я понимаю ее в более жестком смысле. Павел пугает таких женщин осуждением на вечную смерть. Он как бы упрекает их за то, что принадлежность к великому сословию вдовиц, обязанному быть ко Христу ближе всех прочих, послужило им поводом для осуждения. И приводит причину, говоря, что такие женщины отпали от крещальной веры и самого христианства. Знаю, что другие понимают сказанное иначе, а именно: выходя замуж, подобные вдовицы изменяют данной Церкви клятве, в которой прежде обещали ей оставаться безбрачными до самой смерти. Но это звучит очень холодно. Кроме того, почему апостол говорит тогда о *первой вере*? Скорее, Павел обрушивается на таких вдовиц еще яростнее и еще больше усиливает тяжесть содеянного ими зла, говоря, что, отпав от предыдущего состояния, они не только покрыли позором Христа и Церковь, но и отвергли нечестивым отпадением даже первую свою веру. Ибо часто случается, что тот, кто однажды переступил границы приличия, начинает без всякого стеснения кидаться в любое бесстыдство.

Подобных вдовиц оскорбляет, что благочестивые гнушаются их похотливости или, по крайней мере, упрекают их за нее. И это служит им поводом становиться еще наглее и распутнее, доколе они не отвергнутся самого христианства. И такое усиление смысла вполне подходит контексту. Разве есть что-то более глупое, чем, желая помочь отдельным людям, открывать при этом двери отречению от Христа?

Попытка же папистов обосновать этим отрывком обет вечного безбрачия – весьма нелепа. Пусть мы согласимся с тем, что подобный обет обычно давался прямо и четко. Все равно, что это им дает? Во-первых, надо принять во внимание цель обета. Вдовицы обещали быть безбрачными не для того, чтобы вести более святую жизнь, чем ведут в браке, но по той причине, что они не могли служить одновременно и Церкви, и своим мужьям. В папстве же обет воздержания дается так, словно он сам по себе – угодная Богу добродетель. Кроме того, в те времена женщины отказывались от свободы выходить замуж только тогда, когда уже переставали быть способными к браку. Для этого им надлежало быть, как минимум, шестидесятилетними. Причем, довольствуясь в своей прошлой жизни только одним браком, они должны были показать образец чистоты и целомудрия еще до принесения обета безбрачия. Сегодня же у папистов обеты даются так, чтобы люди прежде времени или, находясь еще в цветущем возрасте, отказывались от супружества. И подобный тиранический закон о целибате мы отвергаем, прежде всего, по двум причинам. Во-первых, паписты воображают, что целибат – некая имеющая заслугу перед Богом разновидность культа. Во-вторых, необдуманно обетами они толкают души в окончательную погибель. Ни того, ни другого не было в древнем установлении. Вдовицы не давали прямой обет воздержания так, словно супружеская жизнь была бы менее угодна Богу. Эти женщины избавляли себя на всю жизнь от супружеских уз лишь постольку, поскольку этого требовало служение, на которое они избирались. Они лишали себя свободы выходить замуж только в том возрасте, когда даже для самых свободных женщин делать это было бы глупым или несвоевременным. Кроме того, эти вдовицы настолько же отличаются от монахинь, насколько пророчица Анна отличалась от весталки Клавдии.

13) *Будучи праздно.* Нет ничего, что так подходило бы женщинам, как бдительная охрана собственного дома. Поэтому у древних образом добропорядочной и испытанной матери семейства служила черепаха. Однако многие женщины страдали от порока, противоположного этой добродетели. Ведь, с другой стороны, нет ничего, что доставляло бы им такое наслаждение, какое доставляет свобода сновать туда-сюда, особенно когда в случае отсутствия семьи у них нет никаких домашних дел. Добавь к этому, что для этих вдовиц, под предлогом их почетного состоящего в мнимом общественном служении положения, легко открывался доступ куда угодно. И они, обретя подобное преимущество, злоупотребляли благодеянием Церкви с целью проведения праздной жизни. Кроме того, (как обычно бывает) из праздности рождалось *любопытство*, являющееся матерью *болтливости*. Так что истинно говорил Гораций: избегай любопытного. А любопытный то же самое, что и болтун⁹. Ибо (согласно Плутарху) любопытные справедливо лишены всякого доверия, поскольку, как только что-нибудь узнают, не успокаиваются до тех пор, пока не наболтают кучу вздора. Особенно часто это случается с женщинами, которые по природе своей склонны к говорливости и не могут хранить никакой тайны. Поэтому Павел обоснованно соединяет вместе три качества: праздность, любопытство и болтливость.

14. Итак я желаю, чтобы молодые вдовы вступали в брак, рождали детей, управляли домом и не подавали противнику никакого повода к злоречию; 15. ибо некоторые уже соvertedись вслед сатаны. 16. Если какой верный или верная имеет вдов, то должны их довольствовать и не обременять Церкви, чтобы она могла довольствовать истинных вдов.

(14. Итак я желаю, чтобы молодые вступали в брак, рождали детей, управляли домом и не подавали противнику никакого повода к злоречию; 15. ибо некоторые уже соvertedись вслед сатаны. 16. Если какой верный или верная имеет вдов, то должны их довольствовать, и пусть не обременяется Церковь, чтобы она могла довольствовать истинных вдов.)

14) *Итак я желаю, чтобы молодые.* Насмешники издеваются над этой заповедью апостола. Как будто (говорят они) широко известная похоть вдов нуждается в том, чтобы ее прищипывать! Кто не знает, что почти все вдовы выходят замуж весьма охотно? Суеверные же люди сочли бы, что подобное потворство браку недостойно апостола Христова. Но, тщательно все взвесив, здравомыслящие люди признают, что Павел учит здесь только самому необходимому и спасительному. Ведь вдовство многим дает возможность вести себя распушеннее и наглее. С другой стороны, время от времени появляются лицемерные лжецы, заключающие святость в безбрачии, словно оно — ангельское совершенство. Брак же они или полностью осуждают, или принижают, как отдающий плотской скверной. И лишь немногие мужчины и женщины думают о том, в чем состоит их призвание. Действительно, какой мужчина добровольно возьмет на себя бремя управлять женою? Ведь это дело сопряжено со многими тяготами. Да и сама женщина, охотно ли подчиняется власти мужа? Поэтому Павел, повелевая молодым вдовам выходить замуж, не призывает их к брачному веселию, и, заповедуя рожать детей, не учит потакать своей похоти. Но, принимая во внимание немощь их пола и ветреность их возраста, апостол призывает их к целомудренному браку и одновременно к тому, чтобы возложить на себя бремя супружеской жизни. И это он делает, прежде всего, для того, чтобы таким женщинам не показалось оскорбительным их исключение из сословия вдов. Апостол хочет сказать, что их жизнь в качестве домохозяек будет не менее угодной Богу, чем была бы, если бы они оставались вдовами. Действительно, Бог не озабочен мнениями суеверов и больше всего остального ценит послушание, при котором мы скорее повинемся Его призыванию, нежели следуем желаниям собственной души. И, услышав подобное утешение, у вдовиц нет повода жаловаться на то, что им причиняется

несправедливость, или горевать от того, что их лишают определенных почестей. Они слышат, что и в брачной жизни будут не менее угодны Богу, как повинующиеся Его призыванию.

Говоря же о *рождении детей*, апостол имеет в виду все тяготы, которые надо перенести, воспитывая свое потомство, подобно тому, как под управлением дома он подразумевает все относящиеся к домашнему хозяйству дела.

И не подавали никакого повода. Муж служит как бы прикрытием для своей жены. Поэтому на не имеющих мужей вдов часто падает множество превратных подозрений. Но зачем же без какой-либо нужды давать врагам Евангелия повод для клеветы? Однако вдове, находящейся в цветущем возрасте, весьма трудно вести себя настолько осмотрительно, чтобы всякая клевета злых казалась другим совершенно неправдоподобной. Поэтому, если вдовы хотят способствовать назиданию других и заткнуть рот злоречивым людям, они должны избрать тот образ жизни, который вызывает меньше подозрений. Под противниками же я скорее разумею врагов Евангелия в целом, нежели каких-то конкретных женщин, поскольку Павел выражается здесь обобщенно.

15) *Ибо некоторые.* Не подлежит сомнению, что от любого священного установления из-за людской порочности всегда происходит какое-то зло. Необходимое должно оставаться неизблемым, что бы ни случилось: даже если небо обрушится на землю. Но там, где есть свобода избирать, руководствуясь тем, что окажется полезным на опыте, благоразумие порою диктует нам поступать наперекор своим желаниям. Именно таким и был разбираемый апостолом случай. Не было необходимости причислять к чину вдов не престарелых по возрасту женщин. Повседневный опыт говорил, что это – весьма опасно и вредно. Поэтому Павел вполне обоснованно предостерегает нас, чтобы и впредь не случалось ничего подобного. И если отпадение каких-то отдельных людей служило для апостола достаточно веской причиной прибегнуть в общему врачеванию, то сколько доводов имелось бы сегодня у папистов отменить их нечестивый целибат, если бы они хоть как-то стремились к назиданию! Но паписты предпочитают душить бесчисленные мириады душ жестокими путами своего дьявольского закона, нежели ослабить в этих путах хотя бы один узел. Отсюда явствует, сколь чужда их тираническая жестокость святым устремлениям Павла.

Вслед сатаны. Примечательное выражение. Всякий, кто хотя бы на йоту удаляется от Христа, неизбежно идет вслед сатаны. Ведь над теми, кто не принадлежит Христу, сатана имеет полную власть. Отсюда мы узнаем, сколь губительно отклонение от правильного пути, делающее из детей Божиих рабов дьявола, уводящее нас из под власти Христовой и приводящее под власть сатаны.

16) *Если какой верный.* Поскольку отдельные люди, как правило, весьма охотно перекалывают на Церковь собственное бремя, апостол настойчиво предостерегает нас от этой опасности. Говоря о тех, кто должен был питать своих вдовиц, апостол имеет в виду именно верующих. Ведь, если бы вдовицы отреклись от родства с нечестивыми, принять их под опеку Церкви было бы весьма справедливо. И если согрешают те, кто, чрезмерно щадя себя, отягощают при этом Церковь излишними расходами, отсюда следует, что в еще большем святотатстве виновны люди, обманом или хищением оскверняющее однажды посвященное Церкви.

17. *Достойно начальствующим пресвитерам должно оказывать сугубую честь, особенно тем, которые трудятся в слове и учении.* 18. *Ибо Писание говорит: не заграждай рта у вола молотящего; и: трудящийся достоин награды своей.* 19. *Обвинение на пресвитера не иначе принимай, как при двух или трех свидетелях.* 20. *Согрешающих обличай перед всеми, чтобы и прочие страх имели.* 21. *Пред Богом и Господом Иисусом Христом и избранными Ангелами заклинаю тебя сохранить сие без предубеждения, ничего не делая по пристрастию.*

(17. Хорошо начальствующие пресвитеры пусть считаются достойными двойной чести, особенно те, которые трудятся в слове и учении. 18. Ибо Писание говорит: не заграждай рта у вола молотящего; и: трудящийся достоин награды своей. 19. Обвинение на пресвитера не иначе принимай, как при двух или трех свидетелях. 20. Согрешающих обличай перед всеми, чтобы и прочие страх имели. 21. Пред Богом и Господом Иисусом Христом и избранными Ангелами заклинаю тебя сохранить сие без скоропалительности, и ничего не делать, имея к чему-либо пристрастие.)

17) Достоин начальствующим пресвитерам (хорошо начальствующие пресвитеры). Для сохранения церковного порядка, прежде всего, необходимо не пренебрегать пресвитерами и учитывать их высокое положение. Разве может быть что-либо бесчеловечнее, чем не заботиться о тех, кто заботится о всей Церкви? Ибо слово **πρεσβύτερος** означает здесь не возраст, а служение. Против толкования Златоуста, считавшего, что *двойная честь* – это пропитание и почтение, я не имею никаких возражений. Пусть тот, кто хочет, свободно следует этому мнению. Однако мне кажется вероятнее, что здесь проводится сравнение между вдовами и пресвитерами. Ранее Павел велел почитать вдовиц. Но пресвитеры более достойны чести, чем вдовы. Поэтому, по отношению к вдовам, пресвитерам полагается двойная честь. Но, чтобы не казалось, будто он расхваливает внешнюю мишуру, апостол подчеркивает, что речь идет о *хорошо начальствующих* пресвитерах, то есть, о тех, кто добросовестно и мужественно исполняет свое служение. Ведь даже если кто-то сотню раз займет должность пресвитера и будет без конца хвалиться этим титулом, у него не будет никого права требовать содержания от Церкви, если он одновременно не исполняет и самого пресвитерского служения.

Кроме того, апостол хочет сказать, что почести положены не самому титулу, но делам, которые совершают занимающие эту должность люди. На первое место он ставит тех, кто трудится *в слове и учении*, то есть тех, кто, поучая других, сами внимают при этом Слову. Ибо эти две вещи означают одно и то же, а именно: проповедь Слова. Но чтобы никто не подумал, будто под Словом разумеется нечто праздное и умозрительное, апостол добавляет к Слову *учение*. Отсюда вывод: в те времена имелись две разновидности пресвитеров, ибо не все из них поставлялись для научения других. Апостол ясно говорит, что некоторые из пресвитеров честно и благоприлично предводительствовали остальными, которым не было вверено учительское служение.

Действительно, тогда из числа христиан избирались добропорядочные и испытанные люди, отправлявшие церковную дисциплину вместе с пастырями путем совета и приказа. Они являлись как бы цензорами, поставленными для исправления нравов. И Амвросий жалуется на то, что лень, или скорее гордыня тех учителей, которые желали властвовать в одиночку, в конце концов упразднили этот добрый обычай. Но вернемся к Павлу. Помогать в пропитании он особенно велит тем пастырям, которые заняты учительским служением. Ибо мир неблагодарен настолько, что не слишком уж заботится о прокормлении служителей Слова. И сатана с помощью этой уловки пытается лишить Церковь учения, запугивая многих бедностью и голодом, дабы они не взваливали на себя учительское бремя.

18) *Не заграждай рта и т.д.* Заповедь, относящаяся к общественному устройству. Апостол рекомендует нам справедливость в самом широком смысле. Об этом мы уже говорили в толковании на Первое Послание к Коринфянам. Ибо, если Павел запрещает нам быть бесчеловечными к бессловесным животным, насколько больше он требует от нас человечности по отношению к людям! Поэтому его фраза означает то же, как если бы он сказал: не следует злоупотреблять прилежанием и трудом других. Во многих областях Франции молотба сегодня неизвестна. Пшеницу там сбивают бичами. Одни лишь провансальцы знают, что такое молотба. Но все это никак не касается смысла, поскольку то же самое можно сказать и о вспахивании полей. Добавляя же слова о том, что *работник достоин своей награды*, апостол не цитирует какое-то конкретное место из Писания. Он

приводит эти слова в качестве поговорки, которую всем диктует здравый смысл. Подобно этому и Христос, говоря апостолам то же самое, произносил только мнение, опирающееся на всеобщее согласие. Значит, те, кто позволяет голодать скотам, не говоря уже о людях, и выжимают из них все соки для своей выгоды, жестоки и совершенно забыли о справедливости. Сколь же менее терпима тогда неблагодарность тех, кто отказывается в пропитании собственным пастырям, для которых никакая плата не может служить достойным вознаграждением!

19) *На пресвитера.* Повелев выплачивать пастырям вознаграждение, апостол также учит Тимофея не позволять бесславить их клеветой и не возводить на них никакого обвинения, не подтвержденного законными свидетельскими показаниями. Но могло бы показаться глупым, что общий для всех закон апостол делает как бы особо относящимся к пресвитерам. Подобное делопроизводство Бог предписывает во всех случаях, дабы всякий приговор исходил из свидетельства двух или трех человек. Итак, почему же апостол ведет себя так, словно дает пресвитерам особую привилегию, требуя, чтобы их невинность была свободна от ложных обвинений? Отвечаю: это было необходимым средством, направленным против злобы отдельных людей. Ибо никто так не подвержен клевете и поношениям, как благочестивые учителя. Помимо того, что тяжесть служения порою заставляет их спотыкаться, колебаться, хромать или ошибаться, что служит для отверженных поводом для упреков в их адрес, учти еще и то, что, как бы верно ни исполняли служители свой долг, и, не допуская они ни малейшей ошибки, все равно на их головы падают тысячи обвинений.

В этом и состоит хитрость сатаны – отвадить от служителей человеческие души, дабы учение постепенно становилось объектом презрения. Таким образом, здесь не только причиняется несправедливость невиновным, не только устраняется должное к ним уважение (хотя даже одно это недостойно их высокого статуса), но и принижается авторитет священного учения Божия. И именно к этому, как я уже говорил, стремится сатана. В этом случае весьма справедливо высказывание Платона: «зловна толпа и завидует выдающимся».

Больше того, чем искреннее какой-либо из пастырей усердствует в продвижении Царства Христова, тем большую ненависть к себе он вызывает, и тем более наглые совершаются против него выпады. Как только возникает какое-нибудь обвинение против служителей Слова, ему тут же верят, словно оно – доказанный факт. И это происходит не только потому, что от них требуется большее целомудрие, но и потому, что сатана внушает многим, и почти что всем, излишнюю доверчивость, дабы они без всякого дознания осуждали своих пастырей, доброе имя которых, напротив, должны были бы защищать.

Итак, не напрасно Павел восстает на подобную несправедливость и запрещает позволять порочным людям злословить пресвитеров, доколе они не обличены законными свидетелями. Ведь не удивительно, если у тех, чья обязанность порицать пороки всех, противиться всем дурным человеческим вождениям и суровостью сдерживать всех заблуждающихся, такое огромное множество врагов. И что же выйдет, если без разбора будут выслушивать всякую распространяемую против них клевету?

20) *Согрешающих обличай перед всеми.* Всякий раз, когда с целью не навредить добрым проявляется осторожность, злые используют это с выгодой для самих себя. Поэтому Павел уточняет сказанное ранее об отклонении несправедливых обвинений, дабы под этим предлогом никому не было позволено безнаказанно грешить. Действительно, мы видим, сколь многими и разнообразными привилегиями папа ограждает своих клириков, дабы они, живя самым порочным образом, тем не менее, были избавлены от всяких попреков. Если соблюдать все оговорки, собранные Грацианом во втором деле, 4-м и 7-м вопросах, клирики уже не будут бояться, что им когда-либо придется дать отчет о своей жизни. Ибо можно ли найти семьдесят два свидетеля, которых для осуждения епископа

требует гнилой эдикт, изданный под именем Сильвестра? Кроме того, не только всему сословию мирян запрещено выдвигать обвинения, даже среди клириков низшие не могут досаждают высшим. Что же мешает в таком случае клирикам беззаботно смеяться над всяким судом?

Посему, хотя и надо придерживаться в этом деле умеренности и обуздывать дерзкие языки, дабы они не бесславили пресвитеров выдуманными обвинениями, все-таки, каждого из ведущих себя порочно следует весьма сурово обличать. Ибо высказывание о том, что согрешающих надо обличать открыто, я отношу именно к пресвитерам. Для чего так следует поступать? Для того, чтобы остальные, видя, что не щадят даже тех, кто обладает более высоким чином и достоинством, научились на их примере и еще больше боялись согрешить. Подобно тому, как пресвитеры должны показывать прочим пример добропорядочной жизни, так и, если они согрешают, подобает проявить к ним суровость, опять же ради примера всем прочим. Действительно, почему следует потакать тем, чьи грехи вредят больше грехов остальных?

Сказанное Павлом надо относить к преступлениям и омерзительным поступкам, оскорбляющим общественную нравственность. Ведь если какой-нибудь пресвитер согрешит не очень сильно, его скорее следует увещевать частным образом, нежели открыто обличать перед всеми.

21) *Перед Богом ... заклинаю тебя.* Павел вставил в свою речь эту клятву не только из-за серьезности обсуждаемого им вопроса, но также из-за его огромной сложности. Нет ничего труднее, нежели судить справедливо, отвергать всякое лицепрятие, не принимать необоснованные подозрения, не затягивать дело, не проявлять чрезмерную жесткость, и в процессе судопроизводства рассматривать лишь саму суть вопроса. Откуда возникнет справедливый суд, если у людей закрыты глаза? И будем помнить, что в лице Тимофея апостол увещевает всех пастырей, и что, тем самым, он как бы дает Тимофею щит, ограждающий его от всяких необоснованных тревог, доставляющих немало хлопот даже наилучшим из людей.

Итак, апостол обращает взор Тимофея к Богу, внушая ему, что он должен исполнять свое служение с не меньшим благоговением, чем если бы трудился на виду у Самого Бога и Его ангелов. Упомянув о Боге, апостол тут же добавляет имя Христа. Ибо Отец отдал Ему всю судейскую власть, и перед Его судилищем все мы однажды предстанем. Ангелов же Павел соединяет со Христом не как судей, а как будущих свидетелей нашего небрежения, необдуманности, тщеславия и вероломства. Ибо ангелы вследствие возложенной на них заботы о Церкви постоянно присутствуют с нами и за нами наблюдают. Действительно, чрезвычайно глуп и жестокосерд тот, с кого мысль о том, что Бог и ангелы наблюдают за нашими делами в Церкви, не страшнет нерешительность и оцепенение. Апостол называет *ангелов избранными*. И не только для того, чтобы отличить их от отверженных, но и ради их превосходства, дабы свидетельство их вызывало еще большее доверие.

Без предубеждения (без скоропалительности). Если дословно переводить греческое слово **πρόκρισις**, то в латинском оно будет звучать как «предубеждение». Но апостол скорее имеет в виду чрезмерную поспешность, когда мы выносим свой вердикт, еще не обдумав надлежащим образом дело. Или же указывает на излишнюю пылкость, когда мы приписываем людям больше положенного, и одних предпочитаем другим, словно они представляют собой что-то выдающееся. А это всегда порочно в деле судопроизводства. Поэтому Павел осуждает здесь либо легковесность, либо лицепрятие. Сюда же относится и следующая фраза о том, что не следует иметь к чему-либо пристрастие. Ибо едва ли можно выразить, сколь трудно людям, исполняющим судейское служение, сдерживать себя среди стольких разнообразных искушений. Некоторые кодексы дают вариант **πρόσκλησις**. Но первое чтение все же подходит больше.

22. Рук ни на кого не возлагай поспешно, и не делайся участником в чужих грехах. Храни себя чистым. 23. Впредь пей не одну воду, но употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов. 24. Грехи некоторых людей явны и прямо ведут к осуждению, а некоторых открываются впоследствии. 25. Равным образом и добрые дела явны; а если и не таковы, скрыться не могут.

(22. Рук ни на кого не возлагай поспешно, и не делайся участником в чужих грехах. Храни себя чистым. 23. Впредь не пей воду, но употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов. 24. Грехи некоторых людей заранее явны, как прямо ведущие к осуждению, а в некоторых получают его впоследствии. 25. Равным образом и добрые дела заранее явны; а если и не таковы, скрыться не могут.)

22) Рук ни на кого не возлагай. Апостол, без сомнения, хочет оградить Тимофея от неприязни и упредить многочисленные жалобы, которые время от времени возникают в отношении благочестивых рабов Христовых, отказывающихся исполнять чьи-либо тщеславные просьбы. Ибо одни обвиняют их в придирчивости, другие – в зависти, а некоторые называют даже жестокими за то, что они не сразу принимают тех, кто приносит им какую-либо рекомендацию, как мы часто видим сегодня на собственном опыте. Итак, Павел увещевает Тимофея не оставлять основательности и не позволять себе уступать чьему-либо напору. И не столько потому, что Тимофей нуждался в подобном увещании, сколько для того, чтобы авторитетом своим обуздать тех, кто в противном случае мог бы причинить Тимофею беспокойство.

Возложение рук означает здесь поставление в служители, то есть, символ понимается как сама обозначаемая им вещь. И апостол запрещает с легкостью допускать до служения неиспытанного человека. Ведь некоторые, радея о новизне, хотят продвигать всякого даже самого неизвестного человека, как только он выкажет что-либо достойное похвалы. Но благоразумному и основательному епископу подобает противиться подобной поспешности, подобно тому, как велит Тимофею Павел.

И не делайся участником. Апостол хочет сказать, что одинаково виновен как тот, кто соглашается с незаконным поставлением, так и тот, кто непосредственно его совершает. Хотя некоторые толкуют это место следующим образом: если кто-то допустит до служения недостойных, то всякий совершенный ими после этого грех отчасти или полностью вменится тем, кто их поставил. Но, на мой взгляд, смысл более простой: даже если другие и поступают необдуманно, все равно не делайся их соучастником, дабы не стать одинаково с ними виновным. Ибо часто бывает так, что нас, даже думающих правильно, увлекает глупость и легковесность других. Сюда же я отношу и сразу следующую фразу: «храни себя чистым». Апостол как бы говорит: если другие что-то делают неправильно, остерегайся, соглашаясь с ними или одобряя их, навлечь на себя какую-либо скверну. Если не можешь помешать им осквернять себя, то, по крайней мере, не участвуй в их замыслах, дабы хранить себя чистым. Если кто-то усмотрит в сказанном общее утверждение, пусть остается при своем мнении, но, на мой взгляд, лучше приспособить эту фразу к контексту настоящего отрывка.

23) Впредь пей не одну воду (не пей воду). Поскольку это предложение выбивается из общего контекста, некоторые подозревают, что оно принадлежит не Павлу. Но мы видим, что Павел не был чрезмерно щепетилен в деле согласования фраз и довольно часто без всякого порядка перемешивает разные утверждения. Кроме того, возможно, что этот стих был добавлен уже после написания послания и по ошибке переписчиков втиснулся не на свое место. Однако, принимая во внимание вышеупомянутую привычку Павла, не стоит слишком утруждать себя этим вопросом. А именно: апостол имеет обыкновение смешивать друг с другом разные темы. Смысл же состоит в том, чтобы Тимофей привык употреблять немного вина для поддержания своего здоровья. Ибо Павел велит ему не

полностью отказаться от воды, но перестать употреблять ее всегда и во всех обстоятельствах. Именно это и означает слово *ὕδρωτέιν*.

Но почему апостол подобным же образом не советует Тимофею употреблять вино? Кажется, что, добавив слово «немного», он желает воспрепятствовать неумеренному винопитию, чего в отношении Тимофея никак не следовало бояться. Отвечаю: апостол добавил эту фразу, чтобы упредить клевету нечестивых. В противном случае они были бы готовы высмеять его совет и сказали бы приблизительно так: да, хороша философия, призывающая пить вино! Неужели это – путь, ведущий на небеса? Так вот, упреждая подобные насмешки, апостол свидетельствует о том, что дать такой совет его побудила нужда, и одновременно рекомендует умеренность в употреблении вина. Видно, что Тимофей был не только скромн, но и аскетичен в своем ежедневном пропитании, не щадя даже своего здоровья. Не подлежит сомнению, что он поступал так не по тщеславию и не ради суеверий. Отсюда мы выводим: Тимофей был не только чужд роскоши и наслаждений, но и с целью стать более пригодным к исполнению дела Господня отказался от некоторых вполне обычных яств. И в болезнях его была виновата не природа, а усердие в воздержании. Но сколь мало сегодня тех, кому необходимо запрещать пить воду! Сколь много таких, которых, напротив, надо обуздывать и призывать к умеренности в питии вина!

Далее, отсюда явствует, как необходимо нам, если мы хотим поступать правильно, просить у Господа духа благоразумия, научающего золотой середине. Тимофей стремился к правильной цели, но поскольку Дух Божий его упрекает, будем знать, что чрезмерно аскетичный образ жизни был для него в некотором смысле пороком. Одновременно нам преподается общее правило: в пище и питии надо проявлять такую умеренность, чтобы при этом каждый заботился о своем здоровье, и не ради простого продления жизни, а для того, чтобы, пока он жив, приносить пользу Богу и ближним. Если же чрезмерное воздержание, навлекающее болезнь или ей способствующее, упрекается даже в том случае, когда не связано с суеверием, то как надо относиться к упрямству картузианцев, предпочитающих умереть, нежели вкусить немного мяса даже в случае крайней необходимости? И, если нерасточительным и трезвящимся заповедуют не вредить здоровью из-за своей воздержанности, то, воистину, немалая кара ожидает неумеренных, истощающих силы в деле набивания глотки. Их следует не увещевать, а, как необузданных скотов, просто не допускать до пастбища овец Христовых.

24) *Грехи некоторых*. Поскольку верные служители Церкви больше всего мучаются тогда, когда не видят способа исправить зло, когда вынуждены терпеть лицемеров, подлость которых им известна, когда не могут оградить Церковь от многих людей, представляющих из себя вредоносную заразу, и не могут даже помешать им распыскивать свой яд путем тайных происков, Павел утешает Тимофея и говорит, что в свое время, когда будет угодно Богу, этих людей выведут на чистую воду. Таким образом, апостол призывает его к терпению, коль скоро надо спокойно ожидать благоприятной возможности, которую Бог по Своей премудрости обязательно предоставит.

Испытанных и добрых пастырей мучает и другая печальная, и в то же время удивительная, ситуация, а именно: с наивысшей добросовестностью исполняя свое служение, они вызывают к себе при этом несправедливое злоречие и разнообразную неприязнь, и видят, что заслуженная ими похвала воздается их противникам. И Павел отчасти упреждает и эту опасность, увещевая Тимофея, что некоторые добрые дела обнаружатся не сразу, а в свое время. Поэтому, если похвала за них как бы закапывается в землю из-за людской неблагодарности, эту ситуацию надо переносить с полным спокойствием и ждать времени, когда эти дела откроются для всех.

Хотя апостол врачует здесь не только вышеупомянутое зло. Поскольку нам часто случается ошибаться при избрании пастырей, когда недостойные хитростью вызывают к

себе доверие, а добрые остаются никому не известными, или когда мы, не ошибаясь в своем выборе, не можем, однако, доказать справедливость нашего мнения другим, и лучшие люди отвергаются вопреки нашим усилиям, а злым удастся себя навязать, – во всех этих случаях нас непременно будет сильно тревожить как наше собственное состояние, так и состояние всей Церкви. Поэтому Павел старается либо устранить, либо, по крайней мере, смягчить эту опасность. Итог же состоит в следующем: то, что нельзя исправить сразу, следует терпеть; когда еще не настало время для врачевства, следует вздыхать. Нельзя лечить болезни силою, доколе они не распространятся сверх допустимого или не станут всем очевидны. И, наоборот, всякий раз, когда добродетели не воздается честь, надо ждать времени ее откровения, терпеть глупость мира сего и спокойно переносить тьму, пока не воссияет свет.

А теперь, после краткого изъяснения сути, вернемся к словам апостола. Говоря, что «грехи некоторых людей заранее явны», он имеет в виду, что они обнаруживаются своевременно и как бы становятся очевидными раньше срока. Этим он хочет сказать, что подобные грехи как бы спешат и стремятся к собственному осуждению. Ибо мы видим, как многие, сломя голову, кидаются в собственную погибель и добровольно ее на себя навлекают, даже если весь мир страстно желает им спасения. И всякий раз, когда это происходит, пусть нам помогает мысль о том, что обнаружить собственную гниль отверженных подталкивает тайное для нас провидение Божие.

А некоторых открываются (а в некоторых получают). Я не принимаю перевод Эразма: «за некоторыми они следуют». Хотя, кажется, что этот вариант больше соответствует греческому тексту, все же по смыслу надо подразумевать предлог *ἐν*. Ибо перемена падежа никак не устраняет присутствующего здесь антитезиса. Ранее сказав, что грехи некоторых стремительно спешат к своему осуждению, апостол добавляет теперь, что, наоборот, грехи некоторых (или других) обнаруживаются позднее. Однако вместо родительного Павел употребляет здесь дательный падеж: «в других». Он хочет сказать следующее: даже если грехи некоторых остаются сокрытыми дольше, чем мы этого желаем, и с опозданием выходят на всеобщее обозрение, все равно они не останутся сокрытыми навечно. Ведь и для них настанет время откровения. Если же кому-то больше понравится перевод Эразма, смысл с необходимостью должен остаться тот же, а именно: хотя суды Божии порою не спешат, они, хоть и медленно, все же исподтишка настигают грешников.

25) *Равным образом и добрые.* Апостол имеет в виду, что благочестие и другие добродетели иногда своевременно и быстро получают должную похвалу. В этом случае добрые изначально находятся в почете. Но даже если происходит иначе, Господь все же не попустит, чтобы невинность и целомудрие находились в вечном забвении. Клевета часто затемняет их, словно черное грозное облако, но Бог, как гласит пророчество, все равно заставит их блистать подобно утренней звезде. Однако в этих случаях нам необходимо спокойствие и терпение. Ведь все мы – люди. Поэтому надо всегда иметь в виду, на что способен наш разум, чтобы не идти дальше положенного, ибо это означало бы возлагать на себя обязанности Бога.

Глава 6

1. Рабы, под игом находящиеся, должны почитать господ своих достойными всякой чести, дабы не было хулы на имя Божие и учение. 2. Те, которые имеют господами верных, не должны обращаться с ними небрежно, потому что они братья; но тем более должны служить им, что они верные и возлюбленные и благодетельствуют им.

(1. Рабы, под игом находящиеся, должны почитать господ своих достойными всякой чести, дабы не было хулы на имя Божие и учение. 2. Те, которые имеют господами верных, пусть не презирают их, потому что они братья; но еще большие служат им, потому что они верные и возлюбленные и участники в благотворении.)

Ясно, что, как только Евангелие начало проповедоваться, рабы воспрянули духом, как бы получив отпустительную грамоту. Ибо Павел везде и всюду прикладывает много усилий к тому, чтобы обуздать их неумное желание свободы. Действительно, состояние раба было тогда весьма тяжким, и не удивительно, что оно вызывало в людях особую неприязнь. Далее, для нас вполне привычно обращать к своему плотскому удобству все хоть сколько-нибудь достойные начинания. Таким образом, слыша о том, что все мы – братья, рабы тут же выводили отсюда, что брату не подобает быть рабом брата. Однако, даже если это и не приходило им на ум, все же несчастным всегда необходимо утешение, смягчающее горечь их тягот. Кроме того, рабов весьма трудно было побудить к тому, чтобы они охотно и воодушевлено подставляли свои шеи под столь суровое иго. Именно в этом и состоит цель настоящего увещевания апостола.

1) *Рабы, под игом и т.д.* Поскольку каждый склонен к тому, чтобы ложно приписывать себе какие-либо преимущества, нет никого, кто спокойно переносил бы над собою власть других. Те же, кто не может избежать подобной необходимости, хотя и повинуются против воли вышестоящим, но в душе ропщут и негодуют, поскольку думают, будто им причиняется несправедливость. И апостол одним махом устраняет все подобные помышления, требуя добровольного подчинения от всех, находящихся под игом. Он хочет сказать, что им не надо доискиваться, достойны ли они такой судьбы. Достаточно и того, что на них наложено подобное бремя. И, заповедуя *почитать достойными господ*, которым они служат, апостол требует от рабов не только добросовестности и прилежания в повиновении. Он хочет, чтобы они от души принимали и почитали своих хозяев, как занимающих высшее по сравнению с ними положение. Ибо никто не послужит должным образом князю или господину, если не примет во внимание превосходство, данное господину Богом, и не почитит его именно потому, что находится в его подчинении. И хотя господа часто оказываются недостойными, само начальствование, которым их удостоил Бог, всегда заслуживает почитания. Добавь к этому, что лишь тот добровольно служит и повинуется своему господину, кто убежден в том, что должен его слушаться. Отсюда следует: повиновение господам начинается с того почитания, достойными которого Павел требует их считать.

Дабы не было хулы на имя Божие. Мы всегда более чем должно талантливы в обеспечении собственного удобства. Поэтому рабы, господа которых были неверующими, могли бы легко возразить: служащие дьяволу недостойны того, чтобы приказывать детям Божиим. Павел же обращает этот довод против них самих и говорит, что неверующим господам надо тем более служить для того, чтобы имя Божие и Его Евангелие не подверглись поношению. Как будто Бог, Которого мы почитаем, подталкивает нас к бунту! Как будто Евангелие делает надменными и неуступчивыми тех, кто должен повиноваться другим!

2) *Те, которые имеют господами верных.* Слово «брат», кажется, говорит о равенстве и тем самым устраняет всякое господство. Павел же говорит, что, напротив, рабы еще охотнее должны повиноваться верующим господам, поскольку признают их детьми Божиими, привязаны к ним братской любовью и участвуют в одной с ними благодати. И Бог, уравнив рабов в главном с земными господами, тем самым выказал рабам немалую честь. Ибо и рабы, и господа имеют одно общее усыновление. Поэтому усыновление это должно немало подстегивать рабов к тому, чтобы спокойно и благородно переносить свое рабское состояние. Добавь к этому, что рабство более терпимо, если господа наши кротки, любят нас, и мы взаимно любим их. И апостол наилучшим образом связывает узами веры людей совершенно разного положения.

Учи сему и увещевай. 3. *Кто учит иному и не следует здоровым словам Господа нашего Иисуса Христа и учению о благочестии,* 4. *тот горд, ничего не знает, но заражен страстью к состязаниям и словопрениям, от которых происходят зависть, распри, злоречия, лукавые подозрения.* 5. *Пустые споры между людьми поврежденного ума,*

чуждыми истины, которые думают, будто благочестие служит для прибытка. Удаляйся от таких.

(Учи сему и увещевай. 3. Если кто учит иначе и не довольствуется здоровыми словами Господа нашего Иисуса Христа и учением о благочестии, 4. тот горд, ничего не знает, но болезненно склонен к вопрошаниям и словопрениям, от которых происходят зависть, распри, злоречия, лукавые подозрения, 5. пустые споры между людьми поврежденного ума, чуждыми истины, которые думают, будто благочестие – это прибыль. Отделяйся от таких.)

Учи сему. Апостол имеет в виду, что именно этому Тимофей должен настойчиво учить, желая, чтобы к учению он добавлял и увещевания. Павел как бы говорит: такого рода учение следует проповедовать и внушать ежедневно. И людей надо ему не только учить, но и понуждать следовать ему путем постоянных увещеваний.

3) *Кто учит иному (если кто учит иначе).* Поскольку здесь присутствует составной глагол, можно было бы перевести и так: если кто учит иному. Хотя в смысле нет никакой двойственности. Апостол осуждает всех, не соглашающихся с этим способом научения, даже если они и не противоречат ему открыто. Вполне может быть, что кто-то не провозглашает никакого нечестивого или явного заблуждения, и, однако же, бахвалясь пустой болтовней, искажает тем самым учение благочестия. Ибо там, где нет никакого успеха в обучении и никакого назидания, уже имеется отход от установления Христова. И хотя Павел говорит не об открытых авторах нечестивых догматов, а о суетных и мирских учителях, искажающих подлинное учение благочестия из-за тщеславия или алчности, мы все же видим, сколь яростно и сурово он на них восстает. И это вовсе не удивительно. Едва ли можно описать словами, сколь сильно вредит напыщенная проповедь, произносимая с целью саморекламы или пустой помпезности.

Но кого именно упрекает здесь апостол, будет видно из самого контекста. Ведь сразу же следующая фраза «и не довольствуется здоровыми словами» добавлена с целью истолкования. Обычно бывает так, что подобные люди, поддавшись порочному любопытству, начинают презирать все действительно полезное и здоровое. Таким образом, они впадают в бессмысленное буйство, подобно неукротимым коням. И что это такое, как не отвержение *здоровых Христовых слов*? Они называются здоровыми исходя из их следствия, поскольку приносят нам здравомыслие и пригодны к тому, чтобы его возвращать. То же самое означает фраза «учение о благочестии». Ибо учение не будет согласно с благочестием, если не будет наставлять нас в страхе Божиим и Его почитании, если не будет назидать нас в вере, если не обучит нас терпению, смирению и всем обязанностям любви. Поэтому тот, кто не старается учить с пользой, учит иначе, нежели следует. Больше того, учение, не стремящееся к преуспеванию слушателей, не является здоровым, какими бы прикрасами ни прикрывалось.

Подобных учителей Павел прежде всего осуждает за гордость, причем за гордость пустую и ветреную. Кроме того, поскольку нельзя лучшим образом наказать тщеславных, нежели, осудив в невежестве все то, чем они тщеславятся, Павел говорит, что они *ничего не знают*, каким бы остроумием ни надмевались. Ибо у них нет ничего твердого, но одно лишь пустое сотрясение воздуха. Одновременно апостол увещевает всех благочестивых не увлекаться эти ветреной мишурою и неколебимо пребывать в евангельской простоте.

4) *Но заражен (но болезненно склонен).* Косвенное противопоставление здравости учения Христова безумию подобных учителей. Ибо эти вопрошатели долго и много утруждают себя разными тонкостями. И какой же плод от их труда, кроме еще большего усиления болезни? Таким образом, они мучают себя лишь для того, чтобы стать еще более больными из-за своего порочного любопытства. Из этого следует: им далеко до того, чтобы правильно преуспевать в благочестии, как подобает Христовым ученикам.

Вопрошания же и словопрения апостол не без причины соединяет вместе. Первое слово означает не какие угодно вопросы, рождающиеся от трезвого и упорядоченного усердия к научению или способствующие правильному объяснению чего-то такого, что полезно знать, а такие, какие сегодня обсуждаются в сорбоннских школах с целью бахвальства людей собственным остроумием. Один вопрос порождает там другой, поскольку нет меры там, где всякий, желая знать более, чем полезно, потекает своему суемудрию. От этого возникают бесконечные споры. И подобно тому, как густые облака нельзя разогнать без молнии и грома, так и эти каверзные вопросы с необходимостью приводят к распрям.

Впрочем, *λογομαχίας* апостол называет любопытные споры скорее о словах, чем о сути, или (как обычно говорят) споры без содержания и предмета. И если кто-то вдумается в то, какие именно споры кипят среди софистов, то обнаружит, что они возникают из ничего, не имея под собой никакой подоплеки. В итоге, Павел осуждает здесь все вопросы, подталкивающие нас к никчемным пререканиям.

От которых происходят зависть. Апостол показывает, насколько надо избегать тщеславной жажды знания, ссылаясь на ее результат. Ибо тщеславие – родительница зависти. Там же, где царит зависть, начинают звучать оскорбления, возникают ссоры и все прочие виды зла, перечисляемые Павлом. Апостол говорит, что такие люди *повреждены умом и чужды истины*. Так вот, совершенно ясно, что под эту оценку подходят софисты, которые, отбросив в сторону назидание, превращают Слово Божие в искусство утонченно рассуждать и глупо остроумничать. И если бы апостол показал лишь то, что спасительное учение становится от этого бесполезным, даже в этом случае подобная профанация была бы совершенно нетерпимой. Но обличение Павла становится еще яростнее и серьезнее, когда он говорит о проистекающем отсюда пагубном зле и вредоносной заразе. Итак, настоящий отрывок учит нас отвергать софистику как нечто более болезнетворное для Церкви Божией, чем можно себе представить.

5) *Благочестие служит для прибытка (благочестие – это прибыток).* Понимай так: эти люди думают, что благочестие есть прибыток или искусство его приобретать, поскольку они рассматривают все христианство как способ наживы. Они торгуют словами Духа Святого, как выставленным на продажу товаром, как будто они изречены лишь для того, чтобы служить их алчности. И Павел запрещает рабам Христовым иметь с такими людьми что-либо общее. Он велит Тимофею не только отличаться от них, но и избегать их как вредной заразы. Ведь даже если они и не противятся Евангелию открыто, а скорее, наоборот, бахвалятся его притворным исповеданием, все же сообщество их навлекает на людей большую скверну. Кроме того, если другие увидят, что мы с ними близки, возникнет опасность, как бы они, прикрываясь дружбой с нами, не вползли в доверие других. В итоге,¹⁰ нам следует прилагать усилия, чтобы дать всем понять: мы чужды этим людям настолько, что у них нет с нами ничего общего.

6. *Великое приобретение – быть благочестивым и довольным.* 7. *Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него.* 8. *Имея пропитание и одежду, будем довольны тем.* 9. *А желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу;* 10. *ибо корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям.*

(6. *Великий прибыток – благочестие с достаточностью.* 7. *Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него.* 8. *Имея пропитание и одежду, будем довольны тем.* 9. *А желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть и во многие глупые и вредные похоти, которые погружают людей в пагубу и смерть;* 10. *ибо корень*

всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям.)

б) *Великое приобретение (Великий прибыль)*. Апостол изящно и не без иронии тут же придает слову «прибыток» противоположный смысл. Он как бы говорит: дурны и омерзительны те, у кого учение Христово предназначено для продажи. Словно благочестие – это какой-то прибыль. Хотя несомненно, что, если подумать прилежно, благочестие предстанет для нас великой и обильнейшей прибылью. И Павел называет его прибытком потому, что оно приносит нам полное и совершенное блаженство. Те святотатцы, которые привержены прибутку денежному, употребляют благочестие для обогащения. Для нас же благочестие – само по себе уже великий прибыль, поскольку через него мы не только наследуем мир, но и входим в обладание Христом со всеми Его богатствами.

И довольным (с достаточностью). Сказанное можно отнести как к душевному чувству, так и к самой сути дела. Если отнести к душе, то смысл следующий: благочестивые, ничего не желая, но довольствуясь своей скудостью, уже получили великую прибыль. Если же понять фразу в отношении достаточности (на что я также с готовностью соглашусь), здесь будет присутствовать такое же обетование, какое имеется в Пс.34:11 [В Синодальном переводе Пс.33:12 – прим. пер.]: львы алчут и рыскают, взыскующие же Господа не лишатся всякого блага. Ибо Господь всегда пребывает со Своими и, насколько достаточно для восполнения их нужды, от Своей полноты отмеряет каждому свое. Таким образом, истинное счастье заключается в благочестии. А достаточность, о которой идет речь, как бы усиливает его.

7) *Ибо мы ничего не принесли в мир*. Апостол добавляет это с целью уточнения, каким образом достигается подобная достаточность. Наша ненасытная алчность, если ее не сдерживать, представляет собой бездонную воронку. Лучшее же средство от нее состоит в том, чтобы желать лишь самого необходимого для жизни. Ибо мы превышаем свою меру потому, что как будто хлопчем о тысяче жизней, ложно воображая, будто все их проживем. Нет ничего более привычного, нет ничего более известного, чем эта фраза Павла. Но хотя все с нею соглашаются и ежедневно на деле узнают ее справедливость, каждый в желании своем загребает безмерные поместья, как будто его чрево вмещает полмира. Именно об этом и сказано в Пс.49:14 [В Синодальном переводе Пс.48:15 – прим. пер.]: хотя отцы, надеясь остаться на земле вечно, выказали этим свою глупость, потомки, тем не менее, одобрили их путь. Поэтому, чтобы у нас возникла вышеупомянутая достаточность, научимся же так настраивать свою душу, чтобы не желать больше того, что необходимо для поддержания жизни.

Говоря же о *пропитании и одежде*, апостол исключает тем самым роскошь и чрезмерное богатство. Ибо природа довольствуется малым, и избыточно все, превышающее природное употребление. И не потому, что широкое пользование благами само по себе достойно осуждения, а потому, что желание этого – всегда порочно.

9) *А желающие обогащаться*. Ранее призвав читателей к умеренности и презрению к богатству, апостол теперь увещевает их о том, насколько опасна страсть к обладанию, и особенно в служителях Церкви, о которых он говорит отдельно. Не богатство является причиной упомянутых им видов зла, а желание его, даже если его испытывает нищий. И Павел говорит не только о том, что бывает часто, но и о том, что происходит всегда. Ибо всякий, имеющий намерение обогатиться, отдается в плен дьяволу. Правильно сказал языческий поэт: желающий обогатиться хочет сделать это быстрее. Отсюда следует, что все стремящиеся к желаемому ими богатству сами низвергают себя в пропасть. От этого происходит и та глупая, больше того, безумная страсть, которая, в конце концов, приводит нас к гибели. Зло это имеет воистину вселенский характер, но наиболее заметно оно в

церковных пастырях. Ибо алчность лишает их разума настолько, что они готовы на любое безрассудство, как только очи их ослепляет блеск золота или серебра.

10) *Ибо корень всех зол.* У нас нет причин утруждать себя тщательным сравнением сребролюбия с другими пороками. Несомненно, что тщеславие и гордыня часто приносят еще худшие плоды, и при этом тщеславие происходит не от сребролюбия. То же самое можно сказать и о похоти совокупления. Но в намерение Павла не входило включать в сребролюбие все мыслимые пороки. И что же тогда он имеет в виду? Только то, что из сребролюбия происходят бесконечные виды зла. Подобно тому, как мы обычно говорим: нет такого зла, которое не рождалось бы либо от разногласий, либо от обжорства, либо от пьянства, либо от какого-то похожего порока. Действительно, о преступной страсти к наживе вполне можно сказать, что нет такого вида зла, который бы ежедневно из нее не рождался. Например, бесчисленные виды обмана, ложь, вероломство, мошенничество, хищение, жестокость, несправедливый суд, ссоры, ненависть, отравительство, убийства и, наконец, все, какие только ни есть, искусства наносить вред. Похожие фразы можно прочесть и у мирских писателей. Поэтому дурно поступают те, кто, утверждая, будто Павел здесь преувеличил, аплодируют при этом Горацию и Овидию, говорящим то же самое. О, если бы ежедневный опыт не свидетельствовал нам о том, что здесь просто и бесхитростно изложена самая суть дела! Но будем помнить: те же самые преступления, которые происходят из алчности, могут происходить также из тщеславия или зависти, или же, как часто бывает, рождаться от каких-то других порочных чувств.

Которому предавиши. Греческая фраза о сребролюбии не может быть понята буквально. Но смысл все же остается совершенно ясным. Апостол говорит, что из сребролюбия рождается самое жуткое на свете зло, а именно: отпадение от веры. Ведь те, кто страдает этой болезнью, постепенно становятся все хуже и хуже, доколе не отступят от веры полностью. Отсюда и происходят упомянутые апостолом *скорби*. Под ними я разумею жестокие муки совести, обычно возникающие у потерявших надежду людей. Хотя Бог наказывает алчных и другими предварительными карами, заставляя их быть своими собственными палачами.

11. Ты же, человек Божий, убегай сего, а преуспевай в правде, благочестии, вере, любви, терпении, кротости. 12. Подвизайся добрым подвигом веры, держись вечной жизни, к которой ты и призван, и исповедал доброе исповедание перед многими свидетелями. 13. Пред Богом, все животворящим, и пред Христом Иисусом, Который засвидетельствовал пред Понтием Пилатом доброе исповедание, завещаю тебе 14. соблюсти заповедь чисто и неукоризненно, даже до явления Господа нашего Иисуса Христа, 15. которое в свое время откроет блаженный и единый сильный Царь царствующих и Господь господствующих, 16. единый имеющий бессмертие, Который обитает в неприступном свете, Которого никто из человеков не видел и видеть не может. Ему честь и держава вечная! Аминь.

(11. Ты же, человек Божий, убегай сего, а усердно последуй праведности, благочестию, вере, любви, терпению, кротости. 12. Сражайся добрым ратоборством веры, ухватись за вечную жизнь, к которой ты и призван, и исповедал доброе исповедание перед многими свидетелями. 13. Пред Богом, все животворящим, и пред Христом Иисусом, Который засвидетельствовал пред Понтием Пилатом доброе исповедание, возвещаю тебе, 14. чтобы ты соблюл заповедь, будучи чистым и неукоризненным, даже до явления Господа нашего Иисуса Христа, 15. которое в свое время откроет блаженный и единственный Князь, Царь царствующих и Господь господствующих, 16. единственно имеющий бессмертие, Который обитает в неприступном свете, Которого никто из человеков не видел и видеть не может, Которому честь и сила вечная! Аминь.)

11) *Ты же, человек Божий, убегай сего.* Назвав Тимофея человеком Божиим, апостол сделал свое увещание еще весомей. Если же сказанное им о следовании праведности,

благочестию, вере, терпению отнести к предыдущему предложению, то апостол здесь сребролюбию будет противопоставлять соответствующее врачевство, увещая, какие именно надо желать богатства, то есть, духовные. Его заповедь можно распространить и на многое другое, дабы Тимофей, держась подальше от всякой суеты, избегал уже осужденную апостолом *περιεργίαν*. Ибо тот, кто сосредоточен на занятии необходимым, легко будет воздерживаться от всего излишнего. В качестве примера апостол перечисляет некоторые виды добродетели, в число которых следует включить и все остальные. Поэтому всякий усердствующий в праведности, стремящийся к благочестию, вере, любви и последующий терпению и кротости, неизбежно удалится от сребролюбия и его плодов.

12) *Подвизайся добрым подвигом (сражайся добрым ратоборством)*. Нечто похожее апостол скажет в своем следующем послании (2Тим.2:4): записавшийся на воинскую службу не станет вовлекаться в дела, чуждые роду его занятий. Поэтому, чтобы отвратить Тимофея от чрезмерной заботы о земных делах, апостол призывает его к ратоборству. Ведь самоуспокоенность и потакание себе происходят от того, что большинство людей хочет служить Христу как бы в шутку, в то время как Сам Христос призывает всех Своих к ратному подвигу. И чтобы воодушевить Тимофея отважно вступить в подобную битву, апостол называет ее доброй, то есть имеющей счастливый исход, и поэтому такой, которую никак не следует избегать. Ведь, если земные войны сражаются без колебаний даже при сомнительном исходе битвы и с опасностью потерять жизнь, насколько воодушевленное следует сражаться нам под водительством Христовым и Его знаменами, после того, как мы твердо уверились в победе! Особенно, поскольку нас ожидает не такая награда, какой императоры обычно вознаграждают своих солдат, а славное бессмертие и небесное блаженство. Действительно, было бы стыдно уставать и ослабевать, несмотря на предложенную нам столь великую надежду. Именно об этом и начнет вскоре говорить апостол.

Держись вечной жизни (ухватись за вечную жизнь). Павел как бы говорит: Бог призывает тебя к вечной жизни, поэтому стремись к ней и презирай мир. И, заповедуя ухватиться за эту жизнь, апостол запрещает тем самым останавливаться и отдыхать на середине пути. Он как бы говорит: ничего не кончено, пока мы не достигнем будущей жизни, к которой нас приглашает Бог. Так и в Фил.3:12 Павел говорит, что простирается вперед, поскольку еще не достиг желаемого. Но коль скоро люди подвизаются необдуманно и напрасно, если творцом их подвизания не будет Бог, апостол ради воодушевления слушателей упоминает также о *призвании*. Ибо больше всего мы воодушевляемся именно тогда, когда слышим о том, что призваны Богом. Мы заключаем, что труд наш не напрасен, если им руководит Бог и протягивает нам трудящимся руку помощи. И отвержение призвания Божия само по себе было бы для нас великим проступком. Поэтому то, что Бог призывает тебя к вечной жизни, уже должно быть самым веским стимулом. Так что, остерегайся уклоняться куда-либо еще и изнемогать раньше того, как достигнешь цели.

И исповедал доброе исповедание. Упомянув о предыдущей жизни Тимофея, апостол тем самым еще сильнее побуждает его продолжать начатый путь. Ибо терпеть неудачу при хорошем начале еще постыднее, чем не начинать вовсе. Поэтому апостол, говоря Тимофею, что раньше он вел себя отважно и похвально, воодушевляет его этим доводом, чтобы достойному началу соответствовало достойное завершение.

Под исповеданием же я понимаю то, которое заключается не только в слове, но и в конкретном деле. Причем, не в одном, а во всем исполнении своего служения. Итак, смысл следующий: у исповедания твоего многочисленные свидетели как в Эфесе, так и в других областях, видевшие, что ты искренне и добросовестно следовал евангельскому образу жизни; поэтому, явив пример подобного поведения, выказать себя кем-то еще, кроме великого воина Христова, ты можешь только с большим позором и стыдом для самого себя. И эти слова научают всех нас, что чем больше каждый из нас преуспевает,

тем более неизвинительным будет его отпадение, и тем более обязан он перед Богом продолжать идти правильным путем.

13) *Завещаваю (возвещаю)*. Пламенность, с какой Павел закликает Тимофея, служит доказательством того, сколь трудная и редкая добродетель – исполнять должным образом евангельское служение до самого конца. Хотя апостол в лице Тимофея увещевает и других, он в то же время обращается к нему персонально.

Далее, сказанное Павлом о Христе и Боге надо оценивать в соответствии с контекстом. Приписывая Богу, что Он все *животворит*, апостол устраняет соблазн креста, являющего собой одну лишь смерть. Павел хочет сказать, что, если нечестивые грозят нам смертью, выставляя ее перед нашим взором, нам следует закрыть глаза, или, еще лучше, обратить свой взор к Богу, ибо именно Он воскрешает мертвых к жизни. Итог же состоит в том, чтобы мы, не взирая на этот мир, научились смотреть только на Бога.

Сказанное же апостолом о Христе утверждает и укрепляет нас еще больше. Павел учит, что мы не философствуем подобно какому-то Платону, предававшемуся мало кому известным праздным рассуждениям, но проповедуем учение, узаконенное кровью Самого Сына Божия. Ибо Христос подтвердил Свое *исповедание перед Пилатом* не многословием, а самым делом, пойдя на добровольную смерть. И хотя Христос предпочел скорее смолчать перед Пилатом, нежели защищать Себя словесно, поскольку пришел в этот мир, уже твердо решив подвергнуться осуждению, молчание Его защитило Его учение столь же величественно, как если бы Он во весь голос кричал в его пользу. Ибо кровью Своей и Своей смертью Христос узаконил учение лучше, чем можно было сделать словами. Поэтому Павел и называет подобное исповедание добрым. Ведь Сократ тоже умер, однако смерть его не была законным удостоверением провозглашенного им учения. Но когда мы слышим, что кровь пролил Божий Сын, этот священный залог рассеивает все сомнения. Поэтому всякий раз, как мы начинаем колебаться в душе, вспомним о том, что опору и поддержку надо искать в Христовой смерти. И какой нерадивостью было бы покинуть столь великого идущего впереди Вождя!

14) *Соблюсти заповедь (чтобы ты соблюл заповедь)*. Под заповедью апостол имеет в виду то, что до этого говорил о служении Тимофея. Итог же сказанного состоял в том, что Тимофей должен выказать себя верным служителем Христа и Церкви. Ибо, какая нужда относить эту фразу ко всему закону? Разве что кто-нибудь захочет понять сказанное проще, полагая, что речь идет о порученной Тимофею должности. Когда нас ставят служителями Церкви, Бог одновременно предписывает нам совершать те дела, какие хочет от нас видеть. Таким образом, соблюдать заповедь есть не что иное, как добросовестно исполнять вверенное тебе служение. И это я без всякого сомнения отношу к служению Тимофея. Последующие же слова о достойном завершении пути в греческом оригинале подходят и к заповеди, и к самому Тимофею. Но приведенный мною смысл более широк: Павел увещевает Тимофея усердно стремиться к *святой жизни и чистоте нравов*, если он хочет правильно исполнять свое служение.

Даже до явления Господа нашего Иисуса Христа. Нельзя выразить словами, насколько необходимым всем благочестивым той эпохи было обращаться в помыслах к грядущему Христову дню, в то время как в мире на них отовсюду обрушивались бесчисленные соблазны. Нападки следовали на них со всех сторон, все ненавидели и проклинали их, они были выставлены на всеобщее посмеище, их ежедневно угнетали многочисленные скорби. И при всем этом столь великие труды и тяготы, казалось, не приносили никакой пользы. Что же им оставалось делать, если не перенестись в мыслях в блаженный и долгожданный день нашего искупления? Хотя тот же самый повод имеем сегодня и мы. Больше того, сказанное справедливо почти что для каждого столетия. Как много показывает нам сатана такого, что в противном случае могло бы сотню раз увести нас с правильного пути! Не говоря уже об огне, мече, изгнании и всех других яростных

нападках врагов, не говоря о клевете и прочих терзаниях, разве не приходят к нам еще худшие испытания изнутри? То тут, то там появляются тщеславные люди, эпикурейцы и лукиане смеются над нами, наглецы оскорбляют, лицемеры ропщут, думающие плотски исподтишка кусают, повсюду мы сталкиваемся с разными направленными против нас кознями. Так что это – великое чудо, если, исполняя столь опасное и трудное служение, кто-то устоит до конца. И от всех этих трудностей имеется одно избавление – обратить взор к грядущему пришествию Христову и всегда о нем размышлять.

Поскольку же обычно мы весьма поспешны в своих желаниях, и почти что готовы предписывать Богу конкретный день и час, дабы Он не откладывал то, что обещал прежде, апостол сдерживает нашу природную горячность, заповедуя нам терпеливо ожидать Христова пришествия. Ибо именно это и означают слова: «которое в свое время откроет блаженный и т.д.» Люди с большим терпением будут ждать того, время чего, как они знают, еще не настало. И почему мы столь терпеливы в своих житейских предприятиях, если не потому, что нас сдерживает следующая мысль: несвоевременно будет потакать своим желаниям и торопить события. Так что будем знать: пришествию Христову отведено особое время, которое мы должны ожидать с терпением.

15) *Блаженный и единый (единственный)*. Этими словами апостол превозносит главенство Бога. И делает это для того, чтобы лицезрение начальников мира сего не затуманило наш взор. Такое увещание было особенно необходимым для эпохи самого Павла. Ибо насколько усиливались и возвеличивались тогда все земные царства, настолько же затемнялись величие и слава Божии. И сколько бы эти царства ни обогащались, они оставались не только заклятыми врагами Царства Божия, но и надменно оскорбляли Бога, попирая Его священное имя. И чем надменнее презирали они истинную религию, тем более счастливыми себе казались. Так вот, кто не подумал бы, смотря на все это со стороны, что Бог несчастным образом побежден и подавлен? Мы видим, сколь разнузданно обрушивается Цицерон на иудеев из-за выпавших на их долю тягот¹¹ в своей речи в защиту Флакка. И добрые, видя, как ход событий все больше надмевает нечестивых, порою падали духом. Поэтому Павел, дабы отвратить их взор от этого суетного величия, отстаивает блаженство, начальство и царство за одним лишь Богом. И, называя Бога единственным начальствующим, Павел не ниспровергает общественный порядок, словно в мире не должно быть никаких властей и царей, но имеет в виду, что только Бог царствует Сам по Себе и Собственной силою. Справедливость этого явствует из сразу же следующей фразы, в которой апостол, как бы объясняя сказанное выше, называет Бога *Царем царствующих и Господом господствующих*. Итог же таков: все земные власти находятся под владычеством Бога и зависят от Него, возникая и упраздняясь по Его желанию. Владычество же Бога не поддается никаким сравнениям, поскольку перед Его славой все прочее меркнет. Она пребывает вечно, в то время как все остальное в мире тленно и мимолетно.

16) *Единый (единственно) имеющий бессмертие*. Павел старается выразить мысль, что вне Бога нет никакого счастья, достоинства или превосходства. Поэтому он говорит, что только Бог является бессмертным, давая нам понять, что мы вместе со всеми прочими тварями живем не сами по себе, но заимствуем жизнь от Него. Отсюда следует, что, надеясь на Бога, источник бессмертной жизни, всю настоящую жизнь мы должны почитать ничем.

Но здесь можно возразить: свое бессмертие есть и у человеческой души, и у ангелов. Поэтому его нельзя приписывать только Богу. Отвечаю: слова о том, что бессмертием обладает только Бог, не отрицают то, что Он сообщает Свое бессмертие тем творениям, каким хочет. Павел как бы говорит: один лишь Бог не только бессмертен Сам от Себя и по природе, но и властен над этим бессмертием. И творениям бессмертие подобает лишь

---

¹¹ См. Ц. 28

постольку, поскольку Бог животворит их, вдыхая в них Свою силу. Ведь, если устранить вложенную в душу человека божественную силу, душа тут же исчезнет. И то же самое надо думать об ангелах. Собственно говоря, бессмертие не свойственно душам и ангелам по природе, а вливается в них извне таинственным Божиим дыханием, согласно речению: в Нем мы живем и движемся, и существуем. Если же кто-то захочет узнать об этом больше и основательнее, пусть прочтет книгу Августина «О граде Божием».

Который обитает в неприступном свете. Апостол имеет в виду две мысли. Первая: хотя Бог от нас сокрыт, причина этой сокрытости не в Нем, словно Он пребывает во мраке, а в нас самих, которым немощь нашего разума или, скорее, его тупость закрывает доступ к означенному свету. Впрочем, понимай так, что свет Божий неприступен для того, кто пытается приступить к нему собственными силами и стараниями. Ведь, если бы Бог не открыл нам доступ Своей благодатью, пророк не сказал бы (Пс.34:6) [В Синодальном переводе Пс.33:7 – прим. пер.], что приступающие к Нему просветятся. Хотя совершенно истинно, что никогда, покуда мы облечены в эту смертную плоть, нам не проникнуть в сокровенные тайники Божии настолько, чтобы увидеть все. Ибо здесь мы познаем Бога отчасти и видим Его как бы в зеркале и гадательно. Итак, через веру мы приступаем к божественному свету, но только частично, и всегда остается истинным высказывание, что Божий свет неприступен для человека.

Которого никто из человеков не видел. Это добавлено ради большей ясности, дабы люди научились с помощью веры взирать на Того, Кого не видят очами и даже не постигают мыслью. Сказанное я отношу не только к телесному взору, но и к способностям нашей души. Всегда надо иметь в виду, что именно хотел сказать апостол. Трудно отбросить все, лицемерием чего мы наслаждаемся в настоящем, и обратить свои очи к Богу, Который никогда нам не являлся. Время от времени на ум приходит мысль: кто знает, существует ли Бог, если ты никогда не видел Его, только слыша о Его бытии? И апостол ограждает нас от этой опасности, отрицая, что сказанное им надо мерить мерками нашего разума, неспособного вместить его смысл. Мы не видим Бога потому, что у нас нет достаточно острого зрения, способного проникнуть в такие высоты. Об этой фразе долго рассуждает Августин. Ведь, кажется, что она противоречит тому, что сказано в Первом Послании Иоанна (3:2): тогда мы увидим Его, как Он есть, потому что будем Ему подобны. Августин поднимает этот вопрос во многих своих произведениях, но, кажется, лучше всего отвечает на него в послании к вдове Паулине.

Что же касается самого обсуждаемого нами отрывка, ответ весьма прост: мы не можем видеть Бога, но только в нашей земной природе. Подобно тому, как в другом месте сказано: плоть и кровь Царства Божия не наследуют (1Кор.15:50). Ибо нам надлежит обновиться, дабы стать подобными Богу прежде, чем нам будет дано Его увидеть. И дабы мы не были любопытными сверх меры, пусть нам всегда помогает мысль о том, что в этом вопросе больше значит образ жизни, нежели манера говорить. Одновременно будем помнить, что надо остерегаться того, чего нам благоразумно заповедует избегать Августин: чтобы мы, споря и исследуя вопрос о том, как можно увидеть Бога, не утратили того мира и освящения, без которого никто Его никогда не увидит.

17. Богатых в настоящем веке увещевай, чтобы они не высоко думали о себе и уповали не на богатство неверное, но на Бога живаго, дающего нам все обильно для наслаждения; 18. чтобы они благодетельствовали, богатели добрыми делами, были щедры и общительны, 19. собирая себе сокровище, доброе основание для будущего, чтобы достигнуть вечной жизни. 20. О, Тимофей! храни преданное тебе, отвращаясь негодного пустословия и прекословий лжеименного знания, 21. которому предавшись, некоторые уклонились от веры. Благодать с тобою. Аминь.

(17. Богатым в настоящем веке заповедуй, чтобы они не превозносились и уповали не на богатство неверное, но на Бога живаго, дающего все обильно для наслаждения; 18.

чтобы они благодетельствовали, богатели добрыми делами, были щедры и общительны, 19. создавая для самих себя доброе основание на будущее, чтобы достигнуть вечной жизни. 20. О, Тимофей! храни свой залог, избегая мирской и пустой шумливости, суесловия и прекословия лжеименного знания, 21. придерживаясь которого, некоторые склонились от веры. Благодать с тобою. Аминь.)

17) *Богатых (богатым)*. Похоже, что в то время немощные и незнатные христиане, каких было весьма много, презирались (как обычно случается) богатыми. Причем, такой обычай, прежде всего, мог возникнуть в Эфесе, богатом и зажиточном городе. Ведь в таких городах, как правило, везде процветает гордыня. Отсюда мы выводим, сколь опасно изобилие материальных благ. Действительно, Павел не напрасно попрекает богатых с помощью столь сурового увещания. Он пытается исправить пороки, почти всегда следующие за богатством так же, как тень следует за телом. И это происходит из-за порочности нашей природы, вследствие которой повод для греха мы заимствуем из дарованных Богом благ. Апостол подчеркнуто указывает на два качества, которых должны остерегаться богатые: гордость и ложную надежду. Первое из них рождается из второго. И поэтому, кажется, что Павел, добавив: *и уповали не на то-то и то-то*, – хотел, тем самым, обозначить источник их гордыни. Ведь почему еще богатые бесчинствуют и, презирая других, чрезвычайно нравятся самим себе, если не потому, что воображают себя воистину блаженными? Итак, сначала идет пустое упование, а за ним следует превозношение. И Павел, желая исправить эти пороки, прежде всего, презрительно отзывается о самих богачах. Ибо фраза «в настоящем веке» звучит весьма уничижительно. Все, что происходит от века сего, обладает схожей с ним природой, будучи неустойчивым и скоропреходящим. Ложность же надежды, уповающей на богатство, апостол показывает из того, что владение богатством мимолетно и эфемерно. Мы только подумаем о богатстве, и оно уже исчезает. Итак, сколь же глупо полагать в нем свою надежду!

Но на Бога живаго. Тот, кто придерживается этого принципа, легко отвратится от упования на богатство. Ведь, если только Бог подает нам все необходимое для жизни, мы, уповая на богатство, тем самым приписываем ему роль Бога. Заметь, что в словах «Бога ..., дающего все обильно» присутствует косвенное противопоставление. Смысл их таков: даже если мы будем изобиловать, полностью владея всевозможными благами, все, что мы имеем, все равно будет проистекать из благословения Божия. Ибо только оно может подать нам все, что нужно. Отсюда следует, что весьма ошибаются те, кто уповает на богатство и не полностью полагается на благословение Божие, в котором заключается и наше пропитание и достаточность того, чем мы обладаем. Отсюда вывод: нас отваживают от упования на богатство не только потому, что последнее можно использовать лишь в этой смертной жизни, но и потому, что, по сути, богатство – всего лишь дым. Ибо мы питаемся не одним лишь хлебом, но и благословением Божиим.

Говоря же «обильно», *εἰς ἀπόλαυσιν*, апостол имеет в виду, какую щедрость проявляет Бог к нам и, больше того, ко всем смертным и даже к бессловесным скотам. Ведь благодетельность Его разливается вширь и вдаль, сверх всего, что нам необходимо.

18) *Чтобы они благодетельствовали.* К предыдущему врачевству, устраняющему порочное желание богатства, апостол добавляет и другое. Он говорит нам о том, в чем состоит законное употребление дарованных нам благ. Ибо, чем большим имуществом кто-либо владеет, тем больший дается ему повод для благотворительности. И поскольку в отношении дарения мы всегда ленивее, чем подобает, апостол обстоятельно расхваливает перед нами добродетель щедрости. Кроме того, обещая вознаграждение, он подает нам дополнительный стимул к благотворению: проявляя щедрость и общительность, – говорит апостол, – богатые собирают себе лучшее сокровище, чем могли бы обрести на земле.

Под *основанием* Павел подразумевает крепкий и незыблемый фундамент. Ибо духовным сокровищам, которые мы собираем себе на небесах, не грозят ни моль, ни воры. Они

пребывают всегда, находясь вне всякой опасности. И, наоборот, на земле нет ничего незыблемого, но все в каком-то смысле мимолетно.

Далее, весьма глупы паписты, выводящие отсюда, будто мы в силу сказанного заслуживаем добрыми делами вечную жизнь. Действительно, все, что тратится на бедных, угодно Богу, однако, поскольку даже совершеннейшие исполняют едва ли сотую часть собственного долга, наше великодушие окажется недостойным, если предстанет перед судом Божиим само по себе. Больше того, если бы Бог стал подсчитывать сделанное нами добро, всякий человек непременно оказался бы постыженным. Вот до какой степени мы далеки от совершенной щедрости. Но, после того, как Бог незаслуженно примиряет нас с Собой, наше служение, каким бы оно ни было, становится угодным Ему настолько, что Он устаивает его незаслуженной награды. Посему вознаграждение проистекает здесь не от заслуг, а от милостивого принятия Богом наших дел. И указанная награда нисколько не противоречит праведности по вере, будучи в некотором смысле дополнением к этой праведности.

20) *О, Тимофей*. Хотя слово «залог» толкуется по-разному, я думаю, что оно просто означает ту благодать, которой Тимофей был наделен для исполнения своего служения. *Преданное* означает здесь то же, что и талант. Ибо Бог вверяет нам все Свои блага с тем условием, чтобы мы в свое время дали о них отчет, если по собственной лени не использовали их настолько полезно, насколько было нужно. Итак, апостол увещевает Тимофея прилежно хранить дарованное, или, скорее, данное в залог, не позволяя ему истлеть или обветшать, и не лишая себя этого залога по собственной вине. Ибо наша неблагодарность и злоупотребление дарами Божиими часто приводят к тому, что эти дары у нас отнимаются. Поэтому Павел увещевает Тимофея стараться сохранить вверенное ему с помощью доброй совести и правильного употребления.

Отвращаясь негодного (избегая мирской). Увещевание направлено на то, чтобы Тимофей сосредоточенно внимал истинному учению. А это может произойти только в том случае, если он будет отвращаться мишур. Ибо там, где процветает тщеславие, нет никакого усердия к назиданию. Посему, ранее сказав о сохранении залога, апостол не без причины тут же добавляет предостережение, заповедуя избегать мирской болтливости.

Далее, перевод **κενοφωνίας** как «пустые словеса» вполне терпим. Разве что потом толкователи, обманувшись двусмысленностью, изъясняют это выражение превратно. Ибо «словеса» они понимают в смысле фатума или судьбы. Я же думаю, что здесь скорее имеется в виду высокопарность речи и напыщенная болтливость тех, кто, не довольствуясь простотой Евангелия, обращает его в мирскую философию. Значит, **κενοφωνίας** заключаются не в отдельных словах, а в постоянном говорении, которое исторгают из себя тщеславные люди, более стремящиеся понравиться другим, нежели принести пользу Церкви. И Павел самым подходящим образом выражает суть дела. Ибо, возвещая незнамо что как нечто великое, эти люди не говорят при этом ничего полезного. Поэтому все это – лишь пустая болтовня, которую апостол называет мирской, коль скоро сила Духа угашается там, где учителя раздувают щеки лишь для того, чтобы расхвалить собственное красноречие.

Но эта зараза возобладала, несмотря на столь ясный и несомненный запрет Святого Духа, и, начав давать ростки с самого начала, в конце концов, настолько усилилась в папстве, что под маскою процветающего здесь богословия явилась живым примером той мирской и пустой шумливости, о которой упоминает Павел. Не говорю уже о том, что книги папистов и их громкие диспуты кишат бесчисленными заблуждениями, безумствами и богохульствами. Но даже если бы они и не учили ничему нечестивому, все же, поскольку их доктрина не содержит ничего, кроме огромных мыльных пузырей, и полностью чужда величия Священного Писания, основательности пророков и искренности апостолов, она тем самым представляет собой чистую профанацию подлинного богословия. Ибо, что,

спрашиваю я, говорят они о вере, покаянии, призывании Бога? Что говорят о человеческой немощи, помощи Святого Духа, незаслуженном отпущении грехов? Что из сказанного ими о служении Христа способно привести к твердому назиданию в благочестии? Но обо всем этом еще будет сказано в толковании на Второе Послание. Действительно, всякий, наделенный даже посредственными разумением и способностями, признает, что вся велеречивость папистского богословия и все учительские высказывания, звучащие в их школах, суть не что иное, как мирские *κενοφωνίας*, и не могут быть названы как-либо еще. И то, что всякий, отошедший от чистоты Писания, подвергается полному обмирщению, – воистину справедливейшее наказание за человеческую гордыню. Поэтому учителя Церкви должны особо тщательно избегать подобного рода порчи и отваживать от нее молодое поколение.

Древний переводчик, прочтя слово *καίνοφωνίας* с дифтонгом, передал его как «новизна». Из древних толкований явствует, что это чтение, которое ныне приводят даже греческие кодексы, некогда принималось весьма многими. Однако значительно больше подходит контексту первый, приведенный мною, перевод.

И прекословий (и прекословия). Это сказано к месту и вполне изящно. Ибо утонченное остроумие, которым кичатся жаждущие славы люди, пахнет такой гордыней, что полностью ниспровергает подлинное, простое и смиренное евангельское учение. Итак, помпу, которая столь сильно обращает на себя внимание, и которую мир принимает со столь великим одобрением, апостол и называет здесь прекословиями. Ибо тщеславие всегда склонно к спорам и является матерью всех пререканий. Поэтому те, кто желает превознестись, готовы сражаться с другими по совершенно любому поводу. Но Павел имел в виду, прежде всего, то, что пустое учение софистов, превозносясь до небесных умствований и изощренных тонкостей, не только заслоняет собой простоту истинного учения, но и прямо подавляет его, вызывая к нему презрение. Ибо мир всегда следует за внешним блеском. И Павел не хочет, чтобы Тимофей завидовал мишуре и пытался как-либо ей подражать. Поскольку же человеческому любопытству больше нравится то, что кажется утонченным и отличается внешним величием, Павел, напротив, говорит, что *знание*, превозносящее себя над простым и смиренным учением благочестия, является воистину *лжеименным*. И это следует прилежно отметить, дабы научиться спокойно высмеивать и презирать всю напыщенную мудрость, от восхищения которой цепенеет мир, и в которой, несмотря на это, не содержится никакого назидания. Следуя рассуждению Павла, лишь такое знание заслуживает называться таковым, которое наставляет нас в уповании и в страхе Божиим, то есть – в благочестии.

21) *Которому предавшись (придерживаясь которого)*. Апостол показывает, сколь опасно подобное знание, и как следует его избегать, ссылаясь на его результаты. Ибо Бог карает гордыню тех, кто искажает учение благочестия ради обретения славы, позволяя им утратить здравомыслие и впасть во многие глупые заблуждения. И мы видим, что именно это и происходит в папстве. Ведь после того, как паписты начали философствовать о тайнах веры в мирском духе, у них возникли бесчисленные и чудовищные заблуждения.

Вера понимается здесь, как и в некоторых других местах, в качестве сути всей религии и здравого учения. И если мы ужасаемся отпадения от веры, то, наученные подобными примерами, должны пребывать в чистом Слове Божиим и отвергать всю софистику и все утонченные умствования, коль скоро они представляют собой отвратительное искажение благочестия.